

СУБЪЕКТИВНОЕ КАЧЕСТВО ЖИЗНИ В РАЗЛИЧНЫХ ПО ХАРАКТЕРУ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАКРЫТОСТИ СОЦИУМАХ

Д. В. Сочивко, Т. Н. Савченко, Г. М. Головина

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы индивидуальных психологических и психодинамических различий в группах испытуемых, представляющих разные по закрытости социальные системы.

Ключевые слова: качество жизни, субъективное качество жизни, самоотношение, удовлетворенность жизнью.

The summary: this paper discusses the issues of individual psychological and psychodynamic differences in the groups of subjects representing different in closed social systems.

Key words: quality of life, subjective quality of life, samootnoshenie, satisfaction with life.

Субъективное качество жизни [СКЖ] мы понимаем как степень соответствия реальных ценностных структур различного уровня (понятий) идеальным в представлении респондентов. Субъективное качество жизни входит как составляющая в интегральный показатель качества жизни. Данное исследование направлено на изучение субъективного качества жизни и общей удовлетворенности жизнью как его интегрального показателя. В указанной работе мы поставили своей целью сравнить структуры субъективного качества жизни людей, основная жизнедеятельность которых на больших отрезках времени определяется степенью социальной закрытости социума.

Центральным понятием теории систем, системного анализа является понятие системы. Существует много определений систем.

Система — совокупность частей или компонентов, связанных между собой организационно. Под системой может пониматься естественное соединение составных частей, самостоятельно существующих в природе, а также нечто абстрактное, порожденное воображением человека. Эти определения аккумулируют как само определение системы, так и свойства систем.

А.И. Уемов, проводя анализ различных определений понятия «система», останавливается на следующих: 1) множество объектов, на котором реализуется определенное отношение с фиксированными свойствами; 2) множество объектов, которые обладают заранее определенными свойствами с фиксированными между ними отношениями.

Для психологии полезным является также определение Акоффа и Эмери. Система — это множество взаимосвязанных элементов, каждый из которых связан прямо или косвенно с каждым другим элементом, а два любые подмножества этого множества не могут быть независимыми.

Свойства области существования системы и накладываемые на нее ограничения определяют научный подход и методологию, которые должны быть использованы при изучении системы.

Различают живые и неживые системы. Живыми называются системы, обладающие биологическими функциями (рождение, смерть, воспроизводство).

Можно выделить абстрактные и конкретные системы по определению Акоффа и Эмери. Система называется абстрактной, если ее элементы являются понятиями. Систему относят к конкретным, если по крайней мере два ее элемента являются объектами. Дж. ван Гиг дополняет эти определения, назвав систему конкретной, если ее элементы являются либо объектами, либо субъектами, либо и теми и другими. Это не лишает общности определение Акоффа. Все абстрактные системы — неживые, в то время как конкретные системы могут быть и живыми, и неживыми.

С точки зрения проведения эксперимента особое значение имеет свойство замкнутости, закрытости системы. Деление систем на открытые и замкнутые является важным основанием классификации систем. Система считается замкнутой, если у нее нет окружающей среды, то есть внешних контактирующих с ней систем. К замкнутым относятся те системы, на которые внешние системы не оказывают существенного влияния, у которых отсутствует обмен материей, энергией и информацией с окружающей средой.

В закрытой системе (частично изолированной) отсутствует обмен материей с окружающей средой, однако возможен обмен энергией и информацией. В полностью изолированной системе отсутствует и обмен энергией, а в замкнутой — еще и обмен информацией.

Различие между открытыми и замкнутыми системами — основной момент в понимании фундаментальных принци-

пов общей теории систем. Всякая попытка рассмотрения открытых систем как замкнутых, когда внешняя среда не принимается во внимание, таит в себе большую опасность, которую необходимо полностью осознать. Большинство живых систем — открытые. Неживые системы являются относительно замкнутыми; наличие обратной связи наделяет их некоторыми неполными свойствами живых систем, связанными с состоянием равновесия.

Систему исправительных учреждений и систему обучения курсантов возможно отнести к закрытым (частично изолированным) живым системам в смысле социально-психологического взаимодействия и различной степени закрытости. А некоторые структуры особо строгого режима — к замкнутым.

Это дает нам возможность построить исследование живых естественных систем по истинно экспериментальному плану.

Для проведения эмпирических исследований СКЖ личности в разных по качеству жизни условиях были выбраны следующие группы испытуемых. Обучающиеся в военизированном учебном заведении курсанты первого (38 человек) и четвертого курса (48 человек). Осужденные (89 человек) и сотрудники колонии строгого режима (41 человек). Все испытуемые принадлежат к одной возрастной группе от 17 до 27 лет. Средний возраст испытуемых в группах приведен в таблице 1.

Обучающиеся в зависимости от курса различаются по степени социальной закрытости условий жизнедеятельности (УЖД): первокурсники живут на казарменном положении, имеют ограниченные возможности контактов с родствен-

Таблица 1

Средний возраст испытуемых разных групп

Испытуемые	Средний возраст, лет
Курсанты первого курса	17,9
Курсанты четвертого курса	20,4
Сотрудники ИУ	23,9
Осужденные	24,4

никами и внешним миром, курсанты четвертого курса живут в городе, дома или снимают квартиры, посещая учебное заведение в положенные часы рабочего (учебного) времени.

По степени закрытости различаются и группы осужденных и сотрудников исправительных учреждений. Осужденные находятся в колонии постоянно, для работающих осужденных предусмотрен раз в год отпуск 10 дней, если он осужден не по тяжкой статье (на практике применяется не очень часто). Сотрудники живут в поселке, обычно окружающем исправительное учреждение, имеют довольно напряженный график работы, за что получают специальную доплату, их контакты за пределами места работы и проживания весьма ограничены. В целом можно отметить, что ИУ и для со-

трудников, и тем более для осужденных представляет собой, хотя и в разной степени, но более закрытую систему, чем военизированное учебное заведение.

Мы предполагаем следующую упорядоченность условий жизнедеятельности по критерию их социальной закрытости в описанных четырех группах. Более всех закрыты осужденные, далее сотрудники исправительного учреждения, затем курсанты первого курса, находящиеся на казарменном положении с ограниченным выходом за пределы учебного заведения, и курсанты четвертого курса, свободно проживающие в городе.

Предлагаем классификацию указанных групп испытуемых (табл. 2) по двум критериям — интенсивности внешнего контроля и интенсивности внутреннего ощущения социальной закрытости и так-

Таблица 2

Классификация типов испытуемых по двум критериям

	Высокая степень внутриличностной ответственности за нарушения установленных правил закрытости УЖД	Низкая степень внутриличностной ответственности за нарушения установленных правил закрытости УЖД
Высокая степень внешнего контроля за нарушениями правил социальной закрытости учреждения	Курсанты первого курса	Осужденные, отбывающие наказание в ИУ
Низкая степень внешнего контроля за нарушениями правил социальной закрытости учреждения	Сотрудники, несущие службу ИУ	Курсанты четвертого курса

же принятия наложенных ею запретов.

С такой комплексной точки зрения курсанты первого курса принимают внешние запреты, так как еще не умеют их обходить там, где это возможно, и не напрягаться при исполнении там, где это невозможно. Кроме того, они подвергаются более жесткому внешнему контролю.

Курсанты четвертого курса в меньшей степени подвержены внешнему контролю и гораздо менее ответственны за соблюдение правил закрытости системы.

Осужденные по определению не отягощены внутренним чувством ответственности, всегда готовы нарушить любое правило, если могут надеяться, что не будут наказаны. Однако они находятся в УЖД с самой высокой степенью внешнего контроля, установленного правилами режима.

Сотрудники одинаково подвержены и внешнему и внутреннему контролю. Они не курсанты, и понимают личную ответственность службы, хотя бы исходя из возможных последствий любых нарушений закрытости системы. Кроме того, система законов и приказов, внутренних распоряжений существенно ограничивает их внешне.

Перейдем теперь к анализу того, как полученные эмпирические данные соотносятся с классификацией, построенной на основе предложенных внешних критериев.

Для получения данных использовались разработанные авторами методики.

1. Опросник СКЖ, включающий удовлетворенность жизнью в структуру параметров субъективного качества жизни [2] (Савченко, 2001; Головина, Савченко, 2002).

Субъективное качество жизни оценивалось как степень соответствия реальных понятий (ценностей различного уровня) идеальным в представлении респондентов. Использовалась следующая формула для получения количественных показателей:

$$СКЖ = \frac{\sum (10 - \text{суп})}{20},$$

где СКЖ — общий показатель субъективного качества жизни,

$\sum pi = P_m - P_r$, то есть разность по каждому понятию, входящему в структуру качества жизни между идеальным и реальным его значениями.

В соответствии с нормой по разработанной нами методике оценки СКЖ [7], если показатель качества жизни больше 5, то субъективное качество жизни респондента высокое, однако при показателях, близких к 9, 10, можно ставить вопрос о достоверности результатов. Если показатели близки к 5, то это говорит о норме. При показателе, меньше 5 можно говорить о низком уровне субъективного качества жизни, если показатель ниже 2, может иметь место внутриличностный конфликт.

2. Методика динамической психодиагностики «Принятие себя»: в качестве параметра СКЖ рассматривается «принятие себя».

3. Методика динамической психодиагностики «Социальная устроенность личности»: в качестве параметра СКЖ рассматривается «социальная устроенность личности».

В случае динамической психодиагностики СКЖ оценивается общая удовлетворенность жизнью, а в качестве второго параметра может рассматриваться один из параметров СКЖ (например,

Таблица 3

Сочетание оценок параметров

Сочетание оценок параметров	Удовлетворен жизнью	Не удовлетворен жизнью
Положительная оценка параметра СКЖ	I	II
Отрицательная оценка параметра СКЖ	III	IV

социальная устроенность или принятие себя) (табл. 3).

Каждый вопрос методики представляет собой описание одной из четырех ситуаций и предложение выбрать один вариант выхода из данной ситуации. Таких вариантов — три.

Таким образом, существует шесть возможных сочетаний из четырех представленных состояний. Переходя мысленно из одного состояния в другое, человек, наконец, возвращается в исходное состояние; цикл завершается. Последний переход называется предельным циклом. Психологический анализ неустойчивого равновесия между первым и последним состояниями позволяет дать название данному динамическому типу личности. Методики, построенные с помощью этого метода, позволили выделить шесть типов принятия себя: капризный, самокритичный, мазохист, критикан, зависимый и шесть типов социальной устроенности личности: реалист, оптимист, игрок, бродяга, жадный, аскет.

4. Опросник самоотношения Столина.

В качестве методов многомерного анализа данных использовались регрессионный анализ для выявления функциональных зависимостей удовлетворенности жизнью от приведенных ранее характеристик.

В таблице 4 даны оценки статистической значимости различий средних показателей реального и идеального качества жизни в разных по степени социальной закрытости группах испытуемых.

Статистически значимые различия получены в группах испытуемых, представляющих более закрытую социальную систему, а именно исправительное учреждение¹. Причем, как показывает нам рисунок 1, различия существенно более значимы у осужденных, то есть в группе, которая принадлежит к максимально закрытой в нашей классификации системе. Однако у сотрудников также имеются значимые различия реального и идеального КЖ.

Значительно более открытая социальная система — военное учебное заведение (но более закрытая, чем обычный вуз) — отличается тем, что обе группы обучающихся (разной степени закрытости) не показывают значимых различий реального и идеального КЖ.

¹ Заметим, что если кто-то думает, что для сотрудников это не такая уж закрытая социальная система, и надо еще обосновать, что ИУ более закрытая система для несущих там службу, чем учебное заведение для несущих службу в период обучения, то лучше всего на этот вопрос отвечают осужденные, которые любят напоминать сотрудникам буквально следующее: «Это вы в тюрьме, а мы то дома». См.: Преступление и наказание от А до Я: словарь по пенитенциарной психологии / под общ. ред. Д. В. Социвко. М., 2009.

Таблица 4
Оценки статистической значимости различий средних показателей реального и идеального КЖ в разных группах испытуемых

	Осужденные, реальное КЖ/ идеальное КЖ	Сотрудники, реальное КЖ/ идеальное КЖ	Первый курс, реальное КЖ/ идеальное КЖ	Четвертый курс, реальное КЖ/ идеальное КЖ
Осужденные, идеальное КЖ	0,0000	0,0027	-	-

То обстоятельство, что в среднем и реальное и идеальное КЖ сотрудников значительно выше (табл. 5, 6), чем у осужденных, имеет много причин (в том числе психологических, связанных с переживаниями ограничения свободы, бесправности), добавляющихся к той причине, которую мы пытаемся исследовать, а именно социальной закрытости УЖД. И вычленив эту последнюю причину довольно трудно. Однако тот факт, что оценки идеального качества жизни существенно отличаются от оценок реального, уже может быть приписан именно социальной закрытости системы, так как

это то небольшое, что является общим и для осужденных и для сотрудников на территории исправительного учреждения.

И именно отсутствие этих различий имеет место в гораздо менее закрытой системе — образовательном учреждении, хотя и военизированного типа. Однако здесь возникает другой вопрос, почему у обучающихся курсантов к четвертому курсу статистически значимо происходит снижение оценок как реального, так и идеального качества жизни, несмотря на то, что их УЖД становятся социально более открытыми и свобод-

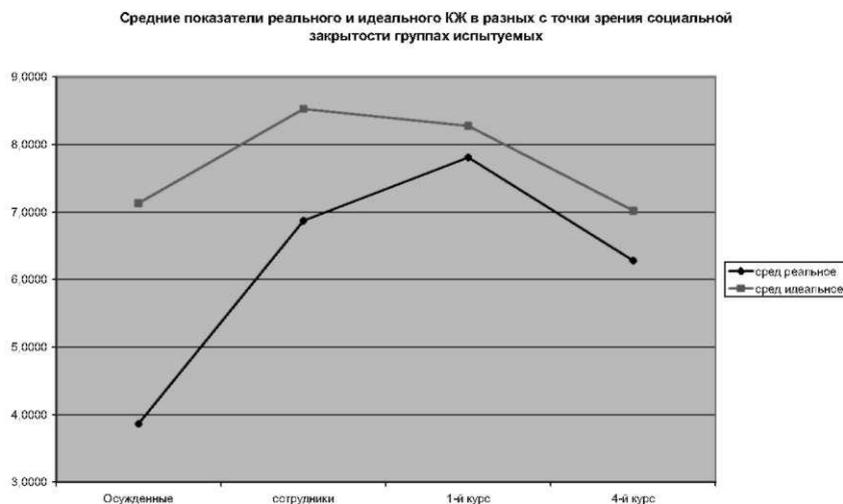

Рис. 1

Таблица 5

**Значения уровня значимости различий средних показателей
реального качества жизни разных групп**

	Осужденные	Сотрудники	1-й курс	4-й курс
Осужденные		0,0000	0,0000	0,0000
Сотрудники			-	-
1-й курс				0,0002
4-й курс				

Таблица 6

Значения уровня значимости различий средних показателей ИКЖ

	Осужденные	Сотрудники	1-й курс	4-й курс
Осужденные		0,0172	0,0406	Нет
Сотрудники			нет	0,0085
1-й курс				0,0107
4-й курс				

ными. Скорее всего, это влияние других факторов — неопределенность жизненной перспективы, боязнь будущей профессионализации, то есть перехода в ту самую гораздо более закрытую систему ИУ, и др.

На данный момент эти показатели подтверждаются и результатами, приведенными на рисунке 2. Так, итоговое качество жизни снижается к четвертому курсу, приближаясь к показателям уровня итогового КЖ у сотрудников.

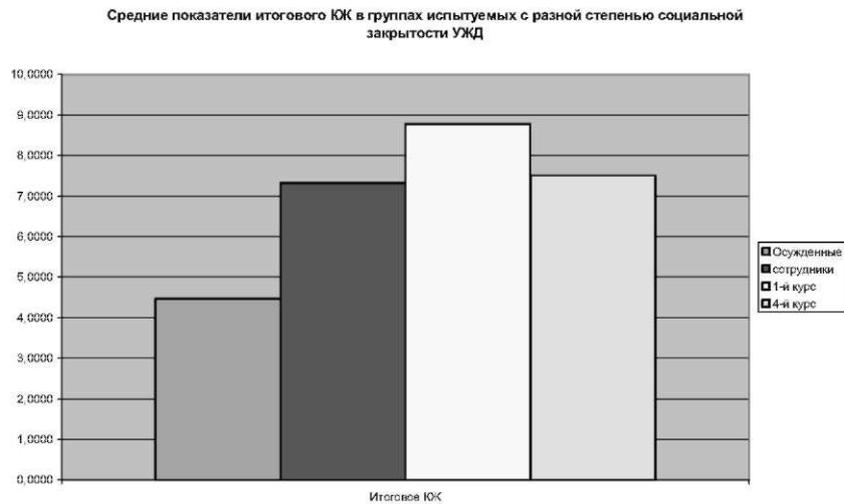

Рис. 2

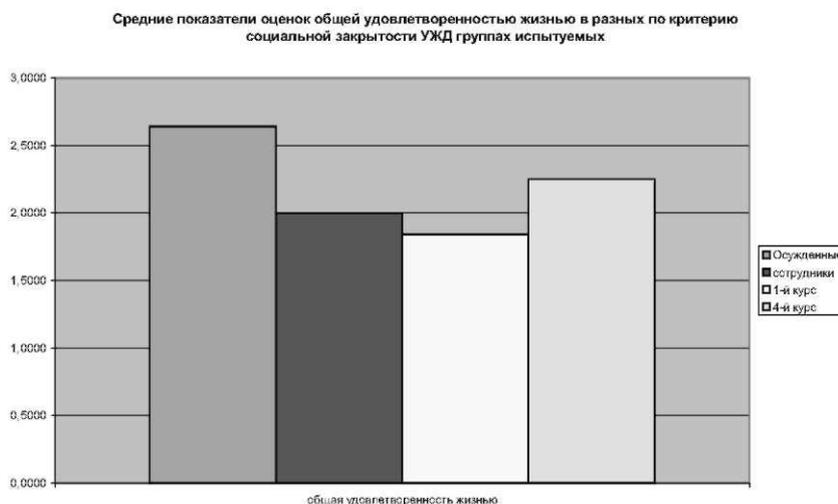

Рис. 3

К этому можно добавить только то, что практику в местах лишения свободы курсанты проходят именно на четвертом курсе. Возможно, эти первые впечатления об их будущей службе играют не последнюю роль в общем снижении оценок КЖ. Однако имеются и другие причины, поэтому вычленить собственно роль социальной закрытости пока затруднительно. К этому вопросу мы еще вернемся. В таблице 7 можно видеть значимость различий итогового качества жизни в разных группах испытуемых.

В то же время на фоне всего изложенного парадоксально выглядят оценки об-

щей удовлетворенности жизнью в разных группах испытуемых (рис. 3).

Из приведенной гистограммы видно, что выше всего общая удовлетворенность жизнью у осужденных, несколько ниже у четвертого курса, далее соответственно идут сотрудники, и самая низкая УЖ у первого курса. Однако это только тенденция. Статистически значимый факт заключается в том, что удовлетворенность жизнью у осужденных выше, чем у сотрудников и на первом курсе (табл. 8).

При этом оценки итогового качества жизни и удовлетворенности жизнью

Таблица 7
Значения уровня значимости различий средних показателей итогового качества жизни

	Осужденные	Сотрудники	1-й курс	4-й курс
Осужденные		0,0000	0,0000	0,0000
Сотрудники			0,0002	Нет
1-й курс				0,0033
4-й курс				

Таблица 8

Значения уровня значимости различий средних показателей удовлетворенности жизнью разных групп

	Осужденные	Сотрудники	1-й курс	4-й курс
Осужденные		0,0154	0,0022	-
Сотрудники			-	-
1-й курс				-
4-й курс				

в закрытых социальных системах носят противоположный характер. Повышение одних оценок ведет к снижению других и наоборот. Для наглядности мы представили эти результаты на отдельном графике (рис. 4).

Итак, у осужденных самое низкое итоговое качество жизни сопряжено с самой высокой удовлетворенностью жизнью. Это может иметь свое частное объяснение как результат гуманизации уголовно-исполнительной системы России. Условия отбывания наказания существенно изменились, некоторые из

«старосидящих» называют современную зону санаторием. Однако такого объяснения явно недостаточно, так как имеется общая тенденция во всех четырех группах, в частности, имеет место существенное повышение удовлетворенности жизнью у четвертого курса, где наблюдалось снижение итогового качества жизни по сравнению с первым курсом. Мы предполагаем, что речь идет именно о специфическом влиянии социально закрытых условий жизнедеятельности, не связанном с линейным нарастанием закрытости, а скорее с предложенной

Средние оценки общей удовлетворенностью жизнью и качества жизни в разных группах испытуемых

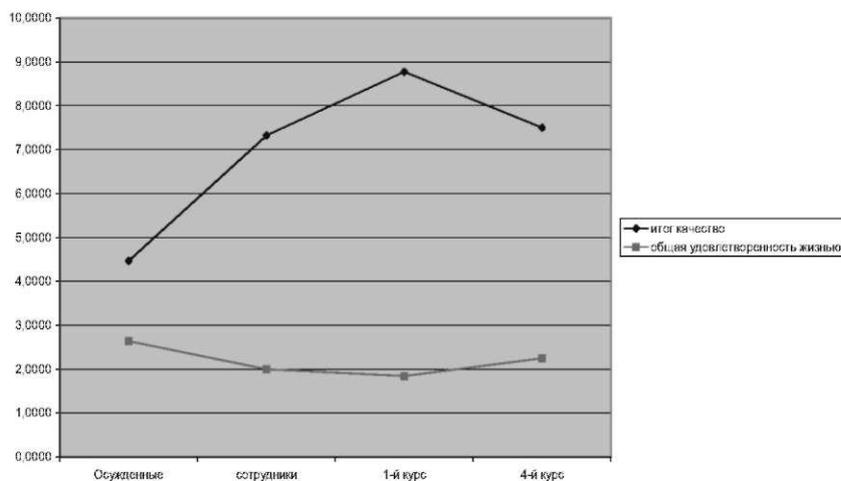

Рис. 4

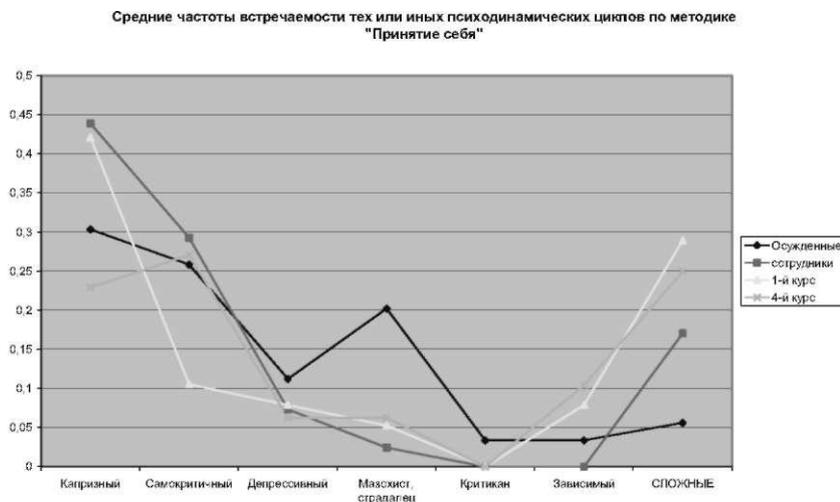

Рис. 5

нами психодинамической типологией. Согласно этой типологии у осужденных и курсантов четвертого курса общей является низкая внутренняя ответственность за выполнение запретов, налагаемых социальной закрытостью УЖД. Следует отметить, что осужденные, представленные в обследованной выборке, уже отбывают основной период срока, когда период адаптации пройден. Также как и четверокурсники, они уже знают все возможности обхода правил режима. Таким образом, закрытая система у адаптировавшихся своих представителей формирует парадоксальное отношение к жизни, когда ее качество воспринимается как хуже некуда, но при этом все устраивает и менять ничего не хочется. Пример отношения к жизни не такой уж новый, часто встречается в художественной литературе, однако мы рассматриваем формирование такого отношения как результат длительного нахождения в социально закрытых системах. Если это дей-

ствительно так, то косвенным подтверждением должны выступить соответствующие изменения личности, которые мы намерены выявить по сформированному специально для этих исследований набору психодиагностических методик. Перейдем к анализу полученных результатов. Начнем со специальной психодинамической диагностики некоторых аспектов качества жизни.

Как видно из рисунка 5 среди осужденных статистически значимо чаще, чем в других группах ($p = 0,0289$), встречается психодинамический тип «мазохиста, страдальца», в психодинамический цикл которого входят такие циклически сменяющие друг друга состояния, как «удовлетворен жизнью — не принимает себя» (сменяющееся на) «не удовлетворен жизнью — принимает себя». Это подтверждает высказанное предположение об особом характере закрытости социальной системы в условиях лишения свободы и их влияния на лич-

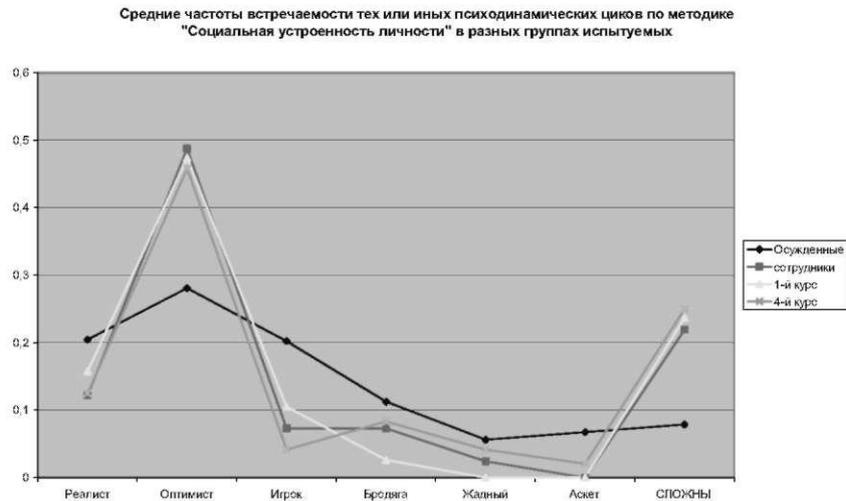

Рис. 6

ность. А как быть с четвертым курсом? У них ведущим типом выступает «самокритичный, совестливый», для которого характерна смена состояний «удовлетворен жизнью — принимает себя» (сменяющееся на) «не удовлетворен жизнью — принимает себя». Имеет место совпадение по состоянию «не удовлетворен жизнью — принимает себя». Таким образом, общее у них то, что представители этих групп могут, не принимая себя, быть удовлетворенными жизнью. Это согласуется с установленным расхождением в оценках итогового качества жизни и удовлетворенности ею. При условии, конечно, если человек принимает на себя ответственность за свое качество жизни, то есть понимает, что только он виноват в том, что качество его жизни не слишком хорошее, но это не повод быть неудовлетворенным тем, что есть. При улучшении же качества жизни, изменении каких-то обстоятельств, опять же в силу этой ответственности может

снижаться удовлетворенность жизнью. Почему не достиг большего? Однако эта ситуация как раз одинаково отсутствует как у осужденных, так и у курсантов четвертого курса. Ни те, ни другие на данный конкретный момент ничего не могут улучшить, причем именно в силу закрытости системы. И тем и другим только остается ждать освобождения или выпуска из учебного заведения. Теоретически четверокурсник может все бросить и отказаться дожидаться диплома, но это единичные случаи, по вероятности сравнимые с побегом из мест лишения свободы.

График, приведенный на рисунке 6, подтверждает мазохистский характер удовлетворенности жизнью осужденными. Среди них меньше оптимистов и больше реалистов, также больше таких самоудовлетворяющихся любой жизнью граждан, как игроков, бродяг, жадных и аскетов (по пунктам «оптимист» и «игрок» различия значимы).

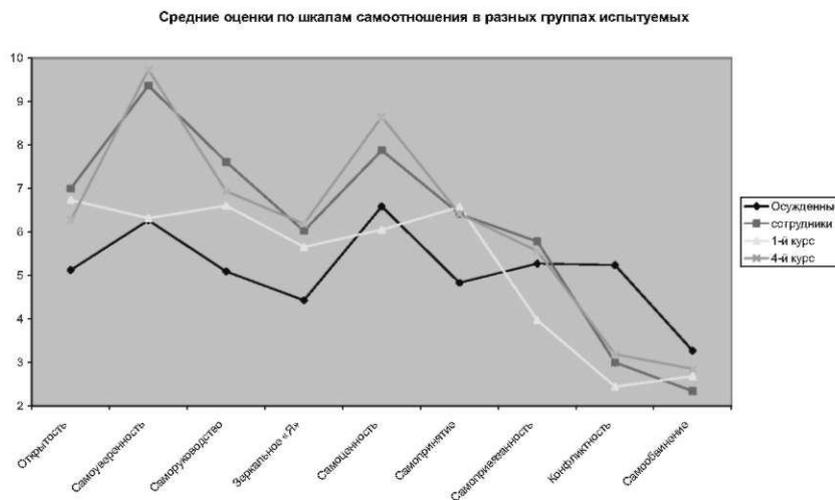
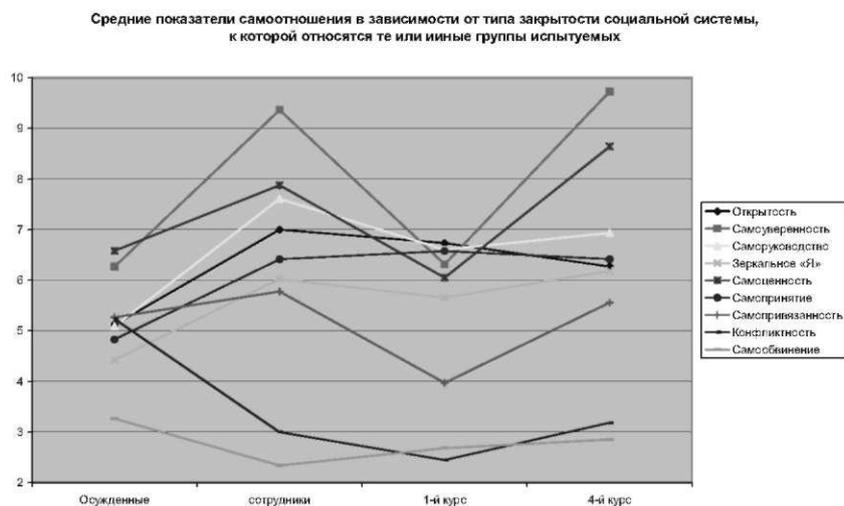

Рис. 7

Перейдем к анализу других психодиагностических результатов.

На рисунке 7 можно видеть, что осужденные отличаются свернутой структурой самооношения, их оценки по первым семи шкалам, укладывающимся (согласно авторам метода) в факторы «самоуважения» (1-4 шкалы) и «аутосимпатии» (5-7 шкалы) снижены, а показатели по шкалам фактора «внутренней конфликтности» (8, 9 шкалы), напротив, повышены. В целом они хуже относятся к себе и склонны к большей внутренней конфликтности. Последнее, кстати, может быть одной из косвенных причин парадоксального соотношения итогового качества жизни и удовлетворенностью жизнью у осужденных. Далее, также несколько снижены по первым двум факторам, хотя и меньше, чем у осужденных, показатели самооношения в группе курсантов первого курса. Такое общее снижение самоуважения и аутосимпатии у осужденных и перво-

курсников может иметь своей причиной большую социальную закрытость в обеих группах внутри собственно учреждения. Так, осужденные находятся в условиях гораздо большего ограничения социальных контактов, чем сотрудники, а первокурсники больше, чем курсанты четвертого курса. Это соответствует первой, верхней строчке таблицы классификации (табл. 1), то есть для этих испытуемых общим моментом социальной закрытости УЖД является повышенный внешний контроль за соблюдением режима. Таким образом, такой критерий закрытости, как избыточный контроль, подавляет актуализацию самооношения. Это хорошо видно на рисунке 8. У осужденных и первокурсников имеют место снижение уровня выраженности самооношения по первым двум факторам и повышение внутренней конфликтности (третий фактор). В соответствии со сделанным предположением о подавлении самооношения закрытостью

Рис. 8

системы у осужденных это снижение больше.

В заключение представим средние показатели реального и идеального качества жизни по разным позициям его оценки.

На рисунке 9 показано, что ниже всех оценки реального качества жизни у осужденных. И это понятно. Наблюдается некоторая тенденция снижения оценок у четвертого курса по сравнению с другими группами, то есть прослеживается некоторое влияние критерия закрытости (независимо от лишения свободы) по второму столбцу таблицы классификации. Эти группы объединены общим признаком относительно сниженной личной ответственности по отношению к режиму закрытости социальной системы.

Что же касается идеального представления о качестве жизни, то здесь эта тенденция достаточно четко прослеживается (рис. 10). У осужденных также

самые низкие оценки, что само по себе достаточно интересно. Можно предположить, что лишение свободы могло бы породить гипертрофированное желание жизненных благ, однако, как видно из результатов закрытости системы, в среде как осужденных, так и четверокурсников, происходит свертывание желания более высокого качества жизни. Напротив, более совестливые и ответственные сотрудники и первокурсники демонстрируют более высокое идеальное качество жизни. Складывается впечатление, что за свое ответственное отношение к делу человек ожидает как бы платы в будущем в виде улучшения качества жизни. Своей повышенной ответственностью он психологически зарабатывает себе право, хотя бы мечтать о большем.

Анализ результатов исследований в группах с разной степенью социальной закрытости показал, что предложенная классификация типов подтвердилась.

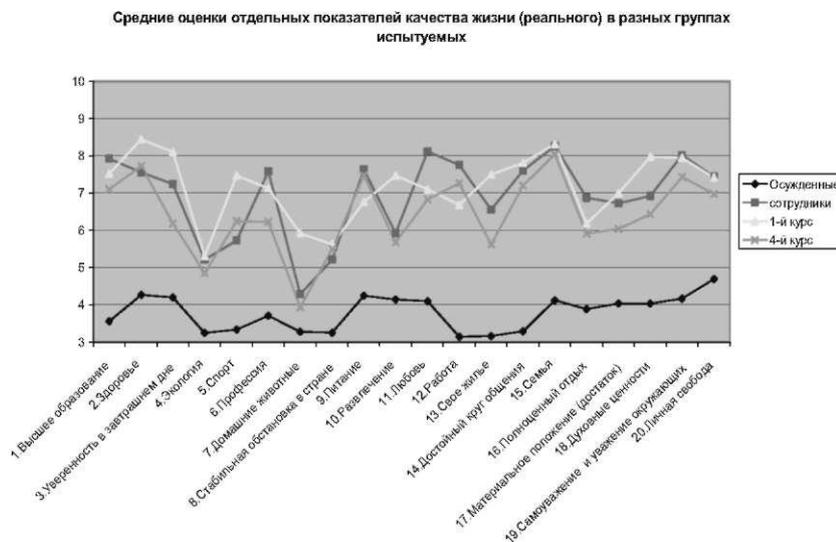

Рис. 9

Нами был проведен факторный анализ реальных ценностных структур и СКЖ всех четырех групп респондентов.

Было показано, что у курсантов первого курса и осужденных наиболее «рыхлые» факторные структуры, что свидетельствует об отсутствии целостности личности.

У первого курса наиболее значимыми являются факторы: достойный круг общения, который в основном связан с семьей, СКЖ, удовлетворенность жизнью, фактор высшего образования и развлечения.

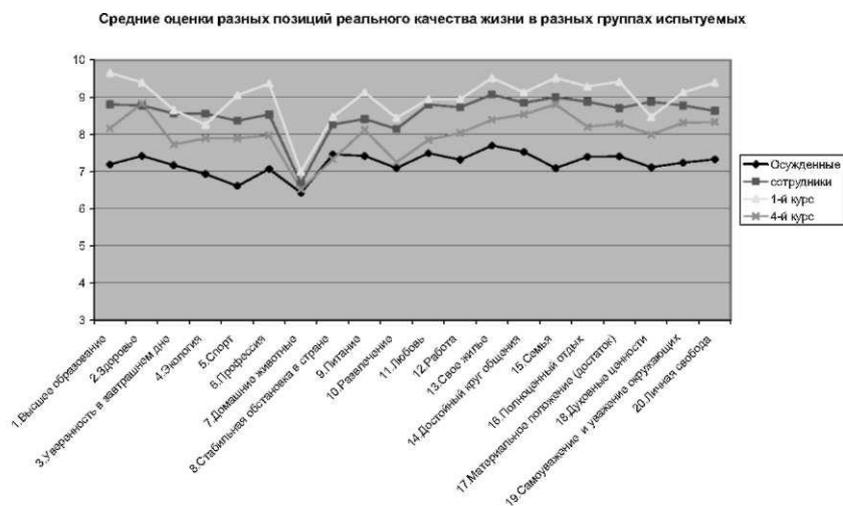
Для осужденных наиболее значимыми являются факторы: жизненной наполненности (материальное обеспечение, семья, полноценный отдых), социальной наполненности (жилье, достойный круг общения), здоровья, СКЖ и удовлетворенность жизнью и фактор самоуважения, в который входят духовные ценности.

Только в данной группе респондентов в качестве составляющих фактора были выделены духовные ценности.

У курсантов и работающих факторные структуры наиболее схожи, хотя есть определенная схожесть и у групп работающих — заключенных; курсантов первого курса — курсантов четвертого курса.

В качестве первого, наиболее нагруженного фактора у студентов четвертого курса, выступает фактор СКЖ, который определяется профессиональной сферой, самоуважением и уважением окружающих, личной свободой, наличием своего жилья (перед выходом в состояние открытой системы); факторы уверенности в завтрашнем дне, работы и т. д.

У работающих наиболее нагруженный фактор можно определить как фактор жизненной наполненности (профессиональная сфера, работа, здоровье, уверен-

Рис. 10

ность в завтрашнем дне, семья, отдых). Фактор удовлетворенности жизнью, который в большей степени определяется наличием своего жилья, фактор стабильной обстановки (только у данной группы респондентов). Следует отметить, что фактор жизненной наполненности определяется степенью закрытости системы, которая определяется в свою очередь уровнем внешнего контроля и внутриличностной ответственности. Дальнейшие исследования возможно позволят подойти к решению задачи формирования жизненной наполненности через управление СКЖ при выходе в открытую систему.

Литература

1. Головина Г.М. Структура показателя общей удовлетворенности жизнью // Качество жизни: критерии, оценки. Отечественный и зарубежный опыт. — М., 2002. — С. 17-19.
2. Головина Г.М. Удовлетворенность жизнью и стили поведения // Материалы III Всерос. съезда Рос. психолог. общ-ва. — СПб.: Рос. психолог. общ-во, 2003.

3. Головина Г.М., Савченко Т.Н. Экология человека: теоретическое и экспериментальное исследование качества жизни. — М.: Изд-во Ин-т психологии РАН, 1996.

4. Головина Г.М., Савченко Т.Н. Восприятие экологической опасности // Труды Ин-та психологии РАН. — М.: Ин-т психологии РАН, 1997.

5. Головина Г.М., Савченко Т.Н. Методы исследования качества жизни // Материалы II Всерос. науч. конф. по психологии Рос. психолог. общ-ва. — Ростов н/Д: Рос. психолог. общ-во, 1997. — С. 145-146.

6. Головина Г.М., Савченко Т.Н. Система показателей и методы оценки качества жизни. — М.: Ин-т психологии РАН, 2001.

7. Савченко Т.Н. Динамика качества жизни и психологический статус // Методы исследования психологических структур и их динамики. — М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 1999. — С. 38-53.

8. Савченко Т.Н. Моделирование динамики системных образований психики // Идея системности в современной психологии / под ред. В.А. Барбанщикова. — М.: Ин-т психологии РАН, 2005. — С. 99-119.

9. Савченко Т.Н., Соколов Е.Я. Мотивация и удовлетворенность жизнью // Методы исследования психологических структур и их динамики / под ред. Т.Н. Савченко. — М.: Ин-т психологии РАН, — 2002. — Вып. 2.

10. Сочивко Д.В. Психодинамика. — М.: МПСИ, 2007.

11. Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. — М.: Мысль, 1978.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СУБЪЕКТИВНОГО КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Т. Н. Савченко

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы моделирования удовлетворенности жизнью, представлена функция оценки экономического благосостояния, мотивационной ориентации, самодоверия и стиля поведения. Модель основана на результатах эмпирического исследования взаимосвязи между удовлетворенностью жизнью, субъективным экономическим качеством жизни, стилями поведения и личными особенностями. Данные опросов были обработаны посредством факторного и регрессионного анализов. Субъективные измерения жизненной удовлетворенности описаны двумя факторами: первый представляет познавательную оценку жизни, второй — эмоциональную.

Ключевые слова: математическая модель, удовлетворенность жизнью, экономическое благосостояние, мотивационная ориентация, самодоверие, стиль поведения.

The summary: in the article the mathematical model of satisfaction by life as a function of an estimation of economic well-being, a motivational orientation, self-trust and style of behaviour is presented. The model is based on the results of empirical research of interrelation between satisfaction of a life, subjective economic quality of a life, styles of behaviour and several personal characteristics, such as self-trust and a motivational orientation. The data of interrogations of respondents was processed by means of factorial, cluster, regression analysis. The reconstructed subjective dimensions of life satisfaction are described by two factors: the first is a

cognitive estimation of life, the second — an emotional estimation of life. As a result the descriptive regression model of subjective quality of life was constructed.

Key words: mathematical model, satisfaction by life, economic well-being, motivational orientation, self-trust, style of behaviour.

Качество жизни является одним из системообразующих факторов всей психической организации человека. На основе определенного качества жизни формируются системы доминирующих отношений человека к действительности, управляющие его поведением и личностью. Резкие изменения качества жизни (КЖ) могут приводить к деформациям личности. Какие-то дефициты КЖ ведут к различным деформациям поведения и личности. С этой точки зрения КЖ является над-личностным и над-поведенческим фактором. Следовательно, методологическое изучение качества жизни должно быть основано на методе моделирования. Он применяется для изучения сложных систем, процессов, которые не могут быть изучены непосредственно. Конечно, модель реального процесса есть «упрощение», однако она дает возможность понять, как устроен конкретный объект (структура, основные свойства, связи, законы развития и т. д.), а также научиться им управлять. В нашем случае объектом выступает качество жизни человека в современном обществе. Рассмотрим основные подходы к его моделированию как ступени к построению общей теории КЖ.

Теория является более абстрактной, более общей, ее цель — объяснение поведения не единичного объекта, а некоего класса объектов. Теория содержит конечную или бесконечную совокупность моделей.

Научная модель всегда логически обоснована и использует минимальное число гипотез, сформулированных на основе наблюдения за объектами. При наблюдении за объектом у исследователя формируется некий мысленный образ объекта (идеальная модель), которую принято называть когнитивной моделью. Вербализованная когнитивная модель называется содержательной моделью. Их подразделяют на описательные, объяснительные и предсказательные. Когнитивные модели являются субъективными. Если содержательная модель основана на определенной концепции, то она называется концептуальной моделью. Формальная модель — это концептуальная модель, сформулированная на каком-либо формальном языке. Если в качестве формального языка используется математический аппарат, то такая модель называется математической. Суть математической модели заключается в отображении некоторого заданного множества значений входных параметров на множество выходных параметров. В связи с этим под математической моделью можно понимать любой оператор, который позволяет по соответствующим входным параметрам определить выходные. Выделяют детерминированные и неопределенные модели; динамические и статистические; одномерные и многомерные; дискретные и непрерывные; качественные и количественные и др.

По целям моделирования выделяют дескриптивные и нормативные модели. Нормативные модели обычно используют накопленный опыт естественных наук. Дескриптивные модели являются реализацией описательных содержательных моделей на формальном уровне моделирования. Для разработки дескриптивной модели обычно используют полученный эмпирический материал. С помощью методов регрессионного анализа эти данные аппроксимируются наиболее подходящей функциональной зависимостью. В качестве метода моделирования часто используются методы факторного и однофакторного дисперсионного анализа.

В настоящее время в психологии наиболее распространено использование дескриптивного подхода к моделированию психических систем. В частности, в этой статье по результатам эмпирических исследований субъективного качества жизни и удовлетворенности жизнью построена дескриптивная математическая модель удовлетворенности жизнью как функции экономического благополучия и стилей поведения.

Структура субъективного качества жизни

Понятие «качество жизни» родилось как попытка числового выражения особенностей социально-экономической среды жизни людей. Качество жизни выступает как функция следующих параметров: психическое здоровье, рождение, смертность, количество больниц, количество медицинского персонала, курение, потребление алкоголя, наркотиков, государственное ассигнование на лечение, средний уровень потребления и др. Каждому из перечисленных пара-

метров придаются условные веса и с помощью теории игр выводятся индикаторы, представленные в виде риска или оценки здоровья.

Наиболее показательными являются индексы роста государственных вложений в лечение и питание населения, сравненные со смертностью и заболеваемостью людей [6]. Другой распространенный подход — выяснение сущности понятия качества жизни на основе социологических опросов, то есть качество жизни рассматривается как субъективный показатель. Близкое совпадение жизненных стереотипов и возможности их реализации дает максимум этого качества. Оба эти подхода в отдельности не дают желаемого результата, необходим интегративный подход, который будет включать в себя изучение как объективных, так и субъективных показателей, определяющих понятие качества жизни. Проблема качества жизни актуальна в тех обществах или общественных группах, уровень жизни которых находится на удовлетворительном уровне, когда проблема физического выживания стоит остро. В менеджменте существуют стратегия качества TQM и стратегия кризисного управления, и обычно эти две стратегии одновременно не применяются.

В данной статье представлена концепция качества жизни, связанная с изучением социально-психологических механизмов, опосредующих реальное удовлетворение жизнью, с изучением когнитивного, аффективного компонентов качества жизни. В России лишь намечаются пути систематизации и интеграции знаний по проблеме качества жизни для дальнейшей разработки концепции. Изучение КЖ проводится в ла-

боратории математической психологии Института психологии РАН с 1995 г. За это время определено понятие качества жизни как интегрального показателя, который включает в себя объективные и субъективные параметры. К первым относятся рекомендуемые Госкомстатом показатели уровня жизни, ко вторым — ценностные ориентации, потребности, то есть восприятие субъектом качества своей жизни через личностные структуры. Исследования лаборатории направлены на изучение субъективного восприятия качества жизни, в результате разработана методика оценки параметров КЖ. В результате исследований построена модель динамики качества жизни и психологического статуса, с помощью которой можно прогнозировать удовлетворенность жизнью и тенденции к появлению внутриличностного конфликта в зависимости от изменения структуры качества жизни.

Существуют различные трактовки КЖ, включающие психологическую составляющую, и в соответствии с этим разрабатываются различные критерии и методы оценки КЖ (Г.М. Зарковский, В.В. Давыдов, В.А. и Н.Н. Хашченко, И.А. Джидарьян, А.Л. Журавлев, К.А. Абульханова-Славская, Д.В. Сочивко и др.).

Нами было введено операциональное определение КЖ как интегративного показателя жизнедеятельности людей, который включает в себя как объективные, так и субъективные показатели. Объективные показатели характеризуют уровень жизнедеятельности (уровень жизни) конкретного человека или общества, субъективные — степень удовлетворения его потребностей и ценностных структур различного уровня (рис. 1).

Рис. 1. Структура качества жизни

Субъективное качество жизни (СКЖ) мы понимаем как степень соответствия реальных ценностных структур различного уровня (понятий) идеальным в представлении респондентов. Оно входит как составляющая в интегральный показатель качества жизни. Данное исследование направлено на изучение субъективного качества жизни и общей удовлетворенности жизнью как его интегрального показателя. Наша цель состояла в том, чтобы изучить структуру субъективного качества жизни у людей разного возраста и выявить вклад субъективных оценок материального благополучия в общую удовлетворенность жизнью.

Испытуемые — студенты и служащие от 19 до 63 лет. В исследовании приняли участие 273 человека.

Методы сбора эмпирических данных. Для сбора эмпирических данных были использованы следующие методики:

- разработанный авторами опросник, включающий материальное благополучие и удовлетворенность жизнью в структуру параметров субъективного качества жизни [7, 8];
- опросник оценки удовлетворенности жизнью, в котором респондентам предлагается оценить близость жизни к идеалу;
- эмоциональный опросник, в кото-

ром предлагается ответить на вопрос: «Насколько счастливым или несчастливым Вы себя обычно чувствуете?» [1, 2].

Обработка полученных данных. Субъективное качество жизни оценивалось как степень соответствия реальных понятий (ценностей различного уровня) идеальным в представлении респондентов. Использовалась следующая формула для получения количественных показателей:

$$СКЖ = \frac{\sum_{i=1}^n (10 - \sigma P_i)}{20},$$

где СКЖ — общий показатель субъективного качества жизни,

$\delta P_i = P_{ii} - P_{ir}$, то есть разность по каждому понятию, входящему в структуру качества жизни между идеальным и реальным его значениями.

В соответствии с нормой по разработанной нами методике оценки СКЖ [7], если показатель качества жизни больше 5, то субъективное качество жизни респондента высокое, однако при показателях, близких к 9 и 10, можно ставить вопрос о достоверности результатов. Если показатели близки к 5, то это свидетельствует о норме. При показателе меньше 5 можно говорить о низком уровне субъективного качества жизни,

если показатель ниже 2, может иметь место внутриличностный конфликт.

В качестве методов многомерного анализа данных использовались: регрессионный анализ для выявления функциональных зависимостей удовлетворенности жизнью от приведенных ранее характеристик, кластерный и факторный анализы, а также метод совместного применения факторного и регрессионного анализов, основанный на синергетическом подходе.

Анализ данных показал значимые положительные корреляции СКЖ и общей удовлетворенности жизнью с материальным благополучием. В один общий класс с материальным благополучием вошли такие параметры, как профессия, отдых, семья, друзья.

Далее сравнивались семантические пространства удовлетворенности жизнью студентов и работающих людей среднего возраста. Оказалось, что реконструированные факторные пространства удовлетворенности жизнью студентов и людей среднего возраста интерпретируются с помощью двух одинаковых факторов: 1) когнитивная оценка жизни, 2) эмоциональная оценка жизни.

Понятия, определяющие первый фактор структуры удовлетворенности жизнью студентов, — отдых, развлечения, еда, а для людей среднего возраста — материальное благополучие, здоровье, любовь. Первый фактор фактически является экономическим фактором, а второй — определяются одинаковыми понятиями (счастье, общая удовлетворенность жизнью, принятие себя) как для людей среднего возраста, так и для студентов.

Выявленная на обобщенной выборке положительная корреляция общей удо-

влетворенности с материальным благополучием, а также взаимосвязь эмоциональной оценки жизни с принятием себя, уверенностью в себе определили направление работы на следующих этапах, а именно направление на исследование взаимосвязи удовлетворенности жизнью с материальным благополучием, уверенностью в себе, мотивацией и стилем поведения.

Поведенческие проявления качества жизни

Среди современных определений психологического содержания понятия «уверенность в себе» (личностная уверенность) в отечественной литературе наиболее проработанными теоретически и экспериментально являются подходы В.Г. Ромека и В.В. Высоцкого: уверенность в себе — это принятие своих действий, решений, навыков как правильных, уместных (то есть принятие себя). В качестве ведущих личностных детерминант уверенности выявлены мотивация достижений, волевой самоконтроль и тревожность, а в качестве социально-психологических — принятие себя, инициатива и смелость в социальных контактах [3, 4, 9].

Многие авторы считают, что экономический фактор связан со стилем поведения [14, 16]. Для классификации стилей, основанием которой является субъективное материальное благополучие (СМБ), был проведен анализ работ авторов, использующих стилевой подход. В нашем подходе стиль представляет собой устойчивое, целостное образование, включающее в себя сознательные и бессознательные механизмы активной и пассивной адаптации человека к среде. Стиль проявляется в за-

висимости от индивидуальных особенностей и среды и выступает одним из поведенческих механизмов. Такой подход предполагал определить внутреннюю организацию через удовлетворенность реальностью и своим состоянием в ней, а внешнюю — через тип социальной адаптации.

Мы предположили, что стилеобразующими факторами поведения выступают удовлетворенность и отношение к социальному окружению. Это две оси, два независимых вектора. Сумма этих векторов позволяет выявить готовность человека к определенному действию, что и определяет стиль поведения.

Для классификации стилей, основой которой является экономический фактор, проведено экспериментальное исследование. Задачи исследования:

- соотнесение представлений людей об идеальном СМБ с восприятием СМБ в реальной жизни;
- определение взаимосвязи удовлетворенности жизнью с СМБ, мотивацией, личностной уверенностью и отношением к социуму;
- классификация стилей поведения.

Процедура эксперимента, кроме трех ранее перечисленных, включала в себя: опросник Ромека, три шкалы — уверенность в себе, социальная смелость и инициатива в социальных контактах; опросник (RAM) А. Мехрабиана для измерения результирующей мотивации достижения.

Результаты корреляционного анализа позволили построить структуру СКЖ, а также корреляционные структуры удовлетворенности жизнью и уверенности в себе. Кластерный анализ показал, что в один класс объединились: СМБ, общая

удовлетворенность жизнью, условиями жизни, близость ее к идеалу (методика удовлетворенности жизнью Дайнера), уверенность в себе, мотивация достижения успеха.

При более детальном рассмотрении взаимосвязи удовлетворенности жизнью с уровнем мотивации и экономическим фактором были выделены группы, различающиеся по уровню мотивации и возрасту: с мотивом достижения успеха (от 30 до 45 лет) и мотивом избегания неудачи (от 45 до 63 лет), которые различаются также по структуре понятий. При этом у неудовлетворенных жизнью респондентов более выражена мотивация избегания неудачи, а у респондентов с более высокими оценками удовлетворенности жизнью — мотивация достижения успеха. Для группы с мотивом достижения успеха более значимы следующие ценности: «работа», «материальное благополучие», «жизненная удовлетворенность», «дружба», «образование», а также высокие оценки по «индексу жизненной удовлетворенности». Группа людей с мотивом избегания неудачи выделяет следующие ценности: «религия», «социальный статус», «работа», «семья». Люди с мотивом достижения успеха по индексу жизненной удовлетворенности имеют высокие баллы, а с мотивом избегания неудачи — низкие.

Удовлетворенность жизнью является функцией мотивации достижения, которая, в свою очередь, выступает в качестве линейной функции экономического фактора.

Иными словами, жизненная удовлетворенность имеет достаточно сложную зависимость от экономического фактора: до определенного предела удовлетворенность и СКЖ тем выше, чем выше

мотивация достижения и значимость экономического фактора, дальнейшее повышение значимости экономического фактора не приводит к увеличению мотивации и СКЖ [3, 4].

Это подтверждают результаты исследований, в которых показано, что влияние экономического фактора более значимо при низком доходе (высокая субъективная ценность материального благополучия) [16]. При более высоком доходе воздействие экономического фактора снижается (субъективная значимость ценности материального благополучия снижается). В группе с высоким доходом (успешные бизнесмены) наблюдается повышение влияния экономического фактора (значимость возрастает), но возможно это объясняется их профессиональной сферой.

Проведенное нами исследование также подтвердило предположение о том, что по всей выборке общая удовлетворенность положительно коррелирует с материальным благополучием, но эта взаимосвязь имеет различные основания. Выделены две группы людей: с достаточно высоким соответствием и с достоверными различиями представлений об идеальном качестве жизни и восприятия их реальной жизни.

Уровень удовлетворенности по комплексу показателей в этих двух группах значительно отличается, он достоверно выше в группе с соответствием представлений об идеальном качестве жизни и восприятия их реальной жизни. В каждой группе с помощью метода К-средних выделены две подгруппы с разными профилями оценок реальной жизни и различными показателями социальной активности и мотивационной направленности.

Это позволило считать удовлетворенность и отношение к социальному окружению стилиобразующими факторами. Эти две оси независимы одна от другой и располагаются по вертикали и горизонтали. Сумма векторов позволяет выявить готовность к определенному действию, что и определяет стиль поведения индивида.

Причем удовлетворенность — это не субъективная оценка, а соотношение реальных и идеальных ценностных структур. Если они значительно не отличаются друг от друга, то удовлетворенность максимальная — нет более целей, нет мотивации. Если идеальные и реальные структуры значительно отличны, то ставятся новые цели и возникает мотивация их достижения.

С помощью КА выделены две группы людей с достоверными различиями СКЖ и ОУЖ. В каждой группе с помощью метода К-средних выделены две подгруппы с разными профилями оценок реальной жизни и различными показателями социальной активности.

Таким образом, мы выделили четыре типа стилей поведения, которые мы условно назвали: авантюрный, творческий, конформный, обывательский (рис. 2).

Респонденты творческого и авантюрного стиля имеют низкие значения СМБ, общей удовлетворенности и высокие значения социальной активности, но отличаются ценностными структурами. Профиль авантюрного стиля отличаются низкие оценки таких понятий, как материальное благосостояние, духовность, здоровье, образование, любовь, и высокие — жилье, отдых, работа.

Люди творческого стиля имеют низкие оценки материального благополучия

Рис. 2. Стили в пространстве

и высокие — духовности, образования и т. д.

Респонденты обывательского и конформного стилей отличаются высокими значениями СМБ, удовлетворенности жизнью и уверенности в себе и низкими значениями социальной активности. У «обывателей» при этом высокие показатели практически по всем ценностям, наиболее высокие — материальное благосостояние, уверенность в завтрашнем дне, стабильность в стране, дом, экология. У «конформных» высокая ценность семьи, любви, развлечений, друзей.

Положительные корреляции общей удовлетворенности жизнью с материальным благосостоянием имеют следующую структуру. Так как удовлетворенность жизнью и отдельными сферами — это когнитивное суждение о ситуации и оно зависит от ожиданий, стремлений, представлениях о стандарте референтных групп, то неудовлетворенность респондентов авантюрного стиля, возможно, объясняется несоответствием ситуации и ожидания (низкая оценка ма-

териального благосостояния в реальности и высокая в идеале). Неудовлетворенность людей творческого стиля не объясняется неудовлетворенностью материальным благосостоянием (низкая оценка его в реальности и низкая в идеале). Большой вклад вносят необщительность, неуверенность в себе и др. Удовлетворенность «обывателей» можно объяснить удовлетворенностью материальным благосостоянием (высокая оценка его в реальности и высокая в идеале).

Характеристики «конформных», такие как семья, любовь, развлечения, друзья, положительно влияют на субъективное благополучие. Это единственная группа, для которой не существует значимой положительной корреляции удовлетворенности жизнью с реально высоким материальным благосостоянием. Тем не менее они удовлетворены своим материальным благосостоянием (низкая оценка его в реальности и низкая в идеале).

Общая модель удовлетворенности жизнью

В результате проведенных исследований были построены регрессионные модели удовлетворенности жизнью: общая и для каждого стиля поведения.

Общая модель имеет следующий вид:

$$\text{totud} = 0,2 * \text{stab} - 1,1 * \text{respect} + 0,8 * \text{food} + 0,7 * \text{free} - 0,3 * \text{prof} - 0,7 * \text{ideal} - 0,4 * \text{init} + 0,3 * \text{selfcon} + 0,2 * \text{helth} - 0,2 * \text{noreset} + 0,2 * \text{love},$$

где: totud — общая удовлетворенность;

rest — полноценный отдых;

respect — стабильность в стране;

food — хорошая еда;

free — личностная свобода;

prof — профессия;

ideal — близость к идеалам;

ini — эмоциональная оценка состояния;

selfcon — уверенность в себе;

helth — здоровье;

noreset — отсутствие желания изменить жизнь;

love — потребность в любви.

Остальные четыре модели отличаются набором ценностей и величинами коэффициентов регрессии. Линейные многомерные регрессии дают хорошее соответствие эмпирическим данным. Нами была проведена проверка прогностичности модели на данных экспериментальных исследований. Следующий этап работы — построение нелинейных зависимостей для ценностных и личностных структур, не вошедших в линейную модель.

Дать определение экономического фактора в этом исследовании оказалось достаточно сложно. Экономический фактор определяется через сово-

купность понятий — материальное благополучие, деловая сфера, деньги, деловой успех (для студентов); материальный достаток в семье, интерес к жизни (для пенсионеров); достойная одежда, общение, развлечение, занятия спортом, путешествия, наличие машины, покупка и обустройство дачи, обустройство дома (для бизнесменов). Понятие субъективное экономическое благополучие имеет различное смысловое содержание не только для различных возрастных групп, но и внутри одной возрастной группы.

В исследовании подтвердилась гипотеза о том, что на представление об этом параметре влияют личностные характеристики, такие как уверенность в себе и мотивационная направленность.

Определено взаимовлияние субъективного качества жизни, удовлетворенности жизнью и субъективного экономического благополучия, интегральная структура которого определяется психологическими характеристиками, образом жизни, стилями поведения. Жизненная удовлетворенность имеет достаточно сложную зависимость от экономического фактора: до определенного предела удовлетворенность и субъективное качество жизни увеличивается с ростом мотивации достижения и субъективного экономического благополучия, дальнейшее повышение значимости экономического фактора и мотивации не приводит к увеличению субъективного качества жизни.

На показатель жизненной удовлетворенности практически не оказывают влияния демографические факторы (пол, возраст). Они оказывают влияние лишь в той мере, в какой определяют вовлеченность человека в различные социально-экономические и социально-

психологические сферы жизнедеятельности.

Разработанная модель способствовала выделению факторов, воздействие которых на удовлетворенность жизнью наиболее значимо для всех стилей поведения, оценке их вклада в удовлетворенность жизнью и построению общей и частной дескриптивных линейных моделей удовлетворенности жизнью. На следующем этапе были созданы более сложные модели, учитывающие и нелинейные функциональные стохастические зависимости.

Все это позволило подойти к разработке модельного компьютерного эксперимента для исследования адаптации людей с различными стилями поведения и с разным уровнем субъективного качества жизни (Грант РГНФ № 08-06-00347а). При этом динамика удовлетворенности жизнью рассматривается нами как макропроцесс, который моделируется как результат микродинамического процесса циклических переходов из состояния удовлетворенностью жизнью в состояние неудовлетворенностью жизнью. В качестве математического аппарата в данном случае может применяться теория агентов и коалиционные автоматы. Собственно циклический характер психических явлений был подробно исследован Д.В. Сочивко в рамках предложенного им психодинамического подхода.

Психодинамические модели качества жизни

В психодинамической диагностике личность рассматривается как некое пространство состояний, которые постоянно сменяют друг друга. Исследователя интересует не выраженность состояния

(например, гнева), а состояние, которое последует за ним (например, гнев сменяется страхом), и т. д. В основе психодинамической диагностики лежит эмпирический факт, что человеку свойственно переживать циклы состояний, в обычной ситуации это простые циклы. Это означает, что если за гневом следует страх, с большой вероятностью за страхом последует гнев.

Такая циклическая смена двух состояний со временем становится типичной психодинамикой, типичным циклом личности. Психодинамическая диагностика направлена на выявление типичного цикла тех или иных состояний личности [11]. При разработке методик для исследования удовлетворенности жизнью нами делается попытка использовать методы динамической психодиагностики, предложенные Д.В. Сочивко. По существу они предполагают формализованное описание некоторого свойства, которое образуется постоянно повторяющейся, циклической динамикой элементарных состояний в сфере чувств, воли и познания. Использование динамического подхода в психодиагностике позволило реализовать принципиально иной способ построения экспресс-методик. Отличие такой диагностики от традиционной состоит в том, что не только измеряемое качество представляется в динамике, но и сам процесс.

Мы предлагаем Вашему вниманию метод построения динамической психодиагностики некоторых аспектов качества жизни личности, который предполагает:

- проведение групповой дискуссии на тему понятия, вынесенного в качестве основного. В данном случае это субъективное качество жизни, оцениваемое

Таблица 1

Сочетание оценок параметров

Сочетание оценок	Удовлетворен жизнью	Не удовлетворен жизнью
Положительная оценка параметра СКЖ	I	II
Отрицательная оценка параметра СКЖ	III	IV

Сочетание оценок
Положительная оценка
параметра СКЖ
Отрицательная оценка
параметра СКЖ

как удовлетворенность человека своей жизнью;

- формулирование основных составляющих понятий «тела» методики;
- формулирование конкретных вопросов будущей диагностической методики и возможных вариантов ответов;
- описание ключа методики — поиск типичного цикла состояний.

Работа с методикой начинается с построения таблицы, каждая клетка которой представляет состояние, описываемое как сочетание положительных и отрицательных оценок двух параметров. Понятно, что таких состояний всего четыре, они представлены в таблице 1.

В данном случае СКЖ оценивается как общая удовлетворенность жизнью, а в качестве второго параметра может рассматриваться один из параметров СКЖ (например, социальная устроенность).

Каждый вопрос методики представляет собой описание одной из четырех ситуаций и предложение выбрать один вариант выхода из данной ситуации. Таких вариантов — три.

Таким образом, существует шесть возможных сочетаний из четырех представленных состояний. Переходя мысленно из одного состояния в другое, человек, наконец, возвращается в исходное состояние; цикл завершается. Последний переход называется предельным циклом. Психологический ана-

лиз неустойчивого равновесия между первым и последним состояниями позволяет дать название данному динамическому типу личности.

При анализе этой схемы, которая представляет собой сопоставление всех четырех состояний, выделенных участниками тренинга, далее изучается взаимодействие каждого квадрата с каждым и называются собственно динамические типы. Предложенные типы и есть динамические циклы комплексных состояний [12].

Далее содержание групповой дискуссии переходит к формулировке вопросов и трех возможных вариантов ответов для определения переходов из одних состояний к другим. В результате работы по представленному алгоритму разрабатывается опросник. Например, если в качестве параметра СКЖ использовать «принятие себя», то в результате проделанной работы был предложен следующий опросник

Опросник

Представьте себе, что Вы полностью удовлетворены жизнью и собой. Тогда:

- Вы часто думаете, что сейчас кто-нибудь испортит Вам настроение;
- начинает казаться, что Вы слишком уверены в себе;
- у Вас периодически появляется ощущение бессмысленности жизни.

Если Вы оказались в ситуации, ког-

да Вас никто не понимает, не признает, не ценит,

- понимаете, что на самом деле все хорошо и мир прекрасен;
- начинаете терзаться упреками и самокритикой;
- Вы чувствуете себя бессильным изменить ситуацию.

Вспомните или представьте ситуацию из жизни, когда Вы думали «Пусть я плох, но у меня все хорошо»:

- это наводит Вас на мысль «на самом деле я не так и плох»;
- Вы чувствуете, что это несправедливо;
- возникает чувство, что Вы стоите на краю пропасти.

Представьте себя в ситуации, когда все совсем плохо.

- Вы начинаете чувствовать, что все плохое позади, впереди «белая полоса»;
- уверены, что, по крайней мере, Вы-то правы, Вы нормальный человек;
- все равно найдется кто-то, кто Вам поможет.

В результате анализа полученных с помощью этого опросника данных выделяются предельные циклы, которые и характеризуют типы «принятия себя», совместно с «удовлетворенностью жизнью» формируют стили поведения.

Важным представляется тот факт, что изучаемое свойство поведения или личности по началу неизвестно ни одному участнику этого психодинамического мозгового штурма. Это неисследованное свойство получает свое определение одновременно с построением метода его исследования и оценки. В теоретической психологии много говорилось

о взаимодействии прибора измерения с объектом измерения как о явлении типичном для нашей науки, в отличие от физики, где это открытие было революционным, но нам не приходилось встречать систематического учета этой феноменологии на практике. Динамический подход позволяет это сделать. И другой важный момент—динамическая диагностика позволяет сосредоточиться на тех свойствах личности, которые актуальны для участников группы. Такой подход не только не исследует статические свойства, но даже ставит под сомнение их наличие у любого, наперед заданного человеческого индивидуума. Действительно, откуда мне знать, что мне (или моему испытуемому) реально присуще, например, свойство «доминантности — подчиненности» по тесту Кеттелла. Я уже давно особенно никому не подчиняюсь и ни над кем не доминирую. По крайней мере, сейчас—здесь и теперь — это свойство может быть никак не включено в текущую психодинамику субстанционального деятеля. Однако статический тест все равно даст ответ не только о наличии у меня этого свойства, но и укажет степень его выраженности. В практике психологов встречаются случаи, когда, обследовав осужденного в колонии и получив его характеристику по тесту в виде компьютерной распечатки, психолог узнает, что он добрый, нежный, отзывчивый, очень тонкий и чувствительный человек, правда, по жизни он убийца четырех человек. Это реальный пример из личного дела с приложенной психологической характеристикой.

В целом динамический подход к психодиагностике предполагает разработку и использование методик, которые по-

зволят по устойчивым циклам описать сетевую организацию структуры СКЖ. С точки зрения Д.В. Сочивко эта сеть имеет структуру силового поля со специфическими силовыми точками, в качестве которых выступают ведущие для данной выборки циклы.

Наиболее простая математическая модель описания динамических типов — это эргодическая цепь Маркова. Переходные вероятности получаются в результате эмпирических исследований. Применение указанного подхода позволяет составить систему уравнений для определения финальных вероятностей (вероятности нахождения системы в данном состоянии за бесконечное время). Решение полученных систем уравнений определяет экстремальные точки, которые позволят выделить наиболее устойчивые (адаптивные) стили поведения, соответствующие заданной среде.

Итак, методология исследования качества жизни, основанная на его моделировании, может включать в себя три основных подхода: структурный, поведенческий и психодинамический. Два последних представляют собой как бы два взаимодополняющих подхода: моделирования интерпсихических (поведенческих) и моделирование интрапсихических (психодинамических) структурных проявлений КЖ.

Литература

1. Акопов Г.В., Быкова Н.Л. Исследование динамики смысловых ориентаций // Психологические, философские и религиозные аспекты смысла жизни / под ред. В.Э. Чудновского и др. — М.: Ось-89, 2001.
2. Аргайл М. Психология счастья. — М.: Прогресс, 1990.
3. Головина Г.М., Савченко Т.Н. Методы исследования качества жизни // Материалы II Всерос. науч. конф. по психологии Рос. психолог. общ-ва. — Ростов н/Д: Рос. психолог. общ-во, 1997.
4. Головина Г.М., Савченко Т.Н. Субъективное качество жизни: подходы, методы оценки, прикладные исследования: монография. — М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2006.
5. Головина Г.М., Савченко Т.Н. Проблема качества жизни в трудовой деятельности // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 1.
6. Митчелл А.С. Смертность и заболеваемость и медицинская помощь (качество жизни в Канаде и США в 1964-1974 гг.) // Медицинская география: XIII Междунар. географ. конгресс. — М., 1976. — С. 88-89.
7. Савченко Т.Н. Динамика качества жизни и психологический статус // Методы исследования психологических структур и их динамики. — М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 1999.
8. Савченко Т.Н. Развитие математической психологии: история и перспективы // Психолог. журн. — 2002. — Т. 23. — № 5.
9. Савченко Т.Н. Моделирование динамики системных образований психики // Идея системности в современной психологии / под ред. В.А. Баранщичкова. — М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2005.
10. Савченко Т.Н. Применение методов кластерного анализа для анализа данных психологического исследования // Прикладная юридическая психология. — 2008. — № 4.
11. Сочивко Д.В. Психодинамика перцептивного образа // Прикладная психология. — 2002. — № 4.
12. Сочивко Д.В. Психодинамика. — М.: ПЕР СЭ, 2003.
13. Сочивко Д.В. Психодинамика. — М.: МПСИ, 2007.
14. Толочек В.А. Стили профессиональной деятельности. — М.: Смысл, 2000.
15. Франкл В. Человек в поисках смысла. — М.: Прогресс, 1990.
16. Хащенко В.А., Хащенко Н.Н. Влияние экономических факторов на оценку качества жизни личности // Качество жизни: государственное регулирование и социальное партнерство: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. — М., 2003.

ТЕРРОРИЗМ КАК ПАТОЛОГИЧЕСКАЯ ФОРМА ОБРЕТЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

В. А. Емелин

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ 10-06-00543-а.

Аннотация: статья посвящена анализу феномена терроризма как патологической формы обретения идентичности в условиях информационного общества. Обосновывается предположение о том, что конфессиональные, национально-этнические, политические, экономические, исторические различия не могут исчерпывающе объяснить рост терроризма в современном мире. В качестве дополнительной гипотезы предлагается учитывать нарушение формирования идентичности и развитие ее социально неприемлемых форм как ответ на ограничение возможности нормальной социализации. Данная проблема обсуждается на примере миграции, связанной с нарушением традиционных форм самоидентификации и трудностями усвоения форм, соответствующих новым условиям жизни в информационном обществе.

Ключевые слова: нарушение идентичности, самоидентификация, миграция, информационные технологии, терроризм.

Summary: article enlightened analysis of the phenomenon of terrorism as a pathological form of finding identity in the information society. Substantiates the assumption that faith-based, national, ethnic, political, economic and historical differences can not exhaustively explain the growth of terrorism in the modern world. As an additional hypothesis is proposed to take into account the disfunction of

identity formation and development of its socially unacceptable forms as a response to limit the possibility of normal socialization. This issue is discussed on the example of migration related to the violation of traditional forms of identity corresponding to the new conditions of life in the information society.

Key words: disturbance of identity, identification, migration, information technology, terrorism.

В настоящее время в антитеррористическую деятельность вкладываются колоссальные ресурсы, тем не менее прилагаемые усилия далеко не всегда оправдывают изначальные ожидания — уровень активности террористов фактически не снижается. Возникает ощущение, что мы боремся с симптомами болезни, а не с ее реальными причинами, и на смену обезвреженным террористам приходят новые и нередко в большем количестве. Необходимо понять, что же в действительности движет этими людьми, что заставляет их рисковать и даже отдавать свои жизни в борьбе за идеалы, антагонистические по своей природе культуре западного типа. Кроме того, существует еще один момент, который требует осмысления — почему мы наблюдаем за последнее время активизацию терроризма, имеющего фундаменталистские исламские корни? И какие изменения произошли в современном

обществе, что позволили стать терроризму болезненным стигматом благополучного западного мира, от которого никак не удастся избавиться, а также сделали проблему терроризма одной из самых значимых и обсуждаемых не только в обыденной жизни, но и в научных кругах [2, 3, 6-8].

В качестве причин, инициирующих террористическую деятельность, называют конфессиональные, национально-этнические, политические, экономические, исторические. Так, в связи с проблемой исламского фундаментализма, повлекшей за собой распространение тождественной связи «исламист=террорист», чаще всего истоки терроризма усматривают в религиозных противоречиях. Однако такой подход работает далеко не во всех случаях. Примерами тому являются движение за независимость баскских радикальных сил, причины возникновения которого никак не связаны с религиозными различиями, а также сепаратистские настроения некоторой части населения Корсики, которая уже более двухсот лет находится в составе Франции. Можно утверждать, что терроризм порождается неудовлетворенностью уровнем экономического развития, но рассматривать в качестве универсальной причины экономического фактор также неправомерно. Так, между католиками и протестантами Северной Ирландии нет особых различий в уровне жизни, и несмотря на конфессиональные особенности, и те, и другие являются христианами. Вместе с тем отдельно взятая национальная принадлежность не может рассматриваться в качестве основной силы, толкающей людей на непримиримую борьбу любыми средствами за свои идеалы. В частности, проти-

воборствующие боснийские мусульмане и православные сербы являются этнически одним и тем же народом. В свою очередь, ставший в последние десятилетия одним из географических очагов терроризма Северный Кавказ—«русские Балканы», наоборот, представляет собой совокупность множества разнообразных национальностей и народностей. В «коктейле» междоусобных противоречий в совокупности с экономической несбалансированностью часто усматривают благодатную почву для культивирования и экспансии терроризма. В качестве контр-примера можно назвать благополучную Швейцарию: четыре языка, на которых говорят ее обитатели, а также значительное культурное и конфессиональное разнообразие не мешают сохранять единство нации. При этом экономическое благополучие невозможно рассматривать как универсальный стабилизирующий фактор. В не менее благополучной Бельгии существуют достаточно напряженные отношения между фламандской и валлонской общинами. Если взглянуть на проблему шире, то можно отметить радикальные движения, сходные по своим методам с террористическими, идеологическая основа борьбы которых не была никаким образом связана ни с экономическими, ни с национальными, и тем более с конфессиональными причинами. Пример тому «Красные бригады», участников которых не устраивал социальный порядок западного мира вне зависимости от собственного материального положения, национальной принадлежности или особенностей вероисповедания.

Таким образом, налицо факт—у терроризма различные причины, это многоликий феномен, но при всем имеющем-

ся разнообразии его проявлений, везде можно проследить один существенный психологический момент — нехватку социальной и личностной *идентичности* в том или ином виде. Именно здесь прослеживается возможный подход, который может соединить достаточно широкий спектр интерпретаций и стать методологической основой для выявления психологических истоков и движущих сил терроризма.

Проблема идентичности индивида (то есть осознания его принадлежности к той или иной социальной общности и одновременного обретения им «самости») — одна из наиболее острых тем современности. Именно в нарушении идентичности и в последующем ее обретении в самых невыносимых и неприемлемых для культурного «мейнстрима» формах усматриваются глубинные причины эпидемии терроризма. Психологически недостаточное определение механизмов зарождения терроризма, недооценка его индивидуально-психологических и культурно-исторических корней, а также тотальный вакуум идентичности в современной культуре западного образца на сегодняшний день являются объективными препятствиями в понимании субъективной привлекательности терроризма. Цель общих усилий — дискредитация образа терроризма как привлекающей к себе идеологии — не может быть достигнута без выбивания почвы из под ног у образования — мировоззренчески целостного и исторически фундированного с точки зрения его сторонников и патологически криминального — в глазах противников. Наш мир оказался расколот, свершившийся разрыв и всевозможные ситуационные

импликации не сулят нам простых вариантов эскейпизма.

В качестве ситуации, предельно обостряющей антиномию потери и обретения идентичности, рассмотрим условия, в которые попадет мигрант, сделавший выбор покинуть историческую родину ради более благополучного местожительства. При этом он сталкивается с неизбежными проблемами «чужака» в мире с другим языком, иными моделями поведения, определенным отношением коренных жителей к нему и другими культурными диссонансами. В процессе поиска своего места в новых условиях мигранту предстоит решить ряд серьезных проблем, которые часто становятся непреодолимыми препятствиями. Так, например, несмотря на декларируемое равенство возможностей, существует система скрытых ограничений, не позволяющая ему конкурировать на равных условиях с коренными жителями, и, как показывает практика, лишь незначительному проценту прибывших на постоянное место жительства удается достичь более или менее значимого социального статуса. Однако не только объективные причины становятся препоной на пути интеграции, во многом залог успешного развития индивида в новых условиях зависит от его собственных личных усилий, направленных на изучение языка, истории, традиций давшей ему приют культуры. Нередко именно субъективные мотивы, связанные с низкой заинтересованностью в получении знаний, нежеланием тратить свое свободное время на образование, становятся основными причинами маргинализации мигрантов.

Следующий фактор, тормозящий их социализацию, собственно не может быть воспринят в качестве препятствия,

так как речь идет о социальной защите, которой окружают мигрантов либеральные общества западного мира для их же блага. На деле оказывается, что получаемые без труда социальные пособия, вполне устраивают своих адресатов, так как гарантированные этими отнюдь не роскошными средствами условия жизни, не идут ни в какое сравнение с положением земляков, оставшихся на исторической родине. Бедность по меркам культур западного типа не сопоставима с мерками азиатскими, и стремление жить правдами и не правдами на пособия вытесняет у мигрантов другие, более трудоемкие, варианты самореализации.

Возникает непростая ситуация, когда переплетаются проблемы внешнего отторжения и внутренней отчужденности, которые в конечном счете приводят к возникновению основ для формирования инкапсулированной идентичности. Не освоившая и уже нежелающая воспринимать новые ценности мигрантская среда вытесняет себя в гетто, которые становятся питательной средой для фиксации и развития фундаменталистских тенденций. Фундаментализм оказывается действенной идеей для обретения утраченной идентичности. Объективные и субъективные трудности вхождения в жизнь окружающего социума сходят на нет, когда этот окружающий мир выносится за границы анклава, района, улицы. В искусственно замкнутом пространстве, где все подобно друг другу, намного проще обрести собственную идентичность путем возвращения к образу жизни, основанному на национальных и религиозных доминантах, к той реальности, от которой, казалось бы, мигранты хотели убежать.

Данная ситуация выстраивается в довольно простую дилемму альтернатив идентификации — обретение идентичности путем интеграции или сегрегации. Интеграция — процесс не простой, всегда сопряженный с определенным выбором модели, и требует значительных усилий, обратная сторона которых неизбежно влечет потерю традиционной идентичности в процессе ассимиляции в чуждом мире.

В то же время, воспользовавшись благами и технологиями европейцев, можно обрести новую форму самоидентичности, сделав это в лучшем случае посредством тотального неприятия сложившегося образа жизни в стране пребывания, а в худшем — путем террористической деятельности. В качестве примера можно говорить о ситуации во Франции, которая столкнулась с последствиями закона 1974 г. о воссоединении семей, когда рабочие-эмигранты из стран Магриба получили право привозить в страну своих жен, детей и родителей. Французское население коренным образом изменилось, и вдруг выяснилось, что француз — это не происхождение, не религия и даже не цвет кожи, это просто человек с французским паспортом. Выходец из исламского государства считает себя сначала мусульманином и уж только затем французом, а скорее просто жителем чужой для него страны, где он хочет обустроить комфортную для себя среду обитания, не считаясь ни с кем и ни с чем.

В сложившейся ситуации уже не арабским эмигрантам и их потомкам приходится искать свою идентичность в новом мире. Сами французы оказались в положении утраты идентичности, и уже французское правительство ини-

цирует философские дебаты, пытаясь дать ответы на вопросы: «Кто мы есть? Куда мы идем, и чем француз отличается от всего остального человечества?». Возникает серьезная угроза обратной реакции коренного населения на демонстративное утверждение чуждого образа жизни приезжих мусульман — национализма, который в своем развитии может стать благотворной почвой для реанимации нацизма. Именно этого более всего опасаются исламисты — тотального уничтожения Западом всех их традиционных представлений о жизни. Отсюда и возникает идея непримиримости и террора, которая опираясь на идею джихада, находит себе множество сторонников среди мусульман-европейцев.

Таким образом, сегрегация оказывается более привлекательным методом обеспечения целостности своего «Я», и на это есть веские психологические причины. Самый простой механизм самоидентификации связан с противопоставлением и противостоянием — для того чтобы понять кто «Я», нужно указать на того, кто «не Я». Парадоксально, но в роли «не Я» оказывается все, что относится к новой среде обитания, все то, что должно стать искомым домом для мигранта.

В связи с этим следует рассмотреть культурно-исторический аспект проблемы. Известно, что Ислам является самой молодой и внятной для его последователей религией, дающей четкие представления о месте человека в мире и предлагающей простые модели поведения. Человек получает ответ на вопрос: «кто он в этом мире, какова цель и смысл жизни»? Ислам развивался параллельно с обретением арабами своей национальной идентичности, ассимилируя другие

народы под зеленым знаменем джихада. За короткий для истории срок было создано одно из самых могущественных государств того времени — арабский халифат, который сплотил людей на основе религии на пространстве от Испании до Средней Азии и границ Индии. Это был период триумфального шествия Ислама, утверждения его как исключительного образа мысли и действия.

Ситуация в современной Европе диаметрально противоположна. В процессе технологического развития мусульманские народы остались далеко позади от развитых стран северного полушария. Сегодня у радикалов исламского мира уже нет возможности вести открытую войну с «неверными». Не располагая технологиями, с помощью которых мусульманский Восток мог бы помериться силами с Западом, его уроженцы фактически подрывают Европу изнутри путем создания анклавов своей культуры в наиболее привлекательных для проживания городах. Именно такие анклавы на сегодняшний день и становятся основной средой, вскармливающей террористов информационного общества.

Вместе с тем остается историческая память о былом могуществе исламских стран, о достигнутых культурных высотах, ибо ни для кого не секрет, что во времена раннего средневековья мусульманские халифаты являли собой очаги архитектуры, искусства и знаний. Такая память дает весомые основания для появления идей реванша, восстановления утраченной исторической справедливости и культивирования этно-культурных стереотипов.

Немаловажной причиной распространения фундаменталистских идей в западном мире является кризис иден-

тичности в условиях информационного общества и постмодернистской культуры. В основе распространившегося сегодня постмодернистского мировоззрения лежит недоверие к любым универсальным идеям, децентрация и утверждение принципа плюрализма, допускающего одновременное сосуществование разнообразных точек зрения. Постмодернизм возникает как реакция на утрату доверия к идеологическим системам XX в., инициировавших небывалые по своим масштабам, разрушения и жертвам мировые войны, а также как разочарование в великих исторических проектах переустройства общества согласно принимаемым в качестве единственно истинных идеям. Однако плюрализм, с одной стороны, дает возможность выбора, а с другой — способствует утрате устойчивых ценностных ориентиров, размыванию моральных нормативов, потере общепризнанных моделей поведения.

Порядок постмодернистской Европы — пустое понятие, высшая цель которого сохранить предельное (значит неопределимое) понятие «свобода». Свобода нагружена христианским грехом, богатством интерпретаций и невозможностью обещанной свыше реализации. В противоположность этому террорист обретает себя в максимальной полноте веры. Ему нет надобности в рефлексии о метафизике свободы и ответственности — мысли об этих туманно мучающих вопросах напрочь ликвидируют идею о возможности обретения идентичности, задавшийся проклятыми вопросами человек уже никогда не будет равен себе.

В противоположность плюралистическому мировоззрению, размываю-

щему целостность человека, терроризм оказывается достаточно эффективной компенсаторной формой обретения идентичности. Террористическая деятельность может дать индивиду реальный, а в некоторых случаях, например в акте самопожертвования, и предельный смысл жизни. Ставший на путь террора отбрасывает сомнения и занимает неоспоримое в его окружении достойное место в жизни, он обретает чувство принадлежности к общему делу. Более того, терроризм питается идеей избранности, его воины выступают в качестве героев, которые отказываются влиться в матрицу господствующей западной идентичности, чтобы не быть в ней навсегда потерянными. Такие личности воспринимаются как особые избранники и им, равно как их семьям, гарантирован почет и уважение после гибели. Террористическая деятельность также дает чувство безнаказанности для своих участников — законы мира, который необходимо уничтожить, — не что иное, как фикция, пустые условности. И наконец, терроризм оказывается реальным способом выхода за пределы обыденности, возможностью прожить пусть не долгую, но яркую жизнь [4, 5].

В настоящее время вопрос о терроризме стал одним из самых обсуждаемых в научных кругах демократической Европы. Терроризм стал неопределенной данностью. Очевидно, что с ним надо бороться, мобилизуя все силы и провозглашая новые крестовые походы, в попытках обрести собственную истину в стенах очередного Иерусалима. Однако любой радикализм входит в противоречие с плюралистичным мировоззрением европейцев. Терроризм оказался наиболее ужасным воплощением гипер-

реальности современного мира. В руках множества журналистов, ученых и других «борцов» за безопасность раста-жированное понятие часто обращается в симулякр, подобный глобальному потеплению и виртуальной реальности [1]. Утрата идентичности культуры западного типа создает ситуацию, когда мировоззрение европейцев не позволяет эффективно противостоять и искоренять любые проявления фундаменталистской идеологии.

В связи с этим в качестве манифестации кризиса идентичности западной культуры могут в другом свете звучать слова президента Ирана Махмуда Ахмадинежада по поводу культа моллюска — предсказателя матчей футбольного чемпионата. Иранский лидер во всеулышание заявил, что Пауль стал воплощением всего неправильного на Западе, символом его разложения. По словам президента Ирана, те, кто всерьез верит в сверхъестественные способности осьминогов, не могут возглавлять государства и вести за собой человечество. Можно по-разному относиться к данным демаршам, но последствия сиюминутной подмены Бога осьминогом, не заставят ждать себя слишком долго.

Западный мир активно использует информационные технологии для борьбы с терроризмом. Мы свято верим в их эффективность, забыв при этом, что северо-западный мир предварительно не только снабдил бедуинов автоматами Калашникова, но и оснастил их Интернетом, мобильной связью в надежде на достижение технологического консенсуса. Европейцы создали новую среду для достаточно и продолжительно идентичных народов, при этом не понимая, что любое привнесенное улучшение корен-

ным образом нарушает целостность их бытия. Автомобили, автоматы, ракеты «Стингер», компьютеры, сотовые телефоны, а затем и Интернет сделали то, что либеральная Европа и не могла предположить. Наделив последователей радикального Ислама правом жизни на своей территории и предоставив доступ к генетически чуждым им технологиям, мы сформировали среду, которая генерирует полностью идентичных, не имеющих никаких сомнений в своей правоте людей, способных ради сохранения своих случайно обретенных привилегий уничтожить и себя, и давшее им приют, бесконечно испытывающее кризис идентичности информационное общество. Таким образом, налицо еще одна проблема амбивалентной связи фундаментализма и технологий, суть которой заключается в циничном противоречии между тотальным отрицанием фундаменталистами культурной ассимиляции и активным использованием технологических достижений отвергаемой культуры.

Современная Европа обсессивно наслаждается новыми электронными «гаджетами», которые воспроизводятся бесконечно сменяемыми рядами модных линеек. Надев 3D-очки для достижения еще более полного эффекта погружения в виртуальность, мы перестали ощущать угрозы действительности. В демократических культурах основополагающим принципом стала идея недопустимости какой-либо доминирующей точки зрения. Технологии информационного общества в совокупности с релятивизмом постмодернистской культуры дали западному миру эйфорию беспроblemного существования. Однако произошел парадоксальный сбой в программе —

из плюрализма вырастает фундаментализм. Фундаментализм неизбежно порождает террор, ужас которого состоит в том, что он становится все более технологически совершенен.

Литература

1. Емелин В.А. Симулякры: виртуальная реальность и инновации // Гос-во, религия, церковь в России и за рубежом. — 2009. — № 2. — С. 133-142.
2. Научные и методологические проблемы информационно-безопасности: сб. ст. / под ред. В.П. Шерстюка. — М., 2004.
3. Современный терроризм и борьба с ним: социально-гуманитарные измерения. Научные проблемы безопасности и противодействия террориз-

му: серия монографий / под ред. В.А. Садовниченко и В.П. Шерстюка. — М., 2007.

4. Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г. Мотивация террориста // Национал. психолог. журн. — 2007. — № 1 (2). — С. 27-32.
5. Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г. Психологические технологии вовлечения в террористическую деятельность // Психология перед вызовом будущего: материалы науч. конф., Москва, 23-24 нояб. 2006 г. — М.: Моск. гос. ун-та, 2006. — С. 468-472.
6. Horgan J. The Psychology of Terrorism. — London, New York: Routledge, 2005.
7. Hudson R.A. The Sociology and Psychology of Terrorism. Who Becomes a Terrorist and Why? Honolulu, Hawaii: University Press of the Pacific, 2005.
8. Stout, Chris E. ed. Psychology of terrorism: coping with the continuing threat. — Westport, Connecticut, London: Praeger, 2004.

СОВРЕМЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ И ПРОБЛЕМА МОТИВАЦИИ ТЕРРОРИСТОВ-СМЕРТНИКОВ¹

В. А. Соснин

Аннотация: в выступлении рассмотрены общие проблемы мотивации террористической активности в современном мире — проблема истории взаимоотношений христианской и мусульманской цивилизаций, проблема глобализации и ее связь с проблемой терроризма, и психологические особенности мотивации суицидального терроризма.

Ключевые слова: терроризм, религиозно-идейные основания, суицидальный терроризм, психологическая мотивация.

Annotation: In the article there are considered some general aspects the problem of contemporary terrorism — the problem of motivation, ethnic-psychological

problems, and the problem of suicidal terrorism.

Key words: terrorism, motivation of terrorism, ethnic-psychological aspects, suicidal terrorists.

Одной из проблем, исследованием которой занимается Институт психологии РАН, является проблема современного терроризма и мер противодействия «чуме третьего тысячелетия». В настоящее время по рассматриваемому вопросу Институтом подготовлена монография «Современный терроризм: социально-психологический анализ» (2008) и учебное пособие для вузов «Психология современного террориз-

¹ Выступление на научно-практическом семинаре и круглом столе «Прикладная юридическая психология» (Москва, Ин-т психологии РАН, 20 мая 2010 г.).

из плюрализма вырастает фундаментализм. Фундаментализм неизбежно порождает террор, ужас которого состоит в том, что он становится все более технологически совершенен.

Литература

1. Емелин В.А. Симулякры: виртуальная реальность и инновации // Гос-во, религия, церковь в России и за рубежом. — 2009. — № 2. — С. 133-142.
2. Научные и методологические проблемы информационно-безопасности: сб. ст. / под ред. В.П. Шерстюка. — М., 2004.
3. Современный терроризм и борьба с ним: социально-гуманитарные измерения. Научные проблемы безопасности и противодействия терроризму: серия монографий / под ред. В.А. Садовниченко и В.П. Шерстюка. — М., 2007.
4. Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г. Мотивация террориста // Национал. психолог. журн. — 2007. — № 1 (2). — С. 27-32.
5. Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г. Психологические технологии вовлечения в террористическую деятельность // Психология перед вызовом будущего: материалы науч. конф., Москва, 23-24 нояб. 2006 г. — М.: Моск. гос. ун-та, 2006. — С. 468-472.
6. Horgan J. The Psychology of Terrorism. — London, New York: Routledge, 2005.
7. Hudson R.A. The Sociology and Psychology of Terrorism. Who Becomes a Terrorist and Why? Honolulu, Hawaii: University Press of the Pacific, 2005.
8. Stout, Chris E. ed. Psychology of terrorism: coping with the continuing threat. — Westport, Connecticut, London: Praeger, 2004.

СОВРЕМЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ И ПРОБЛЕМА МОТИВАЦИИ ТЕРРОРИСТОВ-СМЕРТНИКОВ¹

В. А. Соснин

Аннотация: в выступлении рассмотрены общие проблемы мотивации террористической активности в современном мире — проблема истории взаимоотношений христианской и мусульманской цивилизаций, проблема глобализации и ее связь с проблемой терроризма, и психологические особенности мотивации суицидального терроризма.

Ключевые слова: терроризм, религиозно-идейные основания, суицидальный терроризм, психологическая мотивация.

Annotation: In the article there are considered some general aspects the problem of contemporary terrorism — the problem of motivation, ethnic-psychological

problems, and the problem of suicidal terrorism.

Key words: terrorism, motivation of terrorism, ethnic-psychological aspects, suicidal terrorists.

Одной из проблем, исследованием которой занимается Институт психологии РАН, является проблема современного терроризма и мер противодействия «чуме третьего тысячелетия». В настоящее время по рассматриваемому вопросу Институтом подготовлена монография «Современный терроризм: социально-психологический анализ» (2008) и учебное пособие для вузов «Психология современного террориз-

¹ Выступление на научно-практическом семинаре и круглом столе «Прикладная юридическая психология» (Москва, Ин-т психологии РАН, 20 мая 2010 г.).

ма» (2010). Кроме того, ведется активная исследовательская работа по проблематике профилактики терроризма и психокоррекционной работе с жертвами террористических актов, а также завершена обширная эмпирическая исследовательская программа, ведется обработка эмпирических данных.

В рамках данной статьи кратко обозначим основные причины возникновения терроризма в современном мире.

Современный терроризм — это противоправные насильственные действия по устрашению и подавлению конкурентов во имя достижения социально-экономических, территориальных, идейно-политических, религиозно-этнических и иных, в том числе глобальных целей, которые условно можно обозначить как цивилизационные. Это вопрос комплексный. И объяснение имеет несколько уровней.

Отвечая на этот вопрос, необходимо соотнести его с проблемой глобализации по нормам западного мира, рассматривая его как формирование единого центра управления человечеством во главе с западным миром в соответствии с его ценностями. Основное в глобализации — разрушение охраняемых барьеров национальных государств — экономических, политических и социально-культурных в угоду ценностям западной индивидуалистической цивилизации.

Культурное и моральное нашествие западной цивилизации на страны традиционного мира приводит к угрозе их этнической идентичности, экономической, финансовой и политической эксплуатации и манипуляции, военной экспансии и подавлению традиционных (коллективистических) обществ. Негативная

внешняя оценка культурных традиций нецивилизованных по западным меркам народов приводит к их острой реакции на угрожающе-принудительные предложения отказаться от своей национальной суверенности, приверженности своим культурным идеалам, представлений о чести, достоинстве и справедливости.

Это в конечном счете порождает несимметричный ответ западной цивилизации — *борьбу против нее всеми доступными средствами, в том числе с помощью терроризма, как ответ на экспансию*. Там, где западный мир видит государство с современной экономикой и процветанием демократических свобод, потенциальный исламский террорист видит (исходя из своих жизненных ориентаций):

- безбожие и разврат;
- непреодолимый контраст роскоши и нищеты;
- взяточничество, коррупцию и беззаконие.

Именно эти пороки западной цивилизации эксплуатируются религиозными фундаменталистами и помогают им вербовать террористов-смертников.

Не менее существенна проблема взаимоотношений стран христианского и мусульманского мира в исторической перспективе.

Со времени возникновения в Аравии ислама прошло почти четырнадцать веков. С тех пор христианство и ислам сосуществуют как соседи, часто как соперники и иногда как враги. Ислам и христианство являются близкими религиями с огромным общим наследием, воспринимают себя носителями Высшего откровения Господня, обязанными нести его всему человечеству, поэтому глав-

ным мировым соперником в этом плане считают друг друга.

В связи с этим необходимо отметить, что мусульманские меньшинства образуются преимущественно в христианских странах и регионах проживания. Массовая эмиграция мусульман в страны и регионы христианского мира ставит важные проблемы, решение которых пока не просматривается. Мусульманские меньшинства находятся в ситуации радикального отличия от большинства, среди которого они живут, не только тем, что исповедуют другую религию, но и тем, что придерживаются в корне отличных взглядов на то, что означает, требует и определяет религия.

В то же время, как и все прочие люди, мусульмане ищут возможности протеста против политического подавления и экономического притеснения, облачая свои реакции в привычные для их мировоззрения и традиций формы. Но идет ли речь о политических, экономических или социальных проблемах — большинство мусульман выражают свои обиды и чаяния в религиозных категориях. Для традиционного мусульманина религия не только универсальна, она занимает центральное место в системе его мировоззрения, составляет первооснову его самосознания, социальных обязательств и взаимодействий. Именно религия выделяет мусульман среди прочих людей и объединяет их между собой, проводя грань между ними и всеми прочими людьми, даже если эти последние жили с ними в той же стране и говорили на том же языке.

Кроме того, существует проблема активизации агрессивно-экстремистских религиозных течений внутри Ислама на фоне констатации необходимости

совместных усилий цивилизованного мира в борьбе с терроризмом, не имеющим своего лица и национальности. Между тем национально-религиозная окраска фундаменталистского терроризма не признается представителями евро-американской цивилизации. Не стал предметом анализа и осмысления и основной идейный тезис исламских фундаменталистов о том, что их борьба направлена против национальных и религиозных притеснений со стороны западного мира, в которой ими признается допустимым использование любых средств, включая и террористическую деятельность.

Особую роль в рамках борьбы за чистоту Ислама играют идейные вдохновители терроризма (например, Осам Бен-Ладен). Источник вдохновения для других террористов обычно выступает как оппозиционный лидер. Такие лидеры выступают против существующего мироустройства жизни. И их позиция — это позиция «нового» мироустройства, противостоящего западной цивилизации и «американскому империализму». Терроризм по их представлениям рассматривается как священная борьба от имени Бога. В этом случае светские аргументации («они сумасшедшие», «как они могут убивать невинных людей» и т. д.) не работают. Для религиозных террористов-фанатиков террористический акт — это не политический акт (и это необходимо отчетливо понимать!). Он направлен на создание общества в соответствии с исламскими догмами или точнее с агрессивными положениями ваххабизма и других религиозно-агрессивных течений в рамках Ислама.

Традиционный Ислам проповедует мирное сосуществование со всеми на-

родами, независимо от их религиозной традиции. Совет муфтиев России неоднократно выступал с заявлениями, осуждающими терроризм и экстремизм, как не имеющих никакой опоры в Исламе. В Коране убийство невинного человека по пагубности и степени греховности приравнивается к убийству всего человечества. Так, реагируя на теракты в московском метро, совершенные 29 марта 2010 г., Верховный муфтий России, Талгат Таджуддин заявил, что мусульманские общины Центрального духовного управления мусульман России «гневно клеймят тех, кто решился на эти варварские бесчеловечные преступления».

Но, вот что говорит, например, Осам Бен-Ладен: «Право убивать американцев — гражданское население или военнослужащих — это личная обязанность для каждого мусульманина, способного это делать в любой стране, где это возможно делать. Мы с божьей помощью призываем каждого мусульманина, верящего в Аллаха и стремящегося получить вознаграждение во исполнение Божьего миропорядка, убивать американцев и грабить их деньги там, где это возможно».

Для религиозных экстремистов население враждебных стран всегда будет объектом террористических атак, большинство из которых обесценены с точки зрения их религиозной идеологии. Для них убийство является не политическим актом, а элементом жертвенности на религиозной почве. Риторика религиозного терроризма является бескомпромиссной, поскольку она основана на догматах веры и упрощена в терминах «добра — зла». В конечном счете проистихает полное исключение моральных регуляторов — уничтожение врага любы-

ми средствами превращается в доминирующий принцип, который начинает восприниматься как правильный, оправданный и высоко моральный, в чем и состоит основная мотивация террористов-смертников. К тому же мистические убеждения могут доходить до такой степени, что человек, совершающий самоубийство, остается убежденным в том, что он не умрет, перейдет в новое для себя состояние высшего блаженства.

Современный терроризм — сложное явление, которое было бы неправильно сводить к одному какому-либо фактору. Психологические и социально-психологические детерминанты терроризма, связанные с мотивацией поведения террористов-смертников, будут рассмотрены ниже, здесь же важно обозначить междисциплинарную природу этого явления.

В связи с этим напомним о IV Международной научной конференции по проблемам безопасности и противодействию терроризму, состоявшейся в конце октября 2008 г. в Москве в МГУ. Вот только телеграфное обозначение некоторых важных тем, которые были зафиксированы и требуют дальнейшей научно-практической разработки:

- нормативно-правовое регулирование деятельности по психологическому сопровождению антитеррористических мероприятий;
- методологические аспекты социально-психологического изучения террористических организаций;
- клинические аспекты психологии терроризма и антитеррористической деятельности;
- психологические основы и социально-психологические технологии профилактики терроризма;

- правовые основы профилактики терроризма;
- исследование компенсаторных психологических механизмов формирования террористических установок личности;
- разработка и обоснование социально-психологических технологий по противодействию идеологии терроризма в СМИ и образовательных учреждениях;
- разработка и обоснование предложений по совершенствованию правового регулирования взаимоотношений государства и религиозных организаций.

Выступление на круглом столе: «Проблема мотивации террористов-смертников»

Проблеме мотивации террористов-смертников посвящены многие работы психологов [1-5, 7 и др.].

Терроризм с использованием смертников направлен на причинение максимального ущерба враждебному окружению с целью устрашения, сопровождающегося сознательным отказом исполнителя от спасения своей жизни. Суицидальный терроризм можно считать относительно новым явлением. Смертников используют не только радикальные исламские группировки, такие как Хамас, Аль-Каида и Хесболла, но и далекие от религиозной идеологии террористические формирования (то есть светские идеологические террористические течения).

Существует мнение, что террорист-смертник — патологическая личность. Однако в своем большинстве их теракты четко спланированы по времени, направлены на тщательно отобранные мишени и преследуют отчетливые политические и территориальные цели. Террористы-

смертники, даже чудом избежав гибели, чаще всего не отказываются от выбранного ими пути.

Ранее считалось, что смертниками становятся в основном представители беднейших слоев общества, лишенные образования и безработные. Однако, как показывает анализ документа «Святые мученики двуречья», включающего 430 биографий смертников Аль-Каиды, среди них немало высокообразованных людей, имевших хорошо оплачиваемую работу (последний пример — теракт в московском метро).

Можно выделить несколько причин роста числа терактов, совершенных смертниками, начиная с 1990-х годов до настоящего времени.

Во-первых, подобные теракты часто оказывались чрезвычайно *эффективным инструментом оказания давления на противника*.

Во-вторых, преимуществом использования смертников является *возможность нанести большой урон* в силу того, что исполнитель теракта не рассчитывает остаться живым и не нуждается в путях отхода.

В-третьих, подобные теракты оказывают *большее психологическое воздействие на общество*. Следовательно, гражданское население и политические противники убеждаются в том, что число терактов будет расти и единственный выход состоит в том, чтобы пойти на уступки террористам.

В-четвертых, суицидальный терроризм опирается на *героический образ мученика, поддерживаемый религиозной или светской идеологией* (так, летом 2001 г. более 70 % опрошенных палестинцев одобрили действия террористов-смертников).

Важно также отметить, что в исламских государствах семьи погибших террористов-смертников получают материальную помощь, как от террористических организаций, так и от сочувствующих лиц. Террористические группы культивируют различные обряды перехода их членов в число смертников и подерживают героические мифы о самопожертвовании.

Вместе с тем распространенное мнение о том, что смертников-мусульман привлекает сам статус святых мучеников и небесная награда погибшим за дело ислама, нельзя признать безусловно правильным. Оно не объясняет, почему жизнь террориста и потенциальных жертв-мусульман теряет для него ценность. Не объясняет оно и того, что среди террористов-смертников становится все больше женщин. По-видимому, психологические корни суицидального терроризма лежат глубже — в поиске террористами-самоубийцами новой, более позитивной идентичности.

Одним из следствий изоляции групп террористов от представляемого ими культурного сообщества является убеждение в том, что нынешний мир нелегитимен и не имеет никакой ценности, причем как общество в целом, так и живущие в этом обществе люди. Террористы убеждены, что существующий порядок обречен, что ему на смену придет совершенно другое общество, ради которого необходимы радикальные изменения.

На личностном уровне происходит обесценивание и своей собственной, и чужой жизни: цель оправдывает средства, необходимые для разрушения мира во имя его спасения.

Обесценивание жизни, облегчающее совершение суицидального теракта, мо-

жет быть вызвано не только радикальной идеологией, но и стремлением избавиться от негативной идентичности: от одиночества безродного человека, физически или морально потерявшего всех близких, от клейма позора, от чувства унижения за свою этническую группу.

Наиболее яркий пример стремления избавиться от негативной идентичности представляют те женщины-террористки, которых обесчестили эмиссары террористических организаций, лишив возможности вернуться в общество. Возможность совершить теракт преподносится их организаторами как единственная возможность спасти свою честь, перейти в статус «святой мученицы».

Другая распространенная причина подобного суицида связана с потерей мужа, детей, близких родственников, утратой социальных связей, моральной поддержки. В состоянии глубокой психологической травмы и утраты регулярных контактов с окружающим миром личность становится более уязвимой для идеологии «мученичества».

Негативная идентичность потенциальных террористов-смертников может быть связана и с чувством унижения за свою этническую группу, следствием массового посттравматического синдрома. По существу, террористы-смертники являются «психологически мертвыми», считают себя находящимися уже по ту сторону мирских понятий добра и зла.

Наконец, террористами-смертниками могут стать молодые люди из сплоченных экстремистских политических групп. В таких случаях речь идет не об избавлении от негативной идентичности, а о подтверждении своей позитивной идентичности строителей будущего. Так, исследование 900 молодых мусульман сектора

Газы, бывших подростками во время второй палестинской интифады (с 1987 по 1993 год), показывает, что ориентация на насилие более тесно связана с гордостью за свою социальную группу и высокую включенность в социальную жизнь группы. В условиях высокой сплоченности и при наличии социальных норм, одобряющих совершение терактов как способов борьбы, усиливается эффект механизмов подражания (например, брату-смертнику) и конформности (следования указаниям религиозных или партийных авторитетов).

Естественно, для вербовки женщин-смертников используется и их безграмотность, и насилие, и их примитивные религиозные представления о правильности ваххабитских положений Ислама.

Основные усилия в этой ситуации должны быть направлены не столько на выявление потенциальных террористов-смертников, сколько на масштабные социальные программы, меняющие отношение к терроризму в посттоталитарных и поствоенных обществах. Низко статусные политические группы должны получить доступ к открытому обсуждению наиболее острых социальных проблем, в том числе проблем культурных различий, последствий войны и безработицы.

В связи с этим хотелось бы проинформировать аудиторию о том, что я недавно перевел книгу «Терроризм с точки зрения террористов» известного социального психолога и специалиста с мировым именем по психологии терроризма — Фатали Мохаддама, которая скоро выйдет в свет [8]. В этой работе он рассматривает и анализирует проблему оснований и причин возникновения терроризма как геополитического феномена, в том чис-

ле проблему террористов-смертников, с позиций социокультурного подхода. В основу анализа он кладет концепцию кризиса социокультурной идентичности в исламских сообществах в условиях глобализирующегося мира. Используя метафору «лестницы терроризма», он детально анализирует и описывает поэтапный процесс, который приводит людей к идентификации с террористами и предлагает ответ на вопросы: Почему индивиды вовлекаются в террористические организации? Каковы психологические процессы, которые подвигают их на совершение террористических актов? По его мнению, многие люди в исламском мире становятся террористами в силу того, что их традиционные общества позволяют им удовлетворить потребность в индивидуальной идентичности, только вступая в такие автономные исламские организации, как террористические группы. Неспособность и невозможность индивиду реализовать свои права и развить личностные качества в рамках традиционной социокультурной идентичности порождают у молодого поколения мусульманских стран отчаяние и недовольство, стремление найти «новую идентичность», вступая в террористическую организацию. Основываясь на своем многолетнем опыте социального психолога и обширной практике реального знания исламского мира, Ф. Мохаддам убедительно показывает, как терроризм возникает из социальных и культурных условий жизни и перспектив развития исламских сообществ в современном мире.

Признавая наличие внутренних проблем развития у стран исламского мира в связи с мировыми глобализационны-

ми тенденциями, Ф. Мохаддам предлагает вести борьбу с кризисом социокультурной идентичности в исламских сообществах посредством изменения социокультурных основ их жизни, которые питают и поддерживают терроризм. Тем самым он доказывает и утверждает перспективу долговременной и невоенной стратегии борьбы с терроризмом в современном мире.

Необходимо подчеркнуть широкую адресную направленность книги. Кроме того, что в ней есть глубокие психологические положения о мотивации террористов-смертников, она полезна как для научных работников и практиков в области психологии терроризма, так и для структур правоохранительных органов, осуществляющих непосредственную борьбу с «чумой третьего тысячелетия». Она, безусловно, будет полезна для преподавателей и студентов психологических и социологических факультетов вузов.

Литература

1. Ениколопов С.Н. Терроризм и агрессивное поведение // Национал. психолог. журн. — 2006. — № 1. — С. 28-32.
2. Марьин МИ, Касперович Ю.Г. Психологическое обеспечение антитеррористической деятельности. — М.: Академия, 2007.
3. Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора / под ред. М.М. Решетникова. — СПб.: Вост.-Европ. ин-т психоанализа, 2004.
4. Соснин В.А. Терроризм начала XXI века: проблема интерпретации и источников терроризма (о социально-психологических и идейных истоках современного терроризма) / Терроризм в современном мире. Опыт междисциплинарного анализа: материалы круглого стола // Вопросы философии. — 2005. — № 6. — С. 3-36.
5. Соснин В.А. Психология современного терроризма: учеб. пособие для вузов. — М.: Форум, 2010.
6. Соснин В.А, Нестик Т.А. Современный терроризм: Социально-психологический анализ. — М.: Ин-т психологии РАН, 2008.
7. Тхостов А.Ш, Сурнов К.Н. Мотивация террориста // Национал. психолог. журн. — 2007. — № 1(2). — С. 27-32.
8. Moghaddam F.M. From the Terrorist Point of View: What Thy Experience and Why Thy Come to Destroy. — Praeger, Security international General Interest-Cloth, 2006.

ТИПЫ НОМО POST-SOVETICUS: ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ ИЗМЕРЕНИЯ Я-ИДЕНТИЧНОСТИ

Е. Р. Маслова, В. В. Солодников, Н. В. Солодникова

Аннотация: в статье приведена схема использования подхода Г. Хофстеде (G. Hofstede) при создании адаптированного инструментария, идентичного зарубежному. Проанализированы результаты применения созданного инструментария в маркетинговых исследованиях маркетинговой компании SOMCON, дана подробная содержательная характеристика полученных результатов.

Выделены определенные типы (сегменты) Я-идентичности современных россиян которые, с одной стороны, опи-раются на универсальные параметры, своеобразные «культурные оси», но в то же время обеспечивают достаточное разнообразие (7 типов) психографических групп для исследовательских целей.

Ключевые слова: типы (сегменты) Я-идентичности современных россиян, измерение Я-идентичности.

ми тенденциями, Ф. Мохаддам предлагает вести борьбу с кризисом социокультурной идентичности в исламских сообществах посредством изменения социокультурных основ их жизни, которые питают и поддерживают терроризм. Тем самым он доказывает и утверждает перспективу долговременной и невоенной стратегии борьбы с терроризмом в современном мире.

Необходимо подчеркнуть широкую адресную направленность книги. Кроме того, что в ней есть глубокие психологические положения о мотивации террористов-смертников, она полезна как для научных работников и практиков в области психологии терроризма, так и для структур правоохранительных органов, осуществляющих непосредственную борьбу с «чумой третьего тысячелетия». Она, безусловно, будет полезна для преподавателей и студентов психологических и социологических факультетов вузов.

Литература

1. Ениколопов С.Н. Терроризм и агрессивное поведение // Национал. психолог. журн. — 2006. — № 1. — С. 28-32.
2. Марьин М.И., Касперович Ю.Г. Психологическое обеспечение антитеррористической деятельности. — М.: Академия, 2007.
3. Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора / под ред. М.М. Решетникова. — СПб.: Вост.-Европ. ин-т психоанализа, 2004.
4. Соснин В.А. Терроризм начала XXI века: проблема интерпретации и источников терроризма (о социально-психологических и идейных истоках современного терроризма) / Терроризм в современном мире. Опыт междисциплинарного анализа: материалы круглого стола // Вопросы философии. — 2005. — № 6. — С. 3-36.
5. Соснин В.А. Психология современного терроризма: учеб. пособие для вузов. — М.: Форум, 2010.
6. Соснин В.А., Нестик Т.А. Современный терроризм: Социально-психологический анализ. — М.: Ин-т психологии РАН, 2008.
7. Тхостов А.Ш., Сурнов К.Н. Мотивация террориста // Национал. психолог. журн. — 2007. — № 1(2). — С. 27-32.
8. Moghaddam F.M. From the Terrorist Point of View: What Thy Experience and Why Thy Come to Destroy. — Praeger, Security international General Interest-Cloth, 2006.

ТИПЫ НОМО POST-SOVETICUS: ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ ИЗМЕРЕНИЯ Я-ИДЕНТИЧНОСТИ

Е. Р. Маслова, В. В. Солодников, Н. В. Солодникова

Аннотация: в статье приведена схема использования подхода Г. Хофстеде (G. Hofstede) при создании адаптированного инструментария, идентичного зарубежному. Проанализированы результаты применения созданного инструмента в маркетинговых исследованиях маркетинговой компании SOMCON, дана подробная содержательная характеристика полученных результатов.

Выделены определенные типы (сегменты) Я-идентичности современных россиян которые, с одной стороны, опи-раются на универсальные параметры, своеобразные «культурные оси», но в то же время обеспечивают достаточное разнообразие (7 типов) психографических групп для исследовательских целей.

Ключевые слова: типы (сегменты) Я-идентичности современных россиян, измерение Я-идентичности.

The summary: based on the ideas of G. Hofstede (five cultural dimensions) there was made attempt to apply them to the individuals and to construct different Self-identity types of modern Russians (Homo Post-Soveticus). Using methods of factor, cluster and discriminant analysis 7 types (segments) of Self-identity as well as the questionnaire for their measurement were produced. Their description and socio-demographic, socio-psychological (especially inclination to risk and (dis)obedience to law) and consumer characteristic are discussed. The 2-year data (2006-07) of syndicate representative survey TGI-Russia conducted by private Russian marketing research agency COMCON were used as empirical foundations of the analysis. Sample sizes were 33 041 and 33 614 respondents (16+ years old population in cities 100 ths +) accordingly.

Key words: cultural dimensions (G. Hofstede)—modern Russian Self-identity types (segments) — measurement of Self-identity.

В настоящее время в российской социологии и маркетинговых исследованиях обозначены подходы, направленные, соответственно, с одной стороны, на адаптацию зарубежных методик (см. например, Латова, Латов, 2007; Лысова, 2007; Лысова, Истомина, 2009), а с другой, — на построение различных *психотипов* потребителей (см. более подробно: Гантер, Фернхам, 2002).

В то же время в рамках регулярных синдикативных маркетинговых (но имеющих в разной степени выраженную социальную составляющую) исследований время от времени возникает необходимость разработки или совершенство-

вания имеющейся психографической типологии потребителей при минимальном количестве добавления новых вопросов. Такая задача была решена применительно к исследованию TGI-Russia¹, отталкиваясь от идей Г. Хофстеде (G. Hofstede)². При этом не было цели измерить «ментальность» россиян в кросс-культурных координатах или российской хозяйственной культуры (см. Латов, Латова, 2007) с использованием адаптированного инструментария, идентичного зарубежному.

Мы стремились выделить определенные типы (сегменты) Я-идентичности современных россиян, небезосновательно полагая, что они должны нести на себе отпечаток «человека советского» (Homo Sovieticus — см. Зиновьев А., Левада Ю.,

¹ Исследование Target Group Index — Russia проводится с 1996 года в 70 городах России с населением 100 тыс. чел. и более. Генеральная совокупность — 62,5 млн. человек (россияне в возрасте 10 лет и старше). План текущего годового объема выборки — более 19 000 домохозяйств (37 500 респондентов), равномерно распределенных на 4 волны исследований ежегодно. Выборка стратифицирована по 12 экономико-географическим регионам или по 7 федеральным округам (отдельно — Москва и Санкт-Петербург) и по 3 уровням городского населения (>1млн, 0.5-1млн, 0.5млн — 0.1млн.). В каждом городе выборка распределяется пропорционально численности населения административных округов. Домохозяйства отбираются из адресной базы данных случайным образом. Техника заполнения — смешанная (интервью по месту жительства и самозаполнение). В 2006 году объем выборки респондентов в возрасте 16 лет и старше составил 33 041 человек, в 2007 — 33 614.

² Напомним, что Г. Хофстеде стал широко известен благодаря американским изданиям его книг: *Cultural Consequences: International Differences in Work-Related Values (1980)* и *Cultures and organizations: software of the mind (1991)*, которые в 2000-е годы активно переиздавались и были переведены на 17 языков. Благодаря им Г. Хофстеде стал одним из наиболее цитируемых авторов, согласно Индексу цитирования социальных наук (Social Science Citation Index).

Таблица 1

Универсальные оси культуры

№	Оси Хофстеде	Аналоги TGI-Russia
1	Power Distance High/Low High/Low Дистанция власти (низкая-высокая)	Законопослушность — Справедливость/правда
2	Long/Short Term Orientation Ориентация на долговременность — на настоящее	Аскетизм ради будущего — Удовольствие от настоящего
3	Masculinity-Feminity Мужественность — Женственность	Разделение гендерных ролей — Смешение (андрогинность)
4	Individualism High/Low Коллективизм — Индивидуализм	Зрелость отношений — Я-центризм
5	Uncertainty Avoidance High/Low Склонность к риску — Избегание неопределенности	

Гачев Г. и др.) и предложить инструмент для их измерения. Некоторые авторы применительно к экономическому поведению россиян и гражданскому российскому обществу используют понятие человек постсоветский — Homo Post-Soveticus (Левада, 2004; Розмаинский, 2006; Гудков и др., 2008), которое нам показалось уместным.

Основными исходными посылками процесса адаптации идей Г. Хофстеде для нужд TGI-Russia послужили:

1. Выделение инвариантных «культурных осей». При этом каждая культура образует своеобразный «паттерн»/профиль, образуемый значениями по этим осям.

2. Использование их в научных целях в России (см. Латова, Латов, 2007).

3. Возможное их применение для нужд маркетинга и рекламы.

Исходя из этого, опираясь на многолетний опыт проведения TGI-Russia, алгоритм адаптации состоял из следующих шагов:

- Ограничение конструируемой сегментации респондентами в возрасте 16 лет и старше, поскольку у детей более младшего возраста вряд ли Я-идентичность в основном сформирована.

- Отбор утверждений, характеризующих стиль жизни россиян (из почти 300 высказываний), отражающих их установки и ценностные ориентации, а также наиболее соответствующих пяти осям/культурным измерениям Г. Хофстеде. Было отобрано 72 таких утверждения. При этом, как и в оригинальном авторском опроснике использовалась 5-балльная шкала (не)согласия.

- По результатам факторного анализа (методом главных компонент) 18 утверждений было отбраковано из-за минимальной (около нуля) факторной нагрузки.

- У 20 высказываний был выявлен знак корреляции, противоположный ожидаемому. Это привело к существенной смысловой коррекции осей Г. Хофстеде (см. ниже Таблицу 1).

По-видимому, неполная «симметричность» (логическая противоположность) крайних полюсов некоторых осей отражает некоторое «лукавство», двойственность (dual thinking) «простого советского человека», черты которого унаследованы современными россиянами. В своей публичной лекции Ю.А. Левада отмечал такие его распространенные черты «человека советского», сохранившиеся до

Таблица 2
Краткое описание культурных осей Homo Post-Soveticus в TGI-Russia

№	1-й полюс оси	2-й полюс оси
1	Законопослушность — последовательная приверженность обезличенным социальным, в том числе юридическим нормам, императив долга гражданина перед государством	Справедливость/правда — ориентация на индивидуальную «высшую справедливость», а не на социальные нормы, но акцент на этике бизнеса
2	Аскетизм ради будущего — страх перед непредсказуемостью жизни, аскетизм в настоящем ради будущего, ориентация на стабильность, избегание неудачи, рациональность, перенесение своей несовременности и стремление адаптироваться к новому	Удовольствие от настоящего — жизнелюбие, центрированность на настоящем времени, получение удовольствия от него (гедонизм), следование моде, сопричастность современности, потребительство с выраженной импульсивностью, ограниченной финансовыми средствами, уверенность в стабильности настоящего
3	Разделение гендерных ролей — приписывание мужчинам «мачизма», акцептирование их рационализма (в том числе финансового) и «технизма»; подчеркивание у женщин их семейных интересов, согласие с двойным стандартом половой морали (разрешенное мужчинам запрещено женщинам); своя эмоциональная «закрытость», приверженность нормам публичной лексики	Смещение гендерных ролей (андрогинность) — уход за собой, значимость своей внешней привлекательности (в т.ч. молодости) для представителей другого пола, внесемейные ориентации, в том числе на карьерный рост, нерациональность, «гуманитарность», интуитивность, вербальная раскованность
4	Зрелость отношений — избирательность общения, упорство в достижении целей (в том числе «командных»), межличностный конформизм (как зависимость от мнения сверстников), при сохранении «приватности» своего внутреннего мира и образа жизни	Я-центризм — акцент на индивидуальной свободе: Я-центризм, вплоть до эпатижа окружающих (нонконформизм), уверенность в себе и своих силах в планировании жизненного пути
5	Склонность к риску — авантюризм, склонность к риску (в том числе финансовому), импровизации, креативность, новаторство, выраженная мотивация достижений	Избегание неопределенности — педантичность, приверженность ритуалам, пунктуальность, скрупулезность, консерватизм, лояльность привычному бренду

«нулевых» годов, как допетровский, испуганный, встревоженный, покорный, беспомощно-терпеливый — стерпит повышение цен, но, получив зарплату, не заплатит с нее налогов; при этом хозяин/олигарх должен платить налоги; мог бы работать лучше, но не видит в этом смысла; предпочитает жить спокойнее, быть не деятельным, а смотрящим/ (скучающим) зрителем» при нарастающем его разнообразии. Вместе с тем, по его мнению, «...каждое время мы имеем дело не с однообразным человеком, а с разнообразным. С человеком активным

и пассивным, ловким и покорным, с человеком, который хочет искать себя и свое, и с человеком, который хочет быть, как все. Эти типы иногда взаимодействуют, но на поверхность, и не только на зримую, активную поверхность, кипящий слой, попадают разные типы. (эта) более сложная задача. предполагает разнообразие людей» (Левада, 2004. Режим доступа: <http://polit.ru/lectures/2004/04/15/levada.html>).

Аналогично этому применительно к анализу установок и общественных настроений современных россиян Ж.Т. То-

Таблица 3
Типы Я-идентичности Homo Post-Soveticus^{*}, TGI-Russia, 2007 г.

№ оси	Полюса Оси	Типы (сегменты) (доля, % ^{**})						
		11,1 Революционер-мачо	13,8 Индия дуалист-маргинал	17,2 Адаптивный подстрекагель	15,8 Гибкий потребитель-инноватор	15,8 Кансерватор-гедонист	19,5 Педантичный конформист	6,9 Гламурный нигилист
1	Законопослушность				+? ^{***}		+	
	Справедливость	(+)		(+)				+
2	Аскетизм ради будущего	+ ^{****}					(+)	
	Удовольствие от настоящего				+	-		(+)
3	Разделение гендерных ролей	+				(-)	+	
	Смешение (андрогиинность)			+	(+)			+
4	Зрелость ответственности					+?	+	
	Я-центризм		(+)					+
5	Склонность к риску	+	+		+			+
	Избегание риска			+		-	+	

* Скобками выделен ведущий (с максимальной факторной нагрузкой) полюс шкалы. Он обычно отражается в первом слове названия типа.

** В населении России в возрасте 16 лет и старше.

*** Значения факторной нагрузки близки к интерпретируемым значениям (0.48-0.49).

**** Нижней границей интерпретируемой факторной нагрузки является 0,5.

щенко говорит о «человеке парадоксальном» (Тощенко, 2000, 2008).

Отдельного упоминания заслуживает ось «мужественности-женственности». В процессе работы она была преобразована в ось «разделение — смешение гендерных ролей». Именно последнее представляется более адекватным современным представлениям о гендерной идентичности.

Аналогом «смешения ролей», иногда называемым в специальной литературе, является «андрогиинность» (выраженность у одного и того же человека и мужских, и женских черт). В нашем случае такая черта присуща людям, не придающим большого значения четкому разделению гендерных ролей, реализующим особенности как мужской, так

и женской моделей поведения, а также ценящим свою внешнюю привлекательность, сохранение молодости и творческое отношение к жизни.

Четкому разделению мужских/женских ролей («ролевой гендер»), напротив, соответствует стремление следовать традиционным моделям мужского и женского поведения. Этот компонент Я-идентичности может быть выражен, как у мужчин, так и у женщин.

Проследим дальнейшие шаги в разработке инструментария для измерения типов человека постсоветского.

Для удобства маркетингового анализа шкалы были укрупнены и разбиты на три значения:

а. 30% респондентов — промежуточная (неинтерпретируемая) позиция и

Рис. 1. Группировка типов Homo Post-Soveticus по отношению к риску

б. по 35 % — выраженность крайних полюсов оси.

Описание полученных осей приведено в Таблице 2.

• Полученные данные были подвергнуты кластерному анализу (методом К-средних). В результате было выделено 7 кластеров (типов Я-идентичности) россиян, каждому из которых присуща уникальная комбинация полюсов осей (см. ниже Таблицу 3).

Распределение выделенных типов «человека пост-советского» в различных поло-возрастных группах приведено в Приложении 1.

При этом следует иметь в виду, что основной дифференцирующей осью является ось риска, разделяющая респондентов на две главные группы: склонных к риску и осторожных (см. Рис. 1).

Далее группа **склонных к риску** подразделяется на четыре подгруппы, в зависимости от области рискованного поведения и/или соответствующей установки (готовности к риску при удобном случае):

- Нарушение закона (**кластер 1 — Революционер-мачо**);
- Отказ от традиционных гендерных ролей (**кластер 4 — Гибкий потребитель-новатор**);
- Нон-конформизм вместо «командного духа» (**кластер 2 — Индивидуалист-маргинал**);
- Гедонизм в настоящем (**кластер 7 — Гламурный нигилист**).

Россияне, **не склонных к риску**, подразделяется на две группы :

Для первой группы (**кластер 6 — Педант-конформист**) — риск в целом не значим, т.к. индивид внутренне согласен со всеми ограничениями общества (подчиняется закону, традициям, коллективу, планирует будущее, подчиняя ему сиюминутные потребности).

Вторая подгруппа россиян, возможно, хотела бы рисковать (у них присутствует неудовлетворенность некоторыми современными реалиями, есть внутренний психологический дискомфорт), но боятся. При этом они не поведенчески, а «морально» поддерживают «на-

Таблица 4

**Таблица интеркорреляций между типами «человека пост-советского»,
TGI-Russia, 2006–2007 * гг.**

№		2006 (16+ лет)						
		1	2	3	4	5	6	7
1	Революционер-мачо	1,00						
2	Индивидуалист-маргинал	-0,16	1,00					
3	Адаптивный подстрекатель	-0,16	-0,19	1,00				
4	Гибкий потребитель-новатор	0,15	-0,18	-0,18	1,00			
5	Консерватор-гедонист	-0,17	-0,19	-0,20	-0,19	1,00		
6	Педант-конформист	-0,17	-0,20	-0,20	-0,19	-0,21	1,00	
7	Гламурный нигилист	-0,10	-0,12	-0,12	-0,12	-0,13	-0,13	1,00
		2007 (16+ лет)						
1	Революционер-мачо	1,00						
2	Индивидуалист-маргинал	-0,16	1,00					
3	Адаптивный подстрекатель	-0,14	-0,18	1,00				
4	Гибкий потребитель-новатор	0,15	-0,20	-0,17	1,00			
5	Консерватор-гедонист	-0,15	-0,20	-0,17	-0,19	1,00		
6	Педант-конформист	-0,17	-0,22	-0,20	-0,21	-0,21	1,00	
7	Гламурный нигилист	-0,10	-0,12	-0,11	-0,12	-0,12	-0,13	1,00

* В 2006 году было опрошено 33 041 человек, в 2007 – 33 614 человек в возрасте 16 лет и старше.

стоящих буйных» (В.С. Высоцкий). Они образуют две подгруппы вновь в зависимости от возможной области рискованного поведения.

- Нарушение закона и отступление от традиционных гендерных ролей (**Кластер 3 — Адаптивный подстрекатель**);

- Получение неотсроченного удовольствия (**кластер 5 — Консерватор-гедонист**).

- Завершающим шагом, обеспечивающим поддержание трендов, было использование дискриминантного анализа.

- Полученные характерологические типы россиян могут быть более подробно описаны следующим образом (см. Приложение 2).

Полученные типы (сегменты) являются независимыми друг от друга и на двух годовых выборках (2006 и 2007

**Типы Я-идентичности Homo Post-Soveticus,
TGI-Russia, 2006–07 гг., % по столбцу**

Таблица 5

(16+ лет)	2006	2007 *
Революционер-мачо	12,0	11,1
Адаптивный подстрекатель	15,7	13,8
Индивидуалист-маргинал	15,5	17,2
Гибкий потребитель-новатор	14,8	15,8
Консерватор-гедонист	17,0	15,8
Педант-конформист	17,7	19,5
Гламурный нигилист	7,2	6,9

* Выделены статистически значимые ($p \leq 0,05$) изменения: темно-серым — уменьшение, светло-серым — рост.

года) даже обратно коррелируют друг с другом (см. Таблицу 4).

Устойчивость выделенных типов (сегментов) оказалась относительной (см. Таблицу 5). Из семи сконструированных сегментов только два не обнаружили статистически значимых изменений (при этом отклонение доли каждого типа не превышало 1-2%). Не исключено, что это связано с неустойчивостью Я-идентичности наших современников даже в условиях стабильности экономически «тучных» лет России. В то же время нельзя не заметить закономерный рост потребительских и конформистских настроений.

Две особенности выделенных типов «человека пост-советского» следует прокомментировать дополнительно.

1. С одной стороны, некоторая терпимость к неопределенности или даже авантюризм необходимы в современной рыночной экономике и/или для модернизации современного российского общества. Но с другой стороны, по мнению Г. Хофстеде «высокая дистанция власти в сочетании низкими значениями избегания неопределенности (в таких странах как Китай и Индия) порождают низкие значения открытости (новому опыту)» (Hofstede, Macrae 2004, P.74). Но именно она важна при осуществлении модернизации общества. Более того, склонность к риску у «пост-советского человека» связана с другой особенностью его Я-идентичности.

2. Специфическая ось «Соблюдение закона — справедливость» со слабо выраженной тенденцией к справедливости в противовес соблюдению закона («справедливость» — наиболее «весомый» фактор для двух типов, а «закон» — для одного). Эта особенность для неко-

торых российских экономистов является основой для пессимистических оценок некоторых аспектов заявленной модернизации: «Боюсь, что попытки развиваться в сторону массовых технологий (в России) сегодня обречены...А время для успешных массовых технологий в России наступит тогда — и только тогда — когда законопослушание будет возведено в ранг национальной ценности. Потому что закон и технологический стандарт — это братья-близнецы. Они про одно и то же: про правила, которые нужно соблюдать» (Аузан, 2009. Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/data/2009/138/05.html>).

Далее мы последовательно рассмотрим основные:

- социально-демографические параметры выделенных типов;
- специфику их социальных интересов;
- особенности их потребительских ориентаций.

Для этого воспользуемся методом анализа соответствий (correspondence analysis).

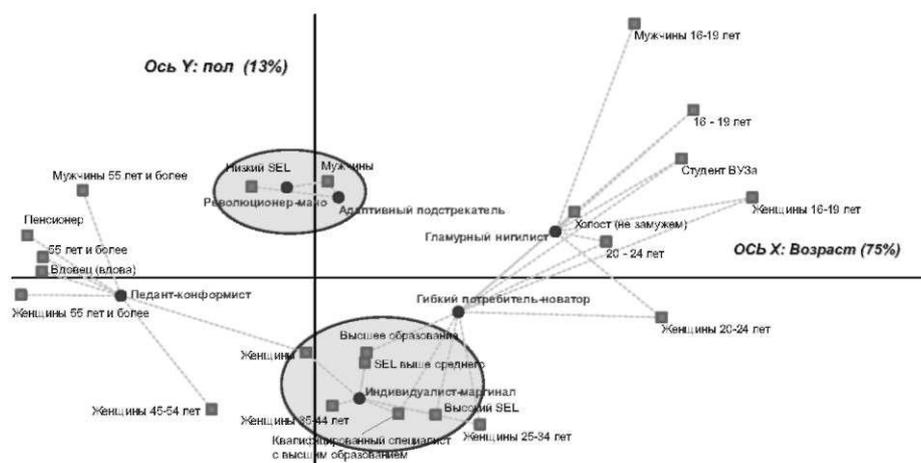
Как видно из Диаграммы 1, различные типы «пост-советского человека» хорошо различаются с точки зрения своих социально-демографических характеристик³ (на диаграмме оставлены только позитивные, статистически значимые связи, отфильтрованные по абсолютному и относительному значениям вклада выше средних значений).

Среди них можно выделить четыре мужских и три женских типа.

³ Для упрощения и «усиления» картины на Диаграммах (здесь и далее) оставлены переменные с абсолютным и относительным вкладом выше средних значений.

Диаграмма 1.

**Социально-демографический портрет Homo Post-Soveticus,
по данным TGI-Russia, 2007**

К мужским следует отнести:

Адаптивные подстрекатели — это преимущественно мужчины с низким социально-экономическим статусом. Близки к ним **революционеры-мачо**. У **консерваторов-гедонистов** мужская составляющая тоже выражена, но вместе с тем практически находится на оси X, тем самым не задавая гендерных предпочтений (в качестве которых была интерпретирована ось Y). Напомним, что двум из трех этих типов (за исключением революционеров-мачо) присущ, скорее, вербальная, но не актуальная склонность к риску.

Два типа не обнаружили у своих представителей предпочтений по полу:

Педант-конформист — это вдовствующие респонденты-пенсионеры 55 лет и старше.

Гламурный нигилист — учащаяся, не состоящая в браке молодежь 16-24 лет.

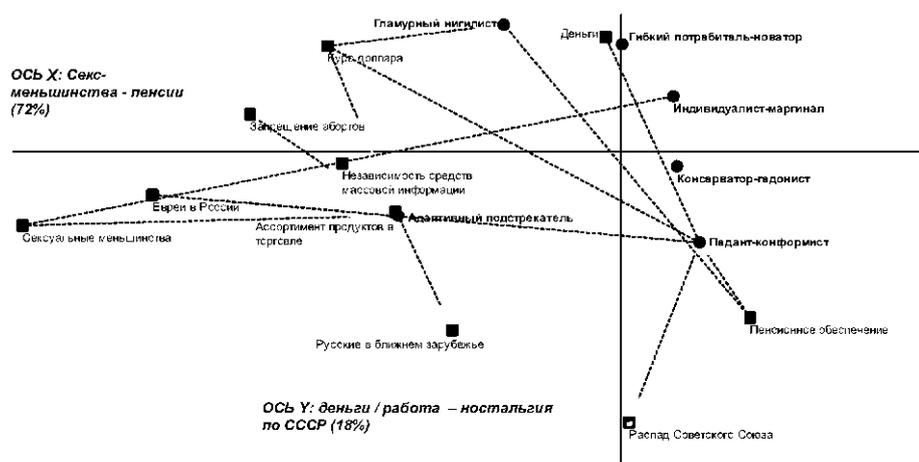
Преимущественно женскими типами являются:

Индивидуалисты-маргиналы — это женщины от 25 до 44 лет — квалифицированные специалисты, часто с высшим образованием и социально-экономическим статусом выше среднего уровня.

Гибкие потребители-новаторы — большей частью женщины от 20 до 24 лет. Примечательно, что, в отличие от мужчин, обеим «женским» типам присуща действительная, а не декларируемая склонность к риску.

Таким образом, социально-демографические параметры респондентов умеренно дифференцируют сконструированные типы «человека постсоветского». С одной стороны, достаточно сильными факторами оказываются пол и возраст респондента, но с другой, — в ряде сегментов оказываются представлены и мужчины, и женщины, а у Адаптивных подстрекателей и Консерваторов-гедонистов отсутствует связь с возрастом. Примечательно, что

Диаграмма 2.
Значимость социальных проблем для Homo Post-Soveticus,
по данным TGI-Russia, 2006

для некоторых выделенных типов оказались выраженными характеристики социально-экономического статуса (СЭС)⁴, в отличие от дохода (на члена домохозяйства). Следовательно, в рамках одних и тех же поло-возрастных и социально-экономических групп (при наличии определенных закономерностей) присутствуют разные социально-психологические типы Homo Post-Soveticus.

⁴ Индекс социально-экономического статуса (СЭС) или Socio Economic Levels (SEL) респондента был предложен BMRB — British Market Research Bureau — и основана на 13 переменных, имеющих разный (от 4 до 17) «вес» (высшее образование/бакалавриат; автомобиль; компьютер; посудомоечная и стиральная машины; видеомаягнитофон и видеокамера; мобильный телефон; использование Интернет за последний год; пользование банковской картой; авиапутешествия за последний год; CD-плеер; Спутниковое/Кабельное/Цифровое ТВ (платное). На каждой «волне» исследования все респонденты разбиваются на 4 группы: «Высокий» социальный статус (10 % населения); «Выше среднего» (20 %); «Ниже среднего» (30 %) и «Низкий» социальный статус (40 % опрошенных).

Теперь проанализируем отношение представителей выделенных сегментов к **социальным проблемам общества**. Для этого обратимся к данным TGI-Russia 2006 года, когда респондентам задавался вопрос об их отношении к актуальным проблемам российского общества. С целью большей иллюстративности (из 3-х-балльной шкалы ответов: «очень/немного/совсем не волнует») для анализа был выбран вариант «мягкого» согласия «очень или немного волнует».

Более того, на Диаграмме 2 отображены как положительные связи (выделенные желтым цветом) между переменными, так и отрицательные (синим).

Педантов-конформистов (что закономерно в силу преобладания среди них пенсионеров и респондентов 55 лет и старше) беспокоят **только** пенсии и распад Советского Союза. В то же время их **не интересуют** финансовые вопросы (деньги в целом и курс доллара

к рублю, в частности) и «еврейский вопрос» в России.

Во многом противоположны им **гламурные нигилисты**, переживающие из-за курса доллара, который напрямую влияет на их сиюминутное финансовое состояние, и игнорирующие вопрос пенсионного обеспечения.

Самый широкий спектр интересующих проблем выявлен у сегмента **адаптивных подстрекателей**. Это закономерно, поскольку им в целом присуща ярко выраженная вербальная активность, интеллектуальные интересы (см. Приложение 2). Их волнует независимость СМИ, ассортимент продуктов в магазинах, стабильность национальной валюты (курс доллара к рублю). С другой стороны, у них есть и более глобальные интересы: проблема абортотворения и права сексуальных меньшинств. Кроме того, они интересуются судьбами соотечественников за рубежом. Не интересно им только положение евреев в России.

Индивидуалистам-маргиналам присуще отсутствие интереса к сексуальным меньшинствам.

У **гибких потребителей-новаторов, консерваторов-гедонистов и революционеров-мачо** (что в сумме составляет 42,7% выборки) не выявлено значимого интереса к социальным проблемам.

Таким образом, выявлена более слабая зависимость построенной типологии и интереса россиян к социальным проблемам. Наибольшая социальная включенность присуща только одному типу (Адаптивный подстрекатель), а отсутствуют сколь-нибудь выраженные интересы к социальным проблемам — у трех.

Общественные темы, вызывающие интерес «пост-советского человека» концентрируются вокруг двух осей:

1. наиболее сильной «секс-меньшинства-пенсии», отражающей «экологические», но в значительной мере присутствующие в СМИ темы и «насуточные» проблемы, связанные с обеспечением минимальных стандартов жизни;

2. существенно менее «весомой», связанной с ориентацией во времени, — с полюсом настоящего (в котором доминируют зарплата и курсы валют) и прошлого (с акцентом на ностальгию по СССР).

Примечательно, что в содержании обеих осей анализа соответствий в данном случае проявилась озабоченность россиян своим экономическим положением (в различных вариантах — от пенсий до курса доллара). На наш взгляд, это соответствует экзистенциальному уровню потребностей в пирамиде А. Маслоу. Это вряд ли адекватно социальным интересам «среднего» класса, приоритет построения которого периодически декларируется в современной России. Напомним, что речь идет о 2006 году, т.е. за 1,5-2 года до мирового финансового кризиса 2008 года.

Более того, совершенно не проявился интерес к социальным проблемам **на местном уровне** (работа коммунальных служб, общественного транспорта...). Не является ли эта особенность (как и в целом, слабое разнообразие социальных интересов) следствием выстроенной в 2000-е годы «вертикали власти» и патерналистских упований россиян только на ее «верхние этажи» в надежде улучшить свое материальное положение? Кстати, как показали события «докризисных» 2007—2008 гг. (значительные

бюджетные «вливания» накануне президентских выборов) и кризисного 2009 г. (АВТОВАЗ, Пикалёво) эти упования и надежды были совсем не беспочвенны.

Далее, обратимся к особенностям **потребительских ориентаций** представителей выделенных сегментов Homo Post-Soveticus. Мы рассмотрим их на примере обращения респондентов к различным медиа-каналам; потреблению некоторых массовых продуктовых категорий и пользованию отдельными видами бытовой техники (мобильные телефоны и персональный компьютер). Кроме того, проанализируем особенности индекса потребительской активности россиян⁵. Для описания объема контактов с медиаканалами мы воспользуемся индексом «активности медиа потребления»⁶.

Результаты отображены на Диаграмме 3. При составлении диаграммы мы выбрали два полярных квинтиля по медиапотреблению (высокая и низкая

активность), продукты питания из разных ценовых сегментов (например, натуральные соки и кефир, пиво и джин с виски), а также бытовую технику индивидуального пользования — мобильный телефон и персональный компьютер.

В группу с высокой потребительской активностью (на оси X — слева) входят:

Индивидуалисты-маргиналы много пользуются компьютером, но при этом не слишком активны в интернете. Из продуктов предпочитают молотый кофе, как наименее вредный из кофеиносодержащих продуктов.

Гибкие потребители новаторы — частые пользователи компьютера и интернета. Представители этой группы тяготеют к слабоалкогольным коктейлям.

Гламурные нигилисты, молодые люди с достатком, любят слабоалкогольные коктейли и питают слабость к дорогому алкоголю: рому, виски, джину. Кроме того, они активные интернет-«юзеры» и, соответственно, пользователи компьютеров.

Группу с низкой потребительской активностью (на оси X — справа) и низкими показателями по использованию медиаканалов в целом входят:

Революционеры-мачо. Они редко читают газеты и журналы, всем алкогольным напиткам предпочитают пиво.

Адаптивные подстрекатели, мужчины 16-24 лет, редко включают телевизор и мало покупают и потребляют (потребительская активность низкая).

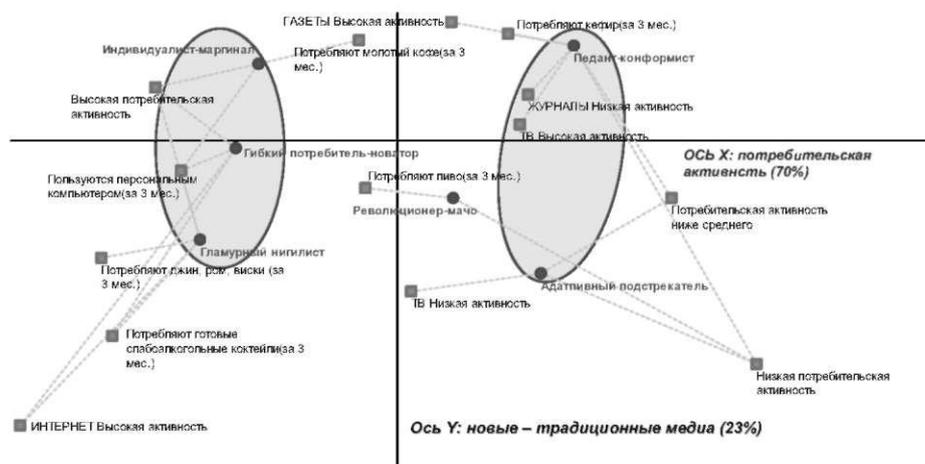
В третью группу входит сегмент **педантов-конформистов**. Для этих пенсионеров характерна высокая интенсивность телесмотра и чтения газет (традиционные и бесплатные/дешевые медиа), в то же время они не читают журналы. Продукты предпочитают традици-

⁵ **Индекс потребительской активности** — строится по результатам анализа информации: 1. о суммарных затратах (на продукты питания, одежду, обувь, предметы длительного пользования, мебель и т.п.); 2. о доходе на человека в семье и личном доходе. Полученные данные ранжируются на десять частей для каждой группы расходов/доходов, т.е. каждый респондент получает в соответствие себе набор переменных, принимающих значения от 1 до 10. Для каждого респондента производится суммирование рассчитанных переменных. В итоге все респонденты распределяются на пять равных по объему групп, по 20% каждая.

⁶ Был предложен **BMRB (TGI Media Neutral Quintiles)**. Для его расчета все потребители определенного медиа (ТВ, Радио и т.д.) распределяются на 5 одинаковых по размеру групп (по 20% в каждой) с учетом активности медиапотребления (по объемам и частоте потребления). При этом учитываются только потребители такого медиа. В нашем случае был использован только один сегмент потребителей (20% по каждому СМИ), отличающихся высокой активностью.

Диagramма 3.

**Потребительские предпочтения Homo Post-Soveticus,
по данным TGI-Russia, 2007**

онные в низкой ценовой нише, например, кефир. В целом потребительская активность низкая.

Консерваторы-гедонисты ничем не примечательны с точки зрения интенсивности медиа-и потребительской активности: их показатели по этим параметрам близки к средневыборочным.

Итак, представленная попытка разработать измерительный инструментарий, состоящий из 52 пунктов (закрытых вопросов с 5-балльной шкалой ответов), для изучения типов «человека пост-советского», на наш взгляд, обладает определенным эвристическим потенциалом при проведении, как социальных, так и маркетинговых исследований. Она достаточно чувствительна к социально-демографическим (прежде всего, поло-возрастным) показателям и потребительским предпочтениям. Последнее закономерно, поскольку в процессе многолетнего проведения TGI-Russia путем «естественного отбора» в

нем оставались вопросы о стиле жизни в наибольшей степени дифференцирующие российских потребителей различных товаров и услуг.

В меньшей степени сконструированная типология позволяет анализировать социальные интересы россиян. Это может быть связано, во-первых, с общей, отмечаемой многими, социально-политической апатией респондентов, а во-вторых, — с конкретным перечнем социальных проблем в стремительно меняющихся российских социально-экономических реалиях.

Выделенные типы «человека пост-советского», с одной стороны, опираются на универсальные параметры, своеобразные «культурные оси» (содержательно отличные, например, от первоначально постулированных осей Г. Хофстеде), но в то же время обеспечивают достаточное разнообразие (7 типов) психографических групп для исследовательских целей.

Литература

1. Аузан А. Национальная формула модернизации: в ожидании высоких целей (ч.2) // Новая газета. — № 138. — 11 декабря 2009. (Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/data/2009/138/05.html>)
2. Батаршев А.В. Диагностика темперамента и характера. — М.: Питер, 2007.
3. Гантер Б., Фернхам А. Типы потребителей: введение в психографику. — СПб: Питер, 2002.
4. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Постсоветский человек и гражданское общество. — М.: Московская школа политических исследований, 2008.
5. Кон И.С. Ребенок и общество. — М.: Наука, 1988.
6. Латова Н.В., Латов Ю.В. Особенности «вестернизации» ментальности студенчества модернизирующихся стран // СОЦИС. — 2007. — № 11. — С.90-98.
7. Латова Н.В., Латов Ю.В. Открытия и парадоксы этнометрического анализа российской хозяйственной культуры по методике Г. Хофстедеа // Мир России. — 2007 — №4. — С. 43-72.
8. Левада Ю.А. «Человек советский». 15 апреля 2004. (Режим доступа: <http://www.polit.ru/lectures/2004/04/15/levada.html>)
9. Левада Ю.А. Homo Post-Soveticus // Общественные науки и современность. — 2004. — №6. — С.5-24
10. Левада Ю.А. Ищем человека. Социологические очерки 2000-2005. — М.: Новое изд-во, 2006.
11. Лысова А.В. Вербальная агрессия в семье: факторы риска и модели объяснения // Социология 4М. — №25 (2007).
12. Лысова А.В., Истомина А.В. Об измерении родительского поведения по наказанию детей // Социология 4М. — №28 (2009).
13. Розмаинский И.В. «Homo Post-Soveticus»: Институциональный анализ основных характеристик экономического поведения (Режим доступа: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/293737/print.html>)
14. Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2000, 2008.
15. Hofstede G., Macrae R.R. Personality and Culture Revisited: Linking Traits and Dimensions of Culture // Cross-Cultural Research 2004; 38; 52.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Поло-возрастное распределение типов Я-идентичности «человека пост-советского», % по столбцу

№	Тип Я-идентичности	Пол	Возраст, лет					
			16-24	25-34	35-44	45-54	55-64	65+
1	Революционер-мачо	Мужчины	13,8	13,9	13,9	14,1	14,5	14,5
		Женщины	6,8	7,9	8,5	8,6	9,5	10,4
2	Индивидуалист-маргинал	Мужчины	21,3	19,5	19,5	17,6	17,0	18,7
		Женщины	19,1	15,3	15,3	13,7	13,2	15,0
3	Адаптивный подстрекатель	Мужчины	10,7	13,9	11,5	12,3	10,4	9,3
		Женщины	15,2	20,2	19,2	17,6	12,7	8,5
4	Гибкий потребитель-новатор	Мужчины	20,4	17,2	14,5	12,1	10,0	6,0
		Женщины	28,0	22,7	16,8	13,7	9,7	8,5
5	Консерватор-гедонист	Мужчины	13,1	17,2	20,1	20,6	19,3	18,1
		Женщины	8,3	12,1	14,3	16,4	18,6	16,0
6	Педант-конформист	Мужчины	6,9	10,4	15,4	19,6	26,2	31,3
		Женщины	6,3	13,3	19,6	25,6	33,2	39,1
7	Гламурный нигилист	Мужчины	13,8	7,9	5,1	3,8	2,5	2,1
		Женщины	13,3	8,5	6,3	4,3	2,9	2,6

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Обобщенная типология Я-идентичности Homo Post-Soveticus (описание)

№	Тип Я-идентичности	Описание
1	Революционер-мачо	Ориентация на индивидуальную «справедливость» и «правду по жизни», а не на социальные нормы, но акцентирование этики бизнеса. Авантюризм, склонность к риску (в том числе финансовому), импровизации, креативность, новаторство, выраженная мотивация достижения и карьеризм с использованием нелегитимных средств. Отрицание общественных и/или государственных «правил игры» связано с переживанием страха перед непредсказуемостью жизни, «подавлением» актуальных потребностей ради будущего, рациональностью, стремлением адаптироваться к новому и ориентацией на стабильность, избегание неудачи. Приписывание мужчинам «мачизма», акцентирование их рационализма (в том числе финансового) и «технизма»; подчеркивание у женщин их семейных интересов; согласие с двойным стандартом половой морали (разрешенное мужчинам запрещено женщинам), приверженность нормам публичной лексики.
2	Индивидуалист-маргинал	Акцент на индивидуальной свободе, Я-центризм, вплоть до эпатажа окружающих (нон-конформизм), уверенность в себе и своих силах в планировании жизненного пути. Авантюризм, готовность к импровизации, креативность, новаторство, выраженная мотивация достижения и склонность к риску (в том числе финансовому). Использование себя для «экспериментирования» с межличностными отношениями.
3	Адаптивный подстрекатель	Ориентация на индивидуальную «высшую справедливость», а не на социальные нормы, но акцент на этике бизнеса. Но в то же время педантичность, приверженность ритуалам, пунктуальность, скупулёзность, консерватизм, лояльность привычным торговым маркам. Уход за собой, значимость своей внешней привлекательности (в т.ч. молодости) для представителей другого пола, внесемейные ориентации (в том числе на карьерный рост), нерациональность, «гуманитарность», интуитивность, вербальная раскованность. Таким образом, нигилизм и смелость, скорее, только вербальные, при поиске традиционных «обходных путей» («телефонных звонков») для достижения личных целей и «подстрекательство» других на нарушение общепринятых норм.
4	Гибкий потребитель-новатор	Уход за собой, значимость своей внешней привлекательности (в т.ч. молодости) для представителей другого пола, внесемейные ориентации, в том числе на карьерный рост, нерациональность, «гуманитарность», интуитивность, вербальная раскованность. Жизнелюбие, центрированность на настоящем времени, получение удовольствия от него (гедонизм), следование моде, сопричастность современности, потребительство с выраженной импульсивностью, ограниченной финансовыми средствами, уверенность в стабильности настоящего. Авантюризм, готовность к импровизации, креативность, новаторство, выраженная мотивация достижения, карьеризм, склонность к риску (в том числе финансовому), но, скорее, в рамках последовательной приверженности обезличенным социальным, прежде всего, юридическим нормам.

5	Консерватор-гедонист	<p>Приписывание мужчинам «мачизма», акцентирование их рационализма (в том числе финансового) и «технизма»; подчеркивание у женщин их семейных интересов; согласие с двойным стандартом половой морали (разрешенное мужчинам запрещено женщинам), приверженность нормам публичной лексики. Жизнелюбие, центрированность на настоящем времени, получение удовольствия от него (гедонизм), следование моде, сопричастность современности, потребительство с выраженной импульсивностью, ограниченной финансовыми средствами, уверенность в стабильности настоящего. Педантичность, приверженность ритуалам, пунктуальность, скрупулезность, консерватизм, лояльность привычному бренду. Избирательность в общении, сохранение приватной жизни при поиске референтной группы среди сверстников.</p>
6	Педант-конформист	<p>Избегание непредсказуемости настоящего, аскетизм ради будущего, рациональность, переживание своей несовременности и стремление адаптироваться к новому, ориентация на стабильность, избегание неудачи. Последовательная приверженность обезличенным социальным нормам, как юридическим (императив долга гражданина перед государством), так и традиционным гендерным: приписывание мужчинам «мачизма», акцентирование их рационализма (в том числе финансового) и «технизма»; подчеркивание у женщин их семейных интересов; согласие с двойным стандартом половой морали (разрешенное мужчинам запрещено женщинам). Эмоциональная «закрытость» и приверженность нормам публичной лексики. Избирательность общения, упорство в достижении целей (в том числе «командных»), межличностный конформизм (как зависимость от мнения сверстников), при сохранении «приватности» внутреннего мира и образа жизни</p>
7	Гламурный нигилист	<p>Жизнелюбие, центрированность на настоящем времени, получение удовольствия от него (гедонизм), следование моде, сопричастность современности, потребительство с выраженной импульсивностью, ограниченной финансовыми средствами, уверенность в стабильности настоящего. Акцент на индивидуальной свободе, Я-центризм, вплоть до эпатажа окружающих (нон-конформизм), уверенность в себе и своих силах в планировании жизненного пути. Авантюризм, склонность к риску (в том числе финансовому), импровизации, креативность, новаторство, выраженная мотивация достижения, карьеризм. Ориентация на индивидуальную «высшую справедливость», «правду по жизни», а не на социальные нормы, но акцент на этике бизнеса. Уход за собой, значимость своей внешней привлекательности (в т.ч. молодости) для представителей другого пола, внесемейные ориентации (в том числе на карьерный рост). Нерациональность, «гуманитарность», интуитивность, вербальная раскованность.</p>

НАРКОТИЗМ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ЕГО ПРОФИЛАКТИКА НА УРОВНЕ МЕСТНОГО СООБЩЕСТВА

З. С. Зарипов, М. Ю. Семенец

Аннотация: в статье отражены материалы выступления авторов на научно-профилактическом семинаре «Профилактика наркомании и наркопреступности», представлена роль профилактики наркотизма среди несовершеннолетних на уровне местного сообщества.

Ключевые слова: несовершеннолетний правонарушитель, проблемная ситуация, причины наркотизма, противоправное поведение, уголовное законодательство, ценностная ориентация личности, борьба с наркотизмом.

Summary: the article reflects the author's speech at the scientific and practical seminar «The precaution of narcotization and narcotic criminality», based on a large material presented the role of the precaution of juvenile narcotization on the local level.

Key words: the juvenile offender, problem situation, reasons of narcotization, wrongful conduct, criminal law, value orientation of personality, struggle with narcotization.

Национальные интересы России, защита от преступных посягательств на жизнь и здоровье граждан все острее требуют от государства и общества принятия радикальных решений по противодействию незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ.

Наркотизм имеет тесную связь с преступностью и практически всеми иными видами отклоняющегося поведения.

Преступностью он взаимосвязан как ее фоновое явление, элемент криминальной субкультуры, одно из средств виктимизации граждан, а также в рамках основных четырех групп преступлений (правонарушений): совершаемых в состоянии опьянения, совершаемых в целях получения средств для приобретения наркотиков, преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков (включая контрабанду) и иных преступлений.

Наибольшей эффективности в решении вопросов профилактики можно добиться при активном использовании возможностей средств массовой информации (СМИ), которые служат основным, а порой и единственным источником информации для большинства населения. Это особенно актуально, так как основными потребителями наркотических средств в настоящее время являются молодые люди.

Профилактика наркотизма должна также включать в себя меры по предупреждению злоупотребления наркотиками путем формирования атмосферы их неприятия в школах, на предприятиях и в организациях, где работает молодежь, в местах, где молодые люди проводят свой досуг. Сотрудникам правоохранительных органов важно оказывать содействие педагогическим коллективам учебных заведений:

- в организации работы родительских групп по оказанию эмоциональной и социальной поддержки, психологическому консультированию родителей с

целью изменения их реакции на проблему, повышения чувства ответственности за воспитание подростков;

- привитии родителям навыков определения симптомов употребления наркотиков, обучении их формам и методам воздействия на подростков с целью склонения их к добровольной сдаче имеющихся у них наркотических средств. Разъяснение необходимости обращения в учреждения здравоохранения за оказанием своевременной медицинской помощи в связи с немедицинским потреблением наркотиков;

- организации внеучебного досуга в социально позитивных группах без подавления инициативы подростков с направлением ее в полезное русло;

- разработке школьных программ санитарного просвещения по вопросам злоупотребления наркотиками.

У несовершеннолетних и молодых людей в возрасте до 20 лет, незаконно потребляющих наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги, имеются определенные особенности, по сравнению со взрослыми потребителями наркотиков, в мотивации потребления наркотиков, видах предпочитаемых наркосредств, интенсивности формирования синдрома зависимости, тяжести медицинских и социальных последствий. Следовательно, меры индивидуальной профилактики к подросткам и молодым людям должны быть несколько иные, чем применяемые к взрослым наркоманам.

Индивидуальная профилактика незаконного потребления молодежью наркотиков—это комплекс мероприятий по выявлению лиц, потребляющих наркотики, а также совершающих правонарушения и преступления, связанные с незаконным

оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.

Основные формы индивидуальной профилактики, осуществляемой правоохранительными органами, основаны на двух методах.

1. Метод убеждения: помощь, профилактические беседы, осуждение негативного поведения в коллективе; приобщение личности к социально полезной и значимой деятельности, воздействие шефов, наставников, общественных воспитателей, иных авторитетных лиц.

2. Метод принуждения: предупреждение, официальное предостережение, привод, лишение права заниматься определенной деятельностью, административный арест, условное осуждение, обязательные работы, исправительные работы, лишение профессиональных и специальных прав.

По мнению Е.А. Соломатиной, особое внимание следует уделять методу убеждения, для реализации которого немалую роль играют следующие мероприятия:

- выявление и нейтрализация отрицательного влияния на подростка со стороны взрослых лиц, сверстников с антиобщественной направленностью поведения;

- проведение бесед с участием медицинских работников и лиц, пользующихся авторитетом у подростков и способных оказать на них положительное влияние;

- привлечение сил учебно-воспитательного или трудового коллектива;

- развитие позитивных интересов у подростков и молодых людей путем привлечения их к спорту, самодеятельности, другим формам общественно полезной занятости;

- посещение места жительства подростка (в том числе совершеннолетних] и работа с его родителями [4, с. 79].

Мероприятия по индивидуальной профилактике должны предусматривать полное выявление начинающих потребителей наркотиков и принятие к ним комплекса мер индивидуального профилактического воздействия: посещение места жительства наркоманов, проведение с ними бесед, осуществление совместной работы с медицинскими учреждениями, учебными или трудовыми коллективами, общественными организациями, постоянный контакт с семьей подростка или совершеннолетнего молодого человека, закрепление общественного воспитателя, психологический курс реабилитации с участием специалистов и другие мероприятия.

Изменившиеся приоритеты государства, школы и семьи, СМИ и других общественных институтов в сфере образования подталкивают подрастающее поколение к выбору отклоняющегося поведения, а подчас и преступной деятельности. Чума двадцать первого века — алкоголизм и наркомания — лишь обостряют криминальную ситуацию в молодежной среде России. Наибольшее количество зарегистрированных преступлений отмечается в городах Москве и Санкт-Петербурге, Иркутской, Московской, Свердловской и Челябинской областях. Необходимо учитывать, что уровень распространенности наркомании в больших городах выше, чем в малых (в 3,6 раза), поэтому необходима разработка моделей, типичных для отдельных регионов.

Известно, что несовершеннолетние преступники — это подростки, принявшие смягчение моральных и правовых

норм в обществе за их отсутствие. Нарушают закон агрессивно активные типнейджеры, добивающиеся своих целей криминальными средствами. Нарушают закон пассивные неудачники, пополняющие армию токсикоманов, наркоманов, алкоголиков [1, с. 95]. Следствием роста преступности в обществе является увеличение преступности среди подростков.

По данным МВД России, за 10 лет количество ежегодно регистрируемых наркопреступлений увеличилось в 15 раз, выявленных фактов наркоторговли — в 80 раз, пресеченных проявлений групповой наркопреступности — в 9 раз. За последние годы молодежная преступность выросла в 15 раз по сравнению с преступностью среди взрослых [3, с. 55].

Рассматривая указанную проблему, отметим, что в стране сохраняется негативная тенденция повышения криминальной активности детей младших возрастов. Все чаще милиция задерживает малолетних детей, не подлежащих судебному преследованию по возрасту. Привлечение подростков во взрослые группировки позволяет бандам избежать уголовной ответственности. По статистике МВД России, при общем росте преступности взрослыми людьми преступлений совершается все меньше; в 70 % случаев за малолетними, осужденными за какое-либо преступление, стояли взрослые люди. Дети-бродяги могут организовать собственные группировки: старшие занимаются воровством, младшие — попрошайничеством и т. п. Работники ГУВД г. Санкт-Петербурга отмечают, что подавляющее большинство задержанных членов группировок — молодые люди и

подростки, не отмеченные ни судимостями, ни столкновениями с законом [6, с. 273]. Внешний мир воспринимается подростками как агрессивная среда, и причинами, толкающими подростков к ответной агрессии, являются наркотическая зависимость и алкоголь, корыстные побуждения, желание добиться власти над другими. У каждого третьего подростка агрессия возникает в ответ на нарушение прав, оскорбления и другие формы насилия со стороны взрослых и сверстников [2, с. 134-136].

Результаты социологических исследований свидетельствуют о повышении интереса подрастающего поколения к потреблению психоактивных веществ — ПАВ (химические и фармакологические средства, влияющие на физическое и психическое состояние, вызывающие болезненное пристрастие; к ним относятся наркотики, транквилизаторы, алкоголь, никотин и другие средства) — наркотиков, алкоголя, табака. Отмечается повышение толерантности к ним в молодежной среде. В России около 4 млн человек незаконно потребляют наркотические средства и психотропные вещества, 62,4 % из них составляют лица в возрасте до 30 лет. На официальном учете в наркологических диспансерах находятся 350 тыс. человек [8, с. 15]. От употребления наркотиков ежегодно гибнут до 800 тыс. человек [6, с. 16]. Возраст детей, начинающих потреблять наркотики, снизился с 17 до 11 лет. Проблема пьянства и алкоголизма за последнее десятилетие также приобрела угрожающие масштабы. Отмечается снижение возраста первых проб табакокурения [7, с. 11-14].

В последние годы получили широкое распространение среди молодежи

и спортсменов анаболические стероиды — сильнодействующие вещества, гормональные препараты, которые оказывают отрицательное воздействие на организм человека, прежде всего на центральную нервную систему.

Практика применения международного опыта показывает, что проблемы с преступностью несовершеннолетних надо решать на уровне местного самоуправления.

Первоочередные меры, принимаемые муниципальными властями, направлены на реинтеграцию несовершеннолетних в общество с помощью повышения образовательного уровня и просвещения, организации специальных занятий, открытия библиотек, обеспечения их профессиональной подготовки для участия в активной жизни. Данная работа ведется силами всего общества и всех социальных партнеров г. Абиджана, и координируется с усилиями правительства, которое создало так называемые социальные фонды, обеспечивающие ссуды молодежи.

Рост преступности среди несовершеннолетних, ослабление воспитательных функций семьи, распад традиционных нравственных норм, сопровождающиеся такими сопутствующими явлениями, как употребление алкоголя и наркотиков, а также рост молодежных бандитских группировок вынуждают органы местного самоуправления многих стран принимать непопулярные меры, направленные на решение проблем подрастающего поколения. Одна из таких мер — введение ограничений на пребывание несовершеннолетних в общественных местах в ночное время, так называемые комендантские часы.

Введение ограничений по пребыванию подростков в общественных местах в ночное время, с одной стороны, суровая мера, рассчитанная на то, что силовыми мерами можно справиться с беспризорностью и преступностью несовершеннолетних, с другой — кампания, направленная на борьбу с подростковой преступностью, мера защиты основной массы населения от несовершеннолетних правонарушителей.

Анализ обстановки в области профилактики наркомании в России показывает, что первичной профилактикой наркомании преимущественно занимается система образования, в основном образовательные учреждения среднего звена — школы, профессиональные училища, менее активно — колледжи, лицеи и вузы. Введены новые учебные программы («Основы безопасности жизнедеятельности», «Валеология»), косвенным образом ориентированные на профилактику наркомании. Существующие профилактические мероприятия фактически соответствуют образовательной и медицинской моделям профилактики.

Одним из важнейших аспектов антинаркотической профилактической работы в системе образования является включение в программы образовательных учреждений, осуществляющих подготовку, переподготовку и повышение квалификации специалистов, работающих с детьми и молодежью, вопросов профилактики злоупотребления ПАВ.

По существующим прогнозам рост показателей, связанных с употреблением психоактивных средств, будет продолжаться вплоть до 2017 г., пока не произойдет его стабилизация на определенном уровне насыщения общества

наркотиками. Основными тенденциями развития наркоситуации в стране на ближайшие годы будут следующие:

- ускорение темпа роста числа злоупотреблений наркотическими средствами;
- снижение возраста начала злоупотреблений и среднего возраста потребителя наркотиков;
- взрывной характер распространения наркомании;
- увеличение доли молодежи на рынке незаконного оборота наркотиков;
- низкая эффективность профилактических и предупредительных мероприятий и др.

Все приведенные обстоятельства убедительно свидетельствуют о резком ухудшении обстановки, связанной с наркоманией в России. Причинами этого негативного и тяжелого явления выступают то, что в условиях экономического кризиса общество находится в очень сложной социально-психологической ситуации. В значительной мере разрушены прежние устоявшиеся стереотипы поведения, нормативные и ценностные ориентации. Выработка новых происходит медленно и хаотично. Люди, особенно молодые, утрачивают ощущение смысла происходящего и не имеют определенных жизненных навыков, которые позволили бы сохранить свою индивидуальность и сформировать здоровый и эффективный жизненный стиль.

Очевидно, что в одночасье все сложные наркопроблемы решить невозможно. Существующая в настоящее время в России система специальных мер борьбы с преступным оборотом наркотических средств, учитывая реалии сегодняшнего дня, требует дальнейшего усовершенствования.

Масштабы и устрашающая динамика развития наркоситуации диктуют необходимость консолидировать всеучастников борьбы с незаконным оборотом и употреблением наркотиков. В основе новой антинаркотической политики должна лежать профилактика наркомании и наркопреступности.

Очевидно, что от фрагментарных шагов в сфере профилактики наркомании надо переходить к наступательной и четко выверенной стратегии действий. И в связи с этим хотим обратить внимание на ряд принципиальных моментов.

Во-первых, необходимо продолжить укрепление нормативной правовой базы в этой сфере. Нужно создать дополнительные уголовно-процессуальные гарантии выделения в самостоятельные производства расследований отдельных эпизодов организованного преступного наркобизнеса для обеспечения повышенных мер безопасности для свидетелей по таким делам, а также прекращения уголовного преследования лиц, оказавших эффективную помощь в расследовании таких преступлений.

На законодательном уровне должна быть четко определена компетенция и ответственность каждой структуры, входящей в единую систему профилактики, что позволит повысить общую координацию работы, сконцентрировать усилия государства и общественных организаций на действительно значимых направлениях.

Во-вторых, тема, которую мы хотели бы выделить особо, — это профилактическая работа среди детей, подростков и молодежи. Наибольшую тревогу вызывает сохраняющийся уровень приобщения подростков и молодежи к немедицинскому потреблению наркотических

средств и психотропных веществ и вовлечение их в незаконный оборот указанных средств и веществ.

В-третьих, преграда должна быть поставлена на пути проникновения в молодежную среду пропаганды образа легкой жизни, протекающей в окружении всевозможных удовольствий, насаждения криминальной субкультуры, потребительского отношения к родным, государству и обществу. И здесь важна роль общественных организаций и велика ответственность средств массовой информации, ориентированных на молодежную среду. Также необходима гибкая, по-современному построенная пропаганда здорового образа жизни и соответствующая система социальной и медицинской помощи.

Мероприятия по изучению лиц, склонных к потреблению наркотиков, из числа молодежи и оказанию на них воспитательного профилактического воздействия должны быть строго индивидуальными, предельно конкретными, обоснованными и полными. Антинаркотическая работа также не должна проводиться в общих аудиториях, ибо практика показывает, что несовершеннолетние стесняются задавать интересующие их вопросы в присутствии взрослых. Профилактическую работу, направленную на молодых людей, необходимо вести силами родителей, педагогов и психологов. Однако, как показывает мировой и отечественный опыт, эта работа может быть достаточно эффективной в том случае, когда она реализуется силами самой молодежи. Этот вывод основан на итогах исследований, проведенных среди девушек, злоупотребляющих наркотиками, немалая часть которых весьма низко оценивают эффектив-

ность профилактических мероприятий, критически относятся к деятельности, осуществляемой в данном направлении различными государственными и общественными организациями, и считают, что в ближайшие несколько лет будет наблюдаться дальнейший рост наркомании [5, с. 57].

На сегодняшний день одним из эффективных выходов из сложившейся ситуации могло бы стать привлечение к индивидуальной профилактической работе прежде всего самих молодых людей, так как лица из числа молодежи порой начинают употреблять наркотики неосознанно, следуя сложившимся традициям и стереотипам поведения взрослых, а также моде. Идея привлечения к проведению профилактической работы подростков является перспективной и выполняет несколько задач:

- позволяет охватить этой работой достаточно большую подростковую аудиторию, что важно при дефиците специально подготовленных психолого-педагогических кадров;

- разрешает сформировать устойчивые антиалкогольные и антинаркотические установки как у самих волонтеров, так и у тех ребят, с кем они занимаются.

На наш взгляд, предупреждение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, нельзя сводить к набору мер, носящих исключительно карательно-репрессивный характер. Систему предупреждения данных преступлений должны составлять разные по содержанию и направленности меры общесоциального, специального криминологического и индивидуального предупреждения.

Перед органами наркоконтроля в сфере профилактики наркомании и предупреждения наркопреступности стоит общая цель — снижение спроса на наркотики, формирование антинаркотического мировоззрения, пропаганда здорового образа жизни. Для решения этой задачи нам необходимо совершенствовать взаимодействие ФСКН России с общественными объединениями и средствами массовой информации.

В заключение хотелось бы отметить, что борьба за души и здоровье наших детей, близких, граждан страны не должна прекращаться ни на один день. В этой работе важны не пустые отчеты, а реальные, пусть даже маленькие, но позитивные результаты.

Очевидно, что существенное снижение уровня наркотизации населения, особенно подрастающего поколения, требует кардинальной перестройки работы всех органов и служб, имеющих отношение к проблеме.

Литература

1. Антонов А.И., Лебедь ОЛ. Несовершеннолетние преступники: кто они? (на основе анализа сочинений воспитанников исправительных учреждений) // Социс. — 2003. — № 4.
2. Журавлев В.С. Почему агрессивны подростки // Социс. — 2007. — № 2.
3. Смирнов И.П. Человек — образование — профессия — личность. — М., 2007.
4. Соломатина Е.А. Меры индивидуальной профилактики злоупотребления наркотиками лицами женского пола // Криминолог. журн. — 2007. — № 1.
5. Соломатина Е.А. Криминологическая характеристика и профилактика злоупотребления наркотиками лицами женского пола: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2002.
6. Российский статистический ежегодник. 2008: стат. сб. — М., 2008.
7. Ткаченко И.Н. Проблема потребления наркотических и токсических веществ несовершеннолетними // Биология в школе. — 2002. — № 7.
8. Шаров А. Назад—в ЛТП // Рос. газ. — 2006. — 24 нояб.

ОСОБЕННОСТИ САМООТНОШЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ ЖЕНЩИН, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ ЗА НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ В ОТНОШЕНИИ БЛИЗКИХ РОДСТВЕННИКОВ

А. В. Молоствов

Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) — проект № 10-06-53401а/Ц

Аннотация: в статье содержатся результаты эмпирического изучения особенностей самоотношения осужденных женщин, совершивших насилие над близкими родственниками. Выявлено, что психодинамическая напряженность в структуре самоотношения женщин, совершивших насилие, связана с наличием внутренней конфликтности и ее компенсацией через повышенную самоуверенность и подтверждение самоценности на фоне невысокой аутосимпатии. Представлено два обобщенных типа самоотношения — проективно-компенсаторный и шизопатический.

Ключевые слова: самоотношение, проекция, компенсация, шизопатия, представления о жертвах преступлений.

The summary: in article to contain results of empirical studying of features of the self-relation of the condemned women who have made violence over close relatives.

Keywords: the self-relation, projection, indemnification, representations about victims of crimes.

В нашей предыдущей статье, содержащей результаты исследования социально-психологических особенностей личности женщин, совершивших

насилие над близкими родственниками [1], были рассмотрены некоторые особенности воспитания этих женщин в родительских семьях и характеристики их общения. Настоящая публикация посвящена рассмотрению особенностей самоотношения обследованных испытуемых.

Во многих исследованиях личностных особенностей осужденных показана значительная роль самоотношения в генезе преступного поведения.

Самоотношение осужденных женщин, совершивших насилие над близкими родственниками, характеризуется пиками по шкалам самоуверенности, самоценности при выраженной внутренней конфликтности (рис. 1). Данные пики в профиле самоотношения характерны и для женщин, совершивших насилие над чужими людьми. Можно предположить, что психодинамическая напряженность в структуре самоотношения женщин, совершивших насилие, связана с наличием внутренней конфликтности (трудностей локализации истинного источника жизненных неудач) и ее компенсацией через повышенную самоуверенность и подтверждение самоценности на фоне невысокой аутосимпатии (так у осужденных за кражи самопринятие и самопривязанность

значительно выше, чем у осужденных, совершивших насилие).

Однако структура самооотношения женщин, совершивших насилие над чужими и близкими людьми, различна.

От женщин, совершивших насилие над «чужими людьми», женщины, совершившие насильственные преступления в отношении близких родственников, отличаются более высоким уровнем открытости ($p < 0,01$), саморуководства ($p < 0,01$), а также более низким уровнем самооценности ($p < 0,01$) и внутренней конфликтности ($p < 0,01$). Полученные данные свидетельствуют о том, что в отличие от женщин, совершивших насилие над чужими, женщины, совершившие насилие в отношении близких родственников, более открыто и критично относятся к себе, менее подвержены действию подсознательных психологических защит, более открыты новому опыту и самоизменению. Кроме того, они считают, что основным источником активности и результатов, как деятельности, так и собственной личности, являются они сами. Они полагают, что их деятельность и общение находятся в их собственных руках, способны эффектив-

но справляться с эмоциями по поводу своего «Я» (высокое саморуководство). На подобных психологических ресурсах может строиться психологическая помощь и коррекция указанной категории клиентов психолога исправительного учреждения.

У изучаемой нами категории испытуемых, по сравнению с женщинами, совершившими насилие над чужими людьми, значительно менее выражены самооценность и внутренняя конфликтность. Иными словами, они значительно более других категорий испытуемых сомневаются в ценности собственной личности, отстранены и безразличны к себе, утратили интерес к собственному внутреннему миру. При интерпретации шкалы «Внутренняя конфликтность» методики МИС автор указывает на то, что высокая внутренняя конфликтность испытуемых часто связана не с приписыванием себе вины за жизненные неудачи, а с трудностями локализации их внешнего источника [2]. Это, на наш взгляд, особенно характерно для объяснения преступного поведения женщин, совершивших насилие над чужими людьми (в их объяснительной модели присутствуют: ситуация,

Рис. 1

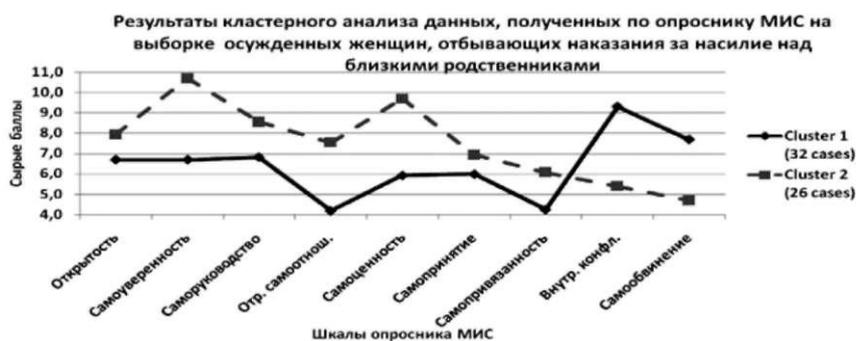

Рис. 2

влияние группы, случайных факторов и т. п.). Низкая внутренняя конфликтность изучаемых испытуемых по сравнению с женщинами, совершившими насилие над чужими людьми, может объясняться тем, что они более склонны либо приписывать вину за преступления себе, либо видеть ее в поведении жертвы преступления. Ниже мы рассмотрим особенности связи самооотношения испытуемых, совершивших насилие над близкими родственниками, с их представлениями о жертвах преступлений.

Данные диагностики осужденных женщин, совершивших насилие в отношении близких родственников, по опроснику МИС были подвергнуты нами кластерному анализу (рис. 2). Мы видим, что в выборке испытуемых присутствует два обобщенных типа самооотношения. Первый тип (Кластер 1 — 55 %) характеризуется значительно более низкой выраженностью самоуважения и аутосимпатии при выраженном самоуничижении. Вообще в методике МИС выделяются три обобщающих фактора: *самоуважение* (входят шкалы: саморуководство, самоуважение, отраженное самооотношение, открытость (соц. желательность

«Я»)); *аутосимпатия* (входят шкалы: самопривязанность, самооценность, самопринятие); *самоуничижение* (входят шкалы: внутренняя конфликтность, самообвинение). Второй тип (Кластер 2 — 45 %) характеризуется значительно более высоким самоуважением и аутосимпатией при незначительном самоуничижении.

Корреляционный анализ данных диагностики по батарее методик испытуемых, вошедших в первый кластер, показал, что самооотношение испытуемых первого типа с выраженным самоуничижением связано с особенностями контроля общения и интернальностью в сфере межличностных отношений, компенсаторной и проективной психологическими защитами, а также навязчиво-принудительным (компульсивным) поведением (табл. 1).

Так, закрытое (защитное) отношение к себе компенсируется ($D -0,65$) у испытуемых повышенным стремлением контролировать партнеров по общению ($Se -0,65$), низкая самопривязанность компенсируется ($D 0,66$) самоуничижением ($M 0,63$), низкая самооценность связана с тем, что испытуемая не считает себя способной активно формировать

Таблица 1
Корреляционные связи самооотношения испытуемых первого типа
с выраженным самоуничижением

Correlations Кластер 1 ($p < 0,01$) (N=32 cases)							
Методика	ОМВ. Шуца аудитация А.А. Руквишлишкова	Life Style Index Р. Плутчка аудитация Л.Р. Гребенникова		Представления о жертах преступлений	Методика определения типа личности и вероятностей расстройств (PSP Дж. М. Олхема и др.)	УСК (Е.Ф. Божин, А.М. Эткинд)	
Шкала	Св	D	E	Вопр. 14	J	M	Им
Шкалы методики МИС	Контроль (выявление поведение)	Компенсация	Проекция	Жертва преступления боится преступника	Добросовестность Навязчивая принудительность	Альtruизм – Самоуничижение	Интерпальность в сфере межличностных отношений
Открытость	-0,65	-0,65	-0,31	0,26	-0,30	-0,21	-0,47
Отраженное самоотношение	0,17	0,40	0,14	-0,68	0,15	0,01	0,19
Самоценность	0,43	0,40	0,07	0,17	0,26	0,10	0,68
Самопринятие	0,09	0,44	0,65	0,37	0,00	0,26	0,27
Самопривязанность	0,26	0,66	0,44	0,09	0,11	0,63	0,12
Самообвинение	0,53	0,59	0,35	0,45	-0,65	0,19	0,35

свой круг общения и склонна считать свои отношения результатом действия своих партнеров. Самопринятие таких испытуемых возможно только на фоне проекции своих недостатков на партнеров по общению. Ожидание уважения со стороны других людей связано со страхом взаимодействия, а ярко выраженное самообвинение носит навязчиво-принудительный (компульсивный) характер. Таким образом, можно отметить, что самооотношение данных испытуемых базируется на опыте психотравмирующего (основанного на страхе и обесценивании) общения и скомпенсировано на навязчивом самообвинении.

Корреляционный анализ шкал методики МИС с другими методиками из диагностической батареи показал связанность самооотношения испытуемых второго типа (с высоким самоуважением и низким самоуничижением) с показателями вероятностных расстройств (шкалы методики PSP Дж. Олхема). В корреляционной матрице (табл. 2) из 10 связей 50 % — это связи шкал методики МИС со шкалами методики PSP.

Так, высокая открытость связана с выраженной шизопатией (шкала С методики PSP), уклонением от чувств или эмоциональной холодностью (шкала Н методики PSP) и депрессивностью (шкала N

Таблица 2
Корреляционные связи самооотношения испытуемых второго типа с выраженным самоуважением

Correlations Кластер 2 (p < 0,01) (N=26 cases)										
Методика	LSIP. Плутчека	Представления о жертвах преступлений			Методика определения типа личности и вероятностных расстройств (PSP Дж. М. Олджема и др.)					СПП С.К. Нартова-Бочавер
		В 1	В 4	В 14	С	F	Н	К	N	
Шкала	Н									
Содержание	Реактивные образования	Жертвы преступлений сами виноваты в том, что с ними произошло	Любой человек может стать жертвой преступления	Жертва преступления боится преступника	Иррациональность – Шизопатия	Драматичность – Навязчивое актерство	Чувствительность – Уклонение от чувств	Прядность – Навязчивая принудительность	Серьезность – Депрессивность	Суверенность физического тела
Открытость	-0,69	-0,29	0,17	0,55	-0,79	-0,37	-0,80	-0,35	-0,72	0,33
Самоуверенность	-0,51	-0,27	-0,02	0,13	-0,39	-0,21	-0,25	-0,59	-0,15	0,74
Отрицательное самооотношение	-0,18	-0,24	0,71	0,82	-0,52	-0,24	-0,36	-0,14	-0,41	0,08
Самоценность	-0,40	-0,80	0,38	0,37	-0,11	-0,13	-0,31	0,00	-0,02	-0,08
Внутренний конфликт	0,32	-0,22	-0,03	0,05	0,80	0,75	0,42	0,71	0,22	-0,21

методики PSP). Низкий внутренний конфликт также связан с выраженной шизопатией, неестественным актерством (шкала F методики PSP) и навязчивой принудительностью (компульсивностью) (шкала K методики PSP). Ожидание уважения от других людей и самоценность значимо связаны с особенностями представлений испытуемых о жертвах, в которых прослеживается понимание трудностей жертв. Самая выраженная характеристика самооотношения испытуемых этой группы заключается в том, что самоуверенность прямо связана с депривацией суверенности физических, телесных проявлений (шкала СФТ опросника «Суверенность психологического пространства» С.К. Нартовой-Бочавер).

Иными словами, самоуверенность есть способ заглушить либо реализовать неудовлетворенную потребность в автономности и соматическом благополучии. Самоуверенность в данном случае может носить компенсаторный характер.

Таким образом, проведенный нами анализ особенностей самооотношения осужденных женщин, отбывающих наказания за насильственные преступления в отношении близких родственников, показал, что оно имеет специфические отличия от самооотношения осужденных женщин, совершивших насилие над чужими людьми.

У осужденных, совершивших близкородственное насилие, доминируют два типа самооотношения:

1. Самоотношение с высоким уровнем внутренней конфликтности и эмоционального переживания, стабилизированное на компенсации и проекции.

2. Самоотношение с низким уровнем внутренней конфликтности, стабилизированное на шизопатии.

Выявленные особенности самоотношения, на наш взгляд, определяют специфику проведения психологической работы и исправительной психокоррекции с данной категорией осужденных.

Литература

1. Молоствов А.В., Канчурина А.А. Особенности семейного воспитания и межличностного общения осужденных женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы за насильственные преступления, совершенные в отношении близких родственников // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 3. — С. 91-100.

2. Пантеев С.Р. Методика исследования самоотношения. — М.: Смысл, 1993. — 32 с.

АНАЛИЗ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ У ПАЦИЕНТОВ С ОЖИРЕНИЕМ, ПЕРЕНЕСШИХ РЕКОНСТРУКТИВНЫЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВА НА ПЕРЕДНЕЙ БРЮШНОЙ СТЕНКЕ

В. В. Иванов

Аннотация: в проведенном исследовании проанализирована динамика качества жизни в отдаленные сроки после выполненных реконструктивных вмешательств на передней брюшной стенке. Наличие абдоминальной деформации ведет к снижению качества жизни по ряду критериев физического и психического здоровья, коррелирующему с величиной грыжевого дефекта, причем более негативная динамика отмечается у пациентов с ожирением. В наибольшей степени у пациентов с вентральными грыжами страдают такие показатели, как физическое функционирование и определяемое этим ролевое функционирование, обусловленное физическим состоянием. Оперативные вмешательства, направленные на восстановление целостности передней брюшной стенки, способствуют улучшению душевно-

го и физического благополучия, причем в большей степени, по сравнению с физической составляющей здоровья, изменяется в отдаленном послеоперационном периоде психологический компонент здоровья. Использование комплекса хирургических технологий реконструктивно-восстановительной, пластической и эстетической хирургии ведет к более значительной положительной динамике комплекса факторов, определяющих уровень качества жизни.

The summary: in the performed research the dynamics of the life style's quality is analyzed for the further postoperative period after the reconstructions of the abdominal cavity. The existing abdominal deformation leads to the life style's quality decreasing according to some aspects physical and

1. Самоотношение с высоким уровнем внутренней конфликтности и эмоционального переживания, стабилизированное на компенсации и проекции.

2. Самоотношение с низким уровнем внутренней конфликтности, стабилизированное на шизопатии.

Выявленные особенности самоотношения, на наш взгляд, определяют специфику проведения психологической работы и исправительной психокоррекции с данной категорией осужденных.

Литература

1. Молоствов А.В., Канчурина А.А. Особенности семейного воспитания и межличностного общения осужденных женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы за насильственные преступления, совершенные в отношении близких родственников // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 3. — С. 91-100.

2. Пантеев С.Р. Методика исследования самоотношения. — М.: Смысл, 1993. — 32 с.

АНАЛИЗ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ У ПАЦИЕНТОВ С ОЖИРЕНИЕМ, ПЕРЕНЕСШИХ РЕКОНСТРУКТИВНЫЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВА НА ПЕРЕДНЕЙ БРЮШНОЙ СТЕНКЕ

В. В. Иванов

Аннотация: в проведенном исследовании проанализирована динамика качества жизни в отдаленные сроки после выполненных реконструктивных вмешательств на передней брюшной стенке. Наличие абдоминальной деформации ведет к снижению качества жизни по ряду критериев физического и психического здоровья, коррелирующему с величиной грыжевого дефекта, причем более негативная динамика отмечается у пациентов с ожирением. В наибольшей степени у пациентов с вентральными грыжами страдают такие показатели, как физическое функционирование и определяемое этим ролевое функционирование, обусловленное физическим состоянием. Оперативные вмешательства, направленные на восстановление целостности передней брюшной стенки, способствуют улучшению душевно-

го и физического благополучия, причем в большей степени, по сравнению с физической составляющей здоровья, изменяется в отдаленном послеоперационном периоде психологический компонент здоровья. Использование комплекса хирургических технологий реконструктивно-восстановительной, пластической и эстетической хирургии ведет к более значительной положительной динамике комплекса факторов, определяющих уровень качества жизни.

The summary: in the performed research the dynamics of the life style's quality is analyzed for the further postoperative period after the reconstructions of the abdominal cavity. The existing abdominal deformation leads to the life style's quality decreasing according to some aspects physical and

psychic health correlate with the size of the abdominal defect, by the way the more negative dynamics is shown by the obese patients. It is shown that to the most degree among patients with ventral hernia such indexes as physical function and that determining role functioning causing the physical state. The operative invasion intended for the recovering the complexity of the abdominal cavity brings the improvement of the physical and psychic health besides it must be noted to the larger degree than the physical component the health physical is changed in the postoperative period. The using of the complex of the surgical technologies in the field of reconstruction-recovering, plastic and aesthetic surgery brings the much more positive dynamics of the whole complex of factors determining better life style's quality level.

Ключевые слова: качество жизни, ожирение, хирургия.

Key words: life style's quality, obesity, surgery.

Медицинское обеспечение во ФСИН России строится на основе принципов функциональности, минимальной инвазивности и социальной значимости. Эти положения правомерны для всех структурных подразделений и этапов оказания медицинской помощи. Актуальность проблемы хирургической коррекции абдоминальных деформаций у пациентов с ожирением обусловлена не только большим количеством осложнений раннего и позднего послеоперационного периода, рецидивов, но и неопределенностью в тактико-методологических подходах. Объективная оценка предлагаемых способов лечения данного контингента больных, основанная на анализе фи-

зического и психического компонентов здоровья, является важнейшим критерием оценки рациональности и правильности алгоритмов лечения. Тем более что лечение грыж различной локализации с использованием аллопластики, методов реконструктивно-восстановительной, пластической и эстетической хирургии, лапароскопической техники в последние десятилетия приобрело большую популярность. Подавляющее число исследователей отмечают, что эти методы, по сравнению с традиционными, у пациентов с ожирением сопровождаются снижением числа интра- и послеоперационных осложнений, незначительным болевым синдромом, ранними сроками реабилитации и быстрым возвращением к привычному труду.

Цель настоящей работы — изучение качества жизни пациентов (физического и психического компонентов здоровья), которым выполнены реконструктивные вмешательства на передней брюшной стенке.

Материалы и методы

Согласно плану исследования и для решения поставленных задач были проанализированы результаты лечения 224 пациентов, перенесших оперативные вмешательства на брюшной стенке в отделениях хирургии № 1 и 2 ГУЗ «Рязанская областная клиническая больница». В отдаленном послеоперационном периоде оценивалось качество жизни пациентов в результате комплексного лечения по шкале SF-46.

Исследование носило характер рандомизированного, проспективного, контролируемого (РКИ). Пациенты распределялись методом случайной выборки по группам анализа. В соответствии с

Таблица 1
Группы пациентов, оперированных на брюшной стенке (n=246)

Вид оперативного вмешательства	Градации пациентов в соответствии с ИМТ	Группы пациентов в соответствии с выполненным оперативным приемом
Аллопластика, n=112	N ИМТ	45
	Ожирение	67
Реконструктивно-восстановительные, пластические и эстетические операции, n=134	N ИМТ	49
	Ожирение	85

мировыми стандартами для нефармакологического РКИ (CONSORT 22), состоящего из 22 пунктов, оно имело следующий дизайн:

1. По воздействию и ответу на воздействие исследование носит перекрестный дизайн. Так, кроме параллельного сравнения групп между собой, они сравнивались в совокупности в зависимости от влияния факторов, которые имеют значение для результатов лечения в ближайший и отдаленный послеоперационный периоды.

2. По количеству участников исследование носит фиксированный характер, поскольку изначально дедуктивным методом было определено количество пациентов в каждой группе.

3. По методу ослепленности исследование носит открытый характер.

4. По важности наблюдения — исследование с приемлемой ошибкой 5-20 %.

Аналитические группы для 246 пациентов, оперированных на брюшной стенке, были сформированы в соответствии с вариантом оперативного приема, с выделением в каждой из них подгрупп по ИМТ (табл. 1).

Так как лечение пациентов с малыми формами грыж не представляет особых проблем, то в исследование были включены пациенты со средними, обширными и гигантскими формами грыж (табл. 2).

Таблица 2

Распределение больных в клинических группах в зависимости от величины грыжевого дефекта

Клинические группы	Величина грыжи		
	Средняя	Обширная	Гигантская
Пациенты с N ИМТ, n=94	42	38	14
Пациенты с ожирением, n=152	74	56	22
Всего 246	116	94	36

Результаты исследования

У 246 пациентов изучены отдаленные результаты хирургического лечения (медиана наблюдения $10,7 \pm 1,2$ года). Среди больных с вентральными грыжами, наблюдавшихся в нашей клинике за последние 10 лет, проводился опрос по поводу качества жизни по опроснику SF-36. В соответствии с критериями дизайна исследования было сформировано 2 группы пациентов. В первую группу вошли пациенты, перенесшие аллопластические вмешательства, во вторую—пациенты, которым выполнены реконструктивно-восстановительные, пластические и эстетические операции (абдоминопластика) на передней брюшной стенке.

Проведенные нами исследования по опроснику SF-36 показали, что до оперативного вмешательства у всех паци-

ентов с вентральными грыжами наблюдалось снижение показателей качества жизни (рис. 1). При этом страдал как физический, так и психологический компонент здоровья.

Как видно из представленных данных, в наибольшей степени у пациентов с вентральными грыжами страдают такие показатели, как физическое функционирование и определяемое этим ролевое функционирование, обусловленное физическим состоянием. Первый показатель был ниже 50 ед. у всех пациентов с гигантскими грыжами и выше 50 ед. у всех пациентов со средними грыжами. Ожирение также влияет на уровень снижения данного показателя: у пациентов с ожирением он составляет $37,2 \pm 4,5$ ед., у пациентов с N ИМТ $59,2 \pm 5,5$ ед. Причем болевой компонент в данном случае не играет столь значительной роли как

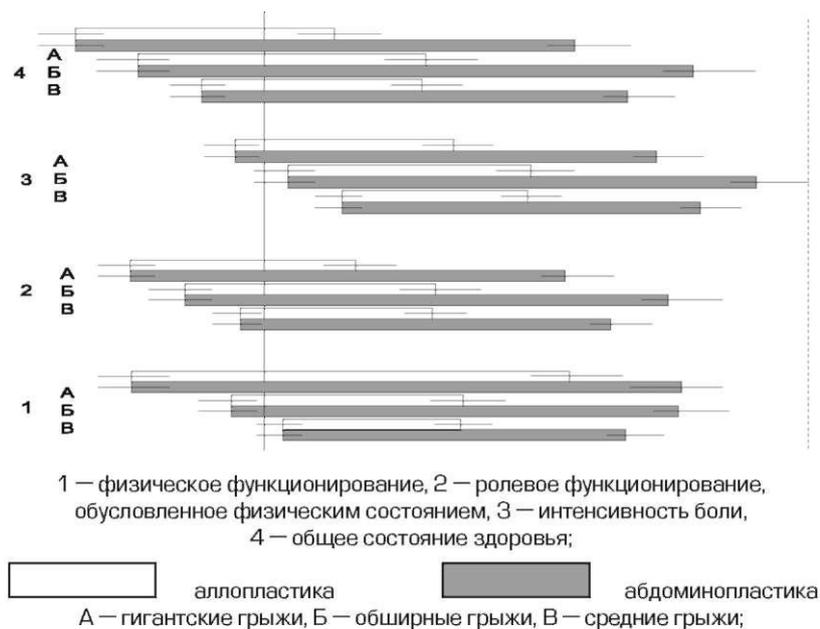

Рис. 1. Физический компонент здоровья у пациентов с вентральными грыжами

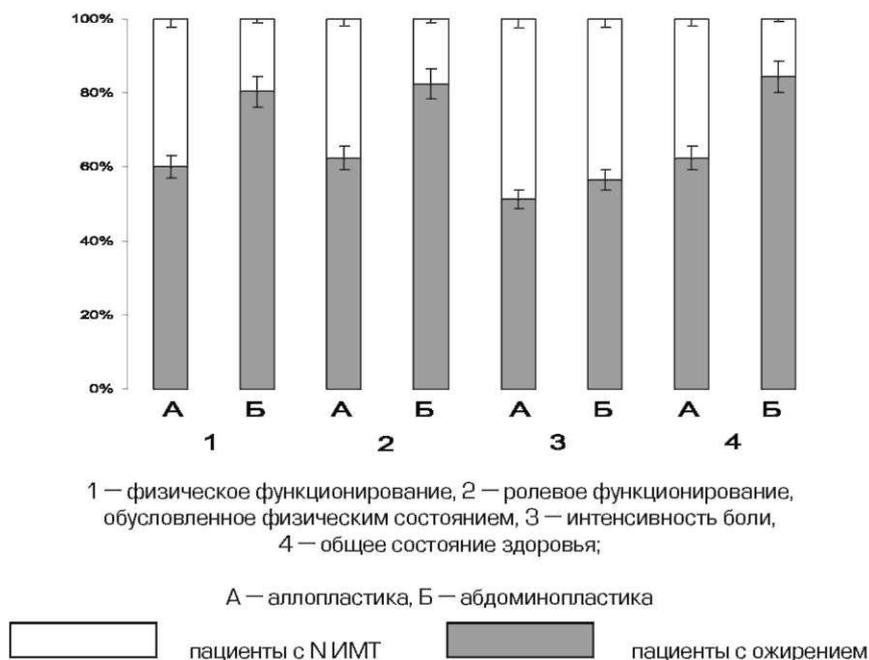

Рис. 2. Факториальное влияние ИМТ на динамику показателей физического здоровья (нормированная гистограмма — отражает долю каждой категории в общей сумме)

при других хирургических заболеваниях (у всех пациентов со средними и обширными грыжами и у половины больных с гигантскими формами грыж он был выше 50 ед.). Эти положения четко прослеживаются как в группе больных с N ИМТ, так и у больных с ожирением. Очевидным явилось и подтверждение факта прямой корреляции между величиной морфологических изменений и уровнем общего состояния здоровья. Все исходные показатели у пациентов с гигантскими грыжами меньше на $15,8 \pm 3,8\%$ по сравнению с пациентами со средними размерами вентральных грыж.

В отдаленном послеоперационном периоде отмечается положительная динамика всех критериев, причем степень

этих изменений больше в группах больных с обширными и гигантскими формами грыж. В позднем послеоперационном периоде (свыше одного года) показатель общего состояния здоровья увеличивается на $55,1\%$ (с $48,4 \pm 8,2$ до $75,1 \pm 6,2$ ед., $p < 0,05$). Причем у пациентов с ожирением эта динамика более выражена и составляет $+88,7\%$ (с $37,2 \pm 4,5$ до $70,2 \pm 5,5$ ед., $p < 0,05$). У пациентов с гигантскими грыжами выполнение аллопластики ведет к динамике данного показателя в следующих интервалах: $+51,94\%$ (с $38,5 \pm 5,0$ до $58,5 \pm 5,5$ ед., $p < 0,05$), со средними значениями $+13,4\%$ (с $46,2 \pm 4,2$ до $62,2 \pm 6,2$ ед., $p < 0,05$).

Резекция кожно-жирового фартука с удалением избытков жира в сочетании

с оперативным реконструктивным приемом на мышечно-фасциальном каркасе передней брюшной стенки ведет к более значительным изменениям показателей уровня качества жизни, чем простое «избавление» пациента от наличия грыжевого выпячивания. У пациентов с гигантскими грыжами показатель общего состояния здоровья увеличивается практически вдвое (+103,1 %) от исходного уровня (с $38,5 \pm 5,0$ до $78,2 \pm 5,0$ ед., $p < 0,05$), в группе пациентов со средними размерами грыж динамика менее значительна и составляет +74,2 % (с $46,2 \pm 4,2$ до $80,5 \pm 10,2$ ед., $p < 0,05$).

Доля факториального влияния пациентов с ожирением на динамику показателей физического здоровья выше 60 % практически по всем критериям шкалы SF-46 (рис. 2).

Изменение всех критериев во всех группах происходит параллельно и отмечается на протяжении первых двух лет с момента выполненного вмешательства. Начиная с третьего года динамика данных показателей не отмечается или в большей мере она связана с течением сопутствующих соматических заболеваний, прежде всего, сердечно-сосудистых, а также с динамикой массы тела.

В большей степени, чем физический компонент здоровья в отдаленном послеоперационном периоде изменяется психологический компонент (рис. 3). В отдаленном послеоперационном периоде отмечается снижение большинства показателей минимум на 40 %.

Так, исходные значения показателя жизненной активности у пациентов с гигантскими грыжами ($44,2 \pm 5,2$ ед.) меньше на 25,3 % по сравнению с аналогичным показателем в других группах ($58,3 \pm 8,5$ ед. и $60,1 \pm 5,5$ ед. соответ-

ственно). Состояние психического здоровья как критерий наличия тревожных переживаний и депрессивных тенденций снижен в большей степени, чем другие показатели: $39,2 \pm 5,5$; $42,5 \pm 5,2$; $48,2 \pm 5,5$ ед. в группах пациентов с гигантскими, обширными и средними грыжами соответственно.

Наличие грыжевого дефекта ведет к большему ограничению социальной активности, нежели повседневной работы. Эта тенденция четко коррелирует с величиной грыжи. Например, у пациентов с гигантскими грыжами исходные значения показателя социального функционирования составляют $36,8 \pm 5,5$ ед., ролевого функционирования $44,2 \pm 5,5$ ед., $p < 0,05$. В группах пациентов с обширными и средними формами грыж эти показатели составляют $46,8 \pm 5,2$ ед. и $56,9 \pm 5,5$ ед. — $58,2 \pm 5,5$ ед. и $65,5 \pm 5,2$ ед. соответственно.

В отдаленном послеоперационном периоде у пациентов всех групп такие показатели, как социальное функционирование и ролевое функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием, были выше 80 ед. Показатель жизненной активности увеличился у пациентов, перенесших аллопластические вмешательства, до $75,2 \pm 8,5$ ед. (в среднем на 46 %). Аналогичная динамика прослеживается и для других показателей: на 76,2 и 48,5 % выросли значения шкал социального функционирования и ролевого функционирования, обусловленного эмоциональным состоянием (с $46,8 \pm 5,2$ до $82,5 \pm 5,5$ ед. и $56,9 \pm 5,5$ до $84,5 \pm 7,2$ ед. соответственно).

Показатель психического здоровья в наибольшей степени (среди всех индексов) повышается у пациентов с центральными грыжами в отдаленном по-

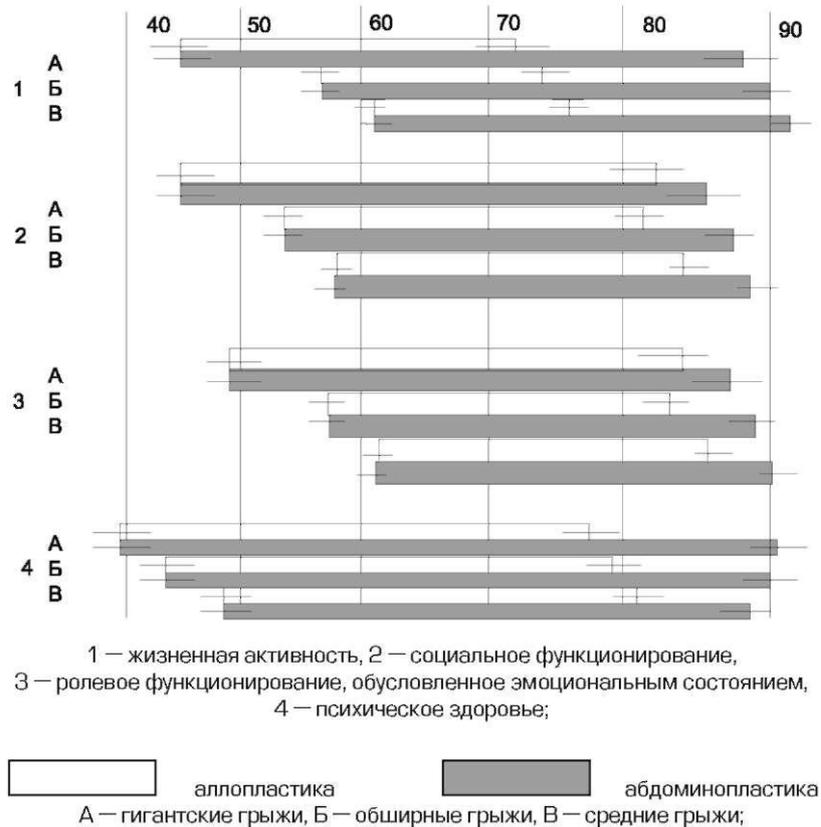

Рис. 3. Психический компонент здоровья у пациентов с вентральными грыжами

слеоперационном периоде: рост составляет 91,3% (до $75,2 \pm 7,5$ ед.), 85,8% (до $78,9 \pm 6,5$ ед.), 64,3% (до $79,2 \pm 8,5$ ед.) в группах больных с гигантскими, обширными и средними формами грыж соответственно.

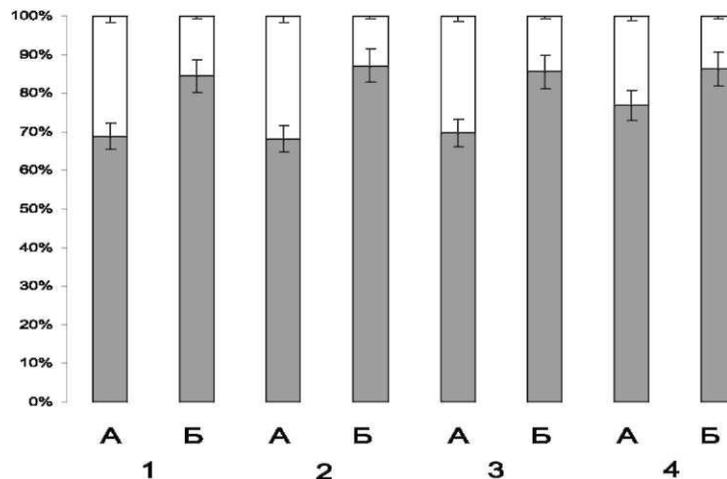
Использование принципов эстетической хирургии в лечении больных с вентральными грыжами ведет к достоверному увеличению уровня качества жизни исходя из критериев опросника SF-46.

Так, показатель жизненной активности в этой группе выше на 100,2%, 55,2% и 53,9% (рост с $44,2 \pm 5,2$ до

$88,5 \pm 2,5$ ед., с $58,3 \pm 8,5$ до $90,5 \pm 4,5$ ед., с $60,1 \pm 5,5$ до $92,5 \pm 3,5$ ед.) соответственно.

Похожая тенденция прослеживается и по шкалам социального функционирования и ролевого функционирования, обусловленного эмоциональным состоянием.

Показатель психического здоровья увеличивается в среднем до уровня $90,1 \pm 5,5$ ед. При этом его рост составляет у пациентов с гигантскими грыжами — 130,1% (с $39,2 \pm 5,5$ до $90,2 \pm 6,5$ ед.), у пациентов с обширными грыжами

1 — жизненная активность, 2 — социальное функционирование, 3 — ролевое функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием, 4 — психическое здоровье;

А — аллопластика, Б — абдоминопластика

□ пациенты с N ИМТ ■ пациенты с ожирением

Рис. 4. Факториальное влияние ИМТ на динамику показателей психического здоровья (нормированная гистограмма — отражает долю каждой категории в общей сумме)

— 112,9 % (с $42,5 \pm 5,2$ до $90,5 \pm 5,5$ ед.) и у пациентов со средними формами грыж — 83,6 % (с $48,2 \pm 5,5$ до $88,5 \pm 5,5$ ед.).

Как и в случае с показателями физического здоровья доля факториального влияния пациентов с ожирением на динамику показателей психического здоровья выше 60 % по всем критериям шкалы SF-46 (рис. 4).

Следует отметить, что в группах пациентов, которым наряду с закрытием грыжевого дефекта выполнена резекция кожно-жирового фартука и редукция подкожно-жирового слоя брюшной стенки, этот параметр всегда выше 70 %.

Как следует из приведенных данных, более значительные изменения всех по-

казателей качества жизни обусловлены большими изменениями у пациентов с ожирением и соответственно выраженным влиянием на динамику интегрального показателя.

Выводы

1. Внедрение современных хирургических реконструктивных технологий в процесс медицинского обеспечения ФСИН России объективно подтверждается динамикой одного из основных интегративных показателей эффективности здравоохранения — критерия качества жизни.

2. Наличие грыжевого дефекта ведет к снижению качества жизни по ряду

критериев физического и психического здоровья, коррелирующего с величиной грыжевого дефекта, причем более негативная динамика отмечается у пациентов с ожирением.

3. Оперативные вмешательства, направленные на восстановление целостности передней брюшной стенки, способствуют улучшению душевного и физического благополучия.

4. Использование комплекса хирургических технологий реконструктивно-восстановительной, пластической и эстетической хирургии ведет к более значительной положительной динамике комплекса факторов, определяющих уровень качества жизни в отдаленном послеоперационном периоде.

Литература

1. Гинзбург М. М., Крюков Н. Н. Ожирение. Влияние на развитие метаболического синдрома. Профилактика и лечение. — М.: Медпрактика-М, 2002. — С. 128.
2. Гланц С. Медико-биологическая статистика. — М.: Практика, 1999. — 459 с.
3. Современные методы лечения брюшных грыж / Грубник В. В., Лосев А. А., Баязитов Н. Р. [и др.]. — Киев: Здоровье, 2001. — 280 с.
4. Новик А. А., Ионова Т. И., Кайнд П. Концепция исследования качества жизни в медицине. — СПб.: ЭЛБИ, 1999. — С. 7.
5. Ожирение. Метаболический синдром. Сахарный диабет 2 типа / под ред. И. И. Дедова. — М., 2000. — С. 111.
6. Сачек М. Г., Аничин В. В. Послеоперационные осложнения в абдоминальной хирургии: Общие вопросы. — Минск: Беларусь, 1986. — 192 с.
7. Thumbs V. K., Evans D. S. To repair or not to repair incidental defects found on laparoscopic repair of groin hernia: early results of a randomized control trial // Surg Endosc. — 2001. — vol. 15. — № 1. — p. 47-49.

СПЕЦИФИКА МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У ЛИЦ С ВЫСОКИМ УРОВНЕМ АГРЕССИВНОЙ МОТИВАЦИИ

О. Н. Арестова, П. В. Савченко

Аннотация: статья рассматривает агрессивности. Процессы понятийного вопроса о влиянии агрессивности как мышления более подвержены искажающей мотивационной тенденции на когнитивные процессы — мышление и память. В эмпирическом исследовании применялись модификации известных психологических методик: толкование пословиц, пиктограммы, исключение четвертого. Сравнивались группы испытуемых с различным уровнем агрессивности.

Показано, что агрессивность оказывает существенное искажающее влияние на мыслительную и мнемическую деятельность. Степень этого искажения находится в прямой зависимости от уровня

мышления более подвержены искажающему влиянию агрессивных тенденций, чем мнемические процессы.

Ключевые слова: агрессивность, мыслительная деятельность, мнемическая деятельность, аффектогенный материал, феномен избирательного искажения.

The summary: the article is devoted to the problem of aggressive motivation influences on human cognitive processes: the thinking and memory. A special modification of psychological methods has been used in empirical research. Two groups

критериев физического и психического здоровья, коррелирующего с величиной грыжевого дефекта, причем более негативная динамика отмечается у пациентов с ожирением.

3. Оперативные вмешательства, направленные на восстановление целостности передней брюшной стенки, способствуют улучшению душевного и физического благополучия.

4. Использование комплекса хирургических технологий реконструктивно-восстановительной, пластической и эстетической хирургии ведет к более значительной положительной динамике комплекса факторов, определяющих уровень качества жизни в отдаленном послеоперационном периоде.

Литература

1. Гинзбург М. М., Крюков Н. Н. Ожирение. Влияние на развитие метаболического синдрома. Профилактика и лечение. — М.: Медпрактика-М, 2002. — С. 128.
2. Гланц С. Медико-биологическая статистика. — М.: Практика, 1999. — 459 с.
3. Современные методы лечения брюшных грыж / Грубник В. В., Лосев А. А., Баязитов Н. Р. [и др.]. — Киев: Здоровье, 2001. — 280 с.
4. Новик А. А., Ионова Т. И., Кайнд П. Концепция исследования качества жизни в медицине. — СПб.: ЭЛБИ, 1999. — С. 7.
5. Ожирение. Метаболический синдром. Сахарный диабет 2 типа / под ред. И. И. Дедова. — М., 2000. — С. 111.
6. Сачек М. Г., Аничин В. В. Послеоперационные осложнения в абдоминальной хирургии: Общие вопросы. — Минск: Беларусь, 1986. — 192 с.
7. Thumbs V. K., Evans D. S. To repair or not to repair incidental defects found on laparoscopic repair of groin hernia: early results of a randomized control trial // Surg Endosc. — 2001. — vol. 15. — № 1. — p. 47-49.

СПЕЦИФИКА МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У ЛИЦ С ВЫСОКИМ УРОВНЕМ АГРЕССИВНОЙ МОТИВАЦИИ

О. Н. Арестова, П. В. Савченко

Аннотация: статья рассматривает агрессивности. Процессы понятийного вопроса о влиянии агрессивности как мышления более подвержены искажающей мотивационной тенденции на когнитивные процессы — мышление и память. В эмпирическом исследовании применялись модификации известных психологических методик: толкование пословиц, пиктограммы, исключение четвертого. Сравнивались группы испытуемых с различным уровнем агрессивности. Показано, что агрессивность оказывает существенное искажающее влияние на мыслительную и мнемическую деятельность. Степень этого искажения находится в прямой зависимости от уровня

мышления более подвержены искажающему влиянию агрессивных тенденций, чем мнемические процессы.

Ключевые слова: агрессивность, мыслительная деятельность, мнемическая деятельность, аффектогенный материал, феномен избирательного искажения.

The summary: the article is devoted to the problem of aggressive motivation influences on human cognitive processes: the thinking and memory. A special modification of psychological methods has been used in empirical research. Two groups

of subject in dependence of their aggressive motivation have been compared. It was proved that aggressive motivation significantly distorts the results of thinking and memorizing. The degree of such a distortion depends of aggressive motivation level. It was also discovered that thinking processes are mostly dependent on aggression than memory.

Key words: *aggressiveness, intellectual activity, mnemonic activity affektogeny material, the phenomenon of selective distortion.*

Проблема влияния отдельных свойств личности, особенно таких выразительных, как агрессивность и тревожность, и соответствующей им мотивации на стратегические и продуктивные особенности мыслительной деятельности до сих пор сохраняет свою актуальность. При этом исследования позитивных в отношении мышления личностных свойств — оригинальности, креативности, чувствительности к новому, эмоциональной яркости — идут весьма активно.

Понятия «агрессия» и «агрессивность» охватывают весьма широкий круг переживаний, поведенческих явлений и мотиваций (Berkowitz, 1981; Ениколопов, 1979; Лоренц, 1994; Змановская, 2006; Щербинина, 2006; Семенюк, 1991), что заставляет выбрать для исследования именно тот аспект, который гипотетически является наиболее активным в отношении именно мыслительной деятельности, деятельности по решению интеллектуальных задач. Определяя понятие агрессии, исследователи подчеркивают следующие моменты:

- результатом агрессии является вред, ущерб, физический или психоло-

гический, наносимый себе или другим (Buss, 1961);

- агрессия предполагает более или менее осознанное, явное или скрытое, намерение нанести вред (Berkowitz, 1981; Bandura, 1983);

- агрессия является мотивированным действием, готовность к совершению таких действий относится к числу достаточно устойчивых качеств личности и определяется особенностями ее мотивации (Хекхаузен, 1986; Feshbach, 1970; McClelland et al., 1953);

- существует связь между агрессивностью и когнитивными процессами, касающаяся прежде всего механизмов определения степени угрозы (в том числе интерпретации событий и действий других людей) (Berkowitz, 1983; Zillman, 1988).

Под агрессивностью понимают свойство личности, характеризующееся готовностью к совершению агрессивных действий, наличием деструктивных диспозиций, проявляющихся в виде побуждений, намерений, установок, а также способов реализации агрессивного поведения. Идея о влиянии агрессивности на познавательные процессы была высказана Зилльманом (Zillmann, 1988, 1990). Он предположил, что при высоком уровне агрессивного побуждения происходит дезинтеграция когнитивных процессов, снижающая адекватность когнитивных оценок ситуации, особенно тех, которые могут воспрепятствовать развертыванию агрессии в поведении. В случае незначительного уровня агрессивного импульса эти контролирующие когниции сохраняются, препятствуя проявлению агрессивности (Бэррон, Ричардсон, 1999).

Эти данные соотносятся с выводами Мак-Клелланда (Рейковский, 1979), подтвердившими избирательное влияние эмоциональных переживаний на содержание и динамику интеллектуальных процессов, в том числе мышления. По его мнению, сильные эмоции способствуют активизации в мышлении содержаний, аффективно связанных с их руслом. Так, агрессивные эмоции наполняют мысль подозрением и агрессией, а тревожные — угрозой и страхами. Даже принимая во внимание факт непрямого влияния, символических искажений хода мышления, все же следует признать возможность значительной деформации мышления в связи с доминирующими эмоционально-смысловыми диспозициями, к числу которых относится и агрессивность.

Сложный, очевидно не прямой, характер влияния агрессивности как личностного свойства, а также актуального уровня агрессии, на интеллектуальную деятельность придает значимость задаче исследования конкретных форм и факторов такого воздействия.

Эмпирическое исследование

Цель работы — выявление наличия и характера искажений в мыслительной деятельности у лиц с различным уровнем мотивации агрессии. Мы предполагали в качестве *гипотезы*, что у лиц с высоким уровнем агрессивности будут наблюдаться не только более частые, но и более грубые, деструктурирующие формы изменения хода и результата мышления.

В исследовании приняли участие 30 испытуемых мужского пола в возрасте от 22 до 30 лет, все они имеют высшее образование. Большинство испытуемых проходили исследование в рамках те-

стирования на пригодность к служебной деятельности. Все участники исследования прошли специализированную психофизиологическую экспертизу по критерию нервно-психического здоровья.

Процедура исследования. Все испытуемые были разделены на группы по уровню выраженности агрессивности, измеряемой с помощью методики А. Басса и А. Дарки (Альманах, 1995) «Диагностика показателей склонности и форм агрессии». Для исследования показателей мыслительной деятельности применялись следующие методики: модифицированная методика «Толкование пословиц» (Беломестнова, 2003; Арестова, 2006), модифицированная методика «Пиктограмма» (Херсонский, 2000; Арестова, 2007), методика «Исключение четвертого лишнего» (Лурия, 1998).

Выбранные методики презентуют основные аспекты мыслительной деятельности, охватывая различные свойства мышления — селективность, структурированность мышления, доступный субъекту уровень обобщения, понимание переносного смысла, метафоры, сформированность операциональных основ мысли, включенность мышления в различные психические процессы иной функциональной направленности.

Так, методика «Толкования пословиц» традиционно применяется для исследования доступных субъекту уровней обобщения. Однако исследование диагностических возможностей метода показало его пригодность для диагностики подверженности мышления аффективному влиянию, то есть продемонстрировало своеобразную проективность этого метода. Соответственно этому методика может быть модифицирована путем под-

Таблица 1

**Список пословиц для методики «Толкование пословиц»
(выделены аффектогенные стимулы)**

1	Баба с возу, кобыле легче
2	Лес рубят, щепки летят
3	Яблочко от яблоньки недалеко падает
4	Око за око, зуб за зуб
5	В тихом омуте черти водятся
6	Взялся за гуж, не говори, что не дюж
7	Бей своих, чтобы чужие боялись
8	Встречают по одежке, провожают по уму
9	Горбатого могила исправит
10	На всякого мудреца довольно простоты

бора пословиц, обращенных к разным по эмоционально-мотивационной напряженности смысловым сферам субъекта. Следовательно, можно обнаружить нейтральные для данного субъекта и аффектогенные пословицы. Пословица может расходиться или согласовываться с тем, что значимо для человека, что для него важно и имеет смысл, может затронуть зоны смыслового конфликта, а это, в свою очередь, должно привести к избирательному искажению в толковании. Методика «Пиктограмма» традиционно применяется для исследования опосредствованной памяти, однако именно этот процесс основан на функциональной связи мышления и запоминания. В то же время не менее интересно в методике презентуется и обратный запоминанию процесс — забывание. В исследованиях Арестовой (Арестова, 2007) указан неслучайный характер забывания и искаженного воспроизведения, его связь с актуальным для личности мотивационным конфликтом. Применяя соответствующие модификации, варьируя стимульный материал, можно

выявить степень искажающего влияния аффективных переживаний, связанных с этим конфликтом, на память и мыслительные процессы.

Испытуемому предъявлялся специальный набор стимулов как в методике «Пиктограмма», так и в методике «Толкование пословиц». Одни из стимулов были по смыслу связанными с тематикой агрессии, другие были нейтральными. Стимулы были предъявлены в смешанном порядке (табл. 1).

Отметим условный характер деления пословиц на нейтральные и аффектогенные, а также не прямой, косвенный характер некоторых из стимулов, что делалось для выявления более грубых искажений, возможно, захватывающих и нейтральный материал.

Список стимулов для запоминания в методике «Пиктограмма»: *Острый конфликт, Горькая обида, Строгий контроль, Жестокое наказание, Несправедливый руководитель, Неудобное расписание, Верный друг, Радостное событие, справедливость, Длинная очередь, Ветреная погода, Богатство*. В данном случае так-

Таблица 2

Результаты методики «Толкование пословиц»

Смысловые искажения в толковании пословиц (в процентах к общему числу стимулов усреднено по каждой группе испытуемых)	Среднеагрессивные испытуемые	Высокоагрессивные испытуемые
«Нейтральные» пословицы	71	75
Аффектогенные пословицы	85	88

же выделены предположительные стимулы, могущие провоцировать агрессивное отношение. Еще раз подчеркнем условность такого деления, например, стимул Длинная очередь может быть и провокативным. Стимулы предъявлялись в смешанном порядке, чередовались аффектогенные и нейтральные.

Методика «Исключения четвертого лишнего» применялась в сокращенном варианте, было выбрано 4 таблицы в специальном исполнении, некоторые стимулы (заостренные открытые ножи, острый конец зонтика) самим характером изображения подчеркивали угрожающий характер предмета. Данная методика наиболее точно диагностирует способности к обобщению и абстрагированию, умение выделять существенные признаки. Из нарисованных на каждой карточке четырех предметов испытуемый должен исключить один предмет, а остальные объединить в группу. Кроме того, он должен объяснить свой выбор.

Результаты исследования и их об- суждение. По результатам опросника

Басса и Дарки испытуемые были разделены на группы. Их оказалось только две — испытуемые со средним уровнем агрессивности (17 чел.) и испытуемые с высоким уровнем агрессивности (13 чел.). Низкоагрессивных испытуемых в нашей выборке обнаружено не было.

Результаты по методике «Толкование пословиц» сопоставлялись отдельно для нейтральных и аффектогенных стимулов. При обработке данных использовались показатели смысловых искажений, представленные в работе О.Н. Арестовой (Арестова, 2006).

Различия между группами средне- и высокоагрессивных испытуемых не имеют статистической значимости, зато различия в толкованиях нейтральных и аффектогенных для испытуемых с высоким уровнем агрессивности оказываются значимыми для всей группы испытуемых ($t = 2,27$; $a = 0,005$).

При обработке данных методики «Пиктограмма» раздельно для двух групп испытуемых получены следующие результаты.

Таблица 3

Количество ошибок воспроизведения стимулов для двух групп испытуемых

Количество ошибок (средние значения по каждой группе испытуемых)	Среднеагрессивные испытуемые	Высокоагрессивные испытуемые
Нейтральные стимулы	2,75	3,54
Аффектогенные стимулы	3,50	3,56

Таблица 4

**Количество испытуемых, допустивших ошибки
в методике «Исключение четвертого лишнего» по 4 таблицам отдельно**

	Количество испытуемых, допустивших ошибки (% к общему кол-ву испытуемых]	
	Среднеагрессивные испытуемые	Высокоагрессивные испытуемые
Часы-часы-часы-монета	1/17 = 5,9 %	0 %
Наперсток-нитки-ножницы-трубка*	2/17 = 11,8 %	4/13 = 30,8 %
фуражка-пистолет-зонт-барабан*	3/17 = 17,4 %	7/13 = 53,8 %
Часы-весы-очки-термометр	4/17 = 23,5 %	4/13 = 30,8 %

* Разница значима, $\alpha = 0,01$

Полученные данные показывают, что имеются статистически значимые различия между группами в показателях воспроизведения нейтральных стимулов ($t = 2,41$; $\alpha = 0,002$). Кроме того, получилось расщепление данных по группам — для среднеагрессивных испытуемых различие в эффективности воспроизведения нейтральных и аффектогенных стимулов оказалось значимым, а для высокоагрессивных — и те, и другие стимулы искажались одинаково и притом весьма часто — почти в каждом втором случае ($t = 2,48$; $\alpha = 0,002$).

Средние значения искажений по методике в целом для среднеагрессивных испытуемых — 2,5, для высокоагрессивных испытуемых — 3,75, разница значима $\alpha = 0,01$.

Приведенные результаты в отношении толкования пословиц дают основания полагать, что повышенный уровень агрессивности испытуемых накладывает отпечаток на их способность к адекватному объяснению переносного смысла высказываний. Можно предположить, что природа данных искажений находится не столько в области интеллектуальных способностей испытуемых, сколько

в воздействии их агрессивных установок на процесс мышления в целом.

В эксперименте это проявилось в виде большего количества верных (стандартных, общепринятых) толкований нейтральных пословиц при искаженном понимании зондовых. Лицам с повышенным уровнем агрессии в большей степени было свойственно искаженно истолковывать не только зондовые, но нейтральные пословицы, что говорит о генерализации, «разлитии» агрессивных установок, приводящем к искаженному пониманию нейтрального и даже позитивного материала — действия, высказывания.

Следует отметить, что в группе высокоагрессивных испытуемых появляются открыто агрессивные толкования, не свойственные группе со средним уровнем агрессивности. Основным видом искажений в обеих группах является смысловое искажение, при котором изменяется не способ толкования пословицы, а подтекст. Наиболее впечатляющий вариант при этом — зеркальное извращение смысла, подмена смысла пословицы на прямо противоположный (Арестова, 2006).

Для значительной части испытуемых была также характерна формализация, упрощение смысла пословицы, что проявлялось в обеих группах.

Сравнительно небольшое количественное различие между данными двух групп, на наш взгляд, следует объяснить особенностями выборки испытуемых. Они состоят в целом в довольно значительном уровне агрессивности, предполагаемым характером служебной деятельности, а также применяемыми критериями профотбора. Как следствие, выборка получилась более однородной, чем это необходимо для качественного исследования влияния агрессивности, зато она презентабельна с позиции исследования конкретного вида служебной деятельности.

Анализ результатов выполнения методики «Пиктограмма» дает сходную картину. Основным результатом является тот факт, что при достаточно хороших мнемических способностях (выявляется в результате отборочного психо-физиологического исследования) у испытуемых возникает необъяснимое с точки зрения особенностей собственно памяти нарушение воспроизведения, особенно явственное при запоминании зондовых стимулов. Отдельным испытуемым удалось воспроизвести словосочетания с минимальным количеством ошибок и искажений, хотя результаты других методик, в частности «Толкование пословиц», указывают на высокий уровень искажения материала. Этот результат говорит о неоднородности влияния высокого уровня агрессивности на различные познавательные процессы — можно предположить, что память менее подвержена влиянию агрессивных тенден-

ций, чем, например, понятийное мышление.

Проиллюстрируем этот тезис на примере испытуемого В. из группы среднеагрессивных испытуемых. В методике «Пиктограмма» испытуемый не допустил ни одной ошибки, но в методике «Толковании пословиц», помимо смысловых искажений, у него присутствовали и агрессивные толкования, что в целом не было свойственно испытуемому со средним уровнем агрессии. Пословица «Баба с возу — кобыле легче» толковалась следующим образом: «Меньше людей — меньше проблем. Проще без женщин», а пословица «Бей своих, чтоб чужие боялись» как «если хочешь достичь результата, действуй активно и агрессивно».

Анализ рисунков для методики «Пиктограмма», выполненных испытуемыми двух групп, показывает, что в группе высокоагрессивных испытуемых более характерными являются рисунки, выполненные со значительным нажимом, избыточные штриховками и зачеркиваниями, а также изображение аффективно насыщенных ситуаций. Довольно часто наблюдаются и отказы выполнить рисунок. Также высокоагрессивные испытуемые чаще демонстрируют случаи полного забывания стимула, что нехарактерно для среднеагрессивных испытуемых.

Особый интерес представляют данные по методике «Исключение четвертого лишнего». Традиционно она используется для исследования доступных испытуемому уровней обобщения, однако наши результаты показывают, что этот фактор не является единственно формирующим результаты. Напомним, что в исследовании использовались наме-

ренно агрессивные формы изображения — заостренные открытые ножницы, зонт с острым концом, пистолет. С этой точки зрения наиболее провокативными являются таблицы 2 и 3, включающие в себя эти изображения. Оказалось, что испытуемые при прохождении этой методики демонстрируют абсолютно не соответствующие их общему интеллектуальному уровню искажения, продиктованные характером изображения. Так, наиболее искажаемой оказалась таблица 3 (фуражка-пистолет-зонт-барабан). Вот примеры таких ответов, характерных как для средне-, так и для высоко-агрессивной группы:

- пистолет, так как остальные — игрушки и бытовые вещи;

- пистолет, так как все остальные предметы имеют окружности (на ремарку экспериментатора, что пистолет имеет круглое отверстие — дуло — респондент отвечает: «это не совсем так»). Напомним, что респонденты имели опыт военной службы, а некоторые и боевых действий;

- фуражка, так как остальными предметами можно нанести вред. Например, ткнуть в глаза барабанными палочками;

- пистолет, так как его можно спрятать в карман, в отличие от остальных предметов.

Полученные ответы указывают на глубокий, активно неосознаваемый характер воздействующих на мышление испытуемых агрессивных тенденций. Полученные результаты могут произвести глубокое впечатление на наблюдателя, если их рассматривать изолированно, и их присутствие на фоне в целом весьма продуктивной мыслительной и мнемической деятельности вызывает удивление.

Результаты, с одной стороны, говорят о тотальности влияния агрессивности на различные виды познавательной деятельности, с другой — можно утверждать о неоднородности этого влияния на память, понятийное мышление, конкретные виды и формы обобщающей деятельности. Кроме того, степень выраженности агрессивных тенденций также определяет масштаб искажающих влияний по отношению к познавательным процессам. Так, повышение уровня агрессивности приводит к более глубоким и значительным, а также к более разлитым в отношении различных видов психической деятельности воздействиям.

Выводы

1. Агрессивность оказывает существенное влияние на мыслительную и мнемическую деятельность, обуславливая особенности ее протекания, о чем свидетельствует более выраженное искажение аффектогенного материала в группе лиц с повышенной агрессивностью.

2. Характер искажающего влияния агрессивных тенденций на познавательные процессы в целом идентичен для лиц со средней и высокой степенью агрессивности, однако степень этого искажения находится в прямой зависимости от уровня агрессивности.

3. Процессы понятийного мышления более подвержены искажающему влиянию агрессивных тенденций, чем мнемические процессы.

4. Содержание наблюдаемых в исследовании искажений связано по смыслу с темой угрозы, враждебности, служат субъективным обоснованием собственной высокой агрессивности испытуемого.

Литература

1. Альманах психологических тестов. — М.: Изд-во КСП, 1995.
2. Арестова О.Н. Аффективные искажения в понимании пословиц // Вопр. психол. — 2006. — № 1. — С. 83-93.
3. Арестова О.Н. Диагностика мотивационного конфликта личности с помощью метода пиктограмм // Вопр. психол. — 2007. — № 2. — С. 65-74.
4. Беломестнова Н.В. Клиническая диагностика интеллекта: психометрическая и клинико-психологическая оценка уровня развития интеллекта в клинической и судебно-психологической экспертной практике. — СПб.: Речь, 2003.
5. Бойко И.Б. Проявление агрессивности несовершеннолетних осужденных женского пола // Вопр. психол. — 1993. — № 4. — С. 33-45.
6. Бэррон Р., Ричардсон Д. Агрессия. — СПб.: Питер-Пресс, 1997.
7. Ениколопов С.Н. Некоторые результаты исследования агрессии // Личность преступника как объект психологического исследования: сб. тр. — М.: Изд-во ВНИИ по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1979. — С. 100-119.
8. Змановская Е.В. Девиантология: психология отклоняющегося поведения. — М.: Академия, 2006.
9. Лоренц К. Агрессия: так называемое зло. — М., 1994.
10. Лурия А.Р. Язык и сознание. — Ростов н/Д: Феникс, 1998.
11. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. — М.: Прогресс, 1979.
12. Семенюк М. Психологическая сущность агрессивности и ее проявление у детей подросткового возраста. — М.: АПН, 1991.
13. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. — М.: Педагогика, 1986. — т. 1.
14. Херсонский Б.Г. Метод пиктограмм в психодиагностике. — СПб.: Сенсор, 2000.
15. Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия. — М.: URSS, 2006.
16. Berkowitz L. The concept of aggression // Brain P., Nenton D. (eds.) Multidisciplinary approaches to aggression research. — Amsterdam: North Holland biometrical press, 1981. — p. 3-15.
17. Berkowitz L. The experience of anger as a parallel process in the display of impulsive «angry» aggression // Geen R., Donnerstein E. (eds.) Aggression: Theoretical & Empirical Research. — Orlando: FL, Academic Press, 1983. — vol. 1. — p. 103-133.
18. Buss A.H. The psychology of Aggression. — NY: Wiley, 1961.
19. Buros R.A. The control of human aggression: an optimistic overview // Journal of Social & Clinical Psychology. — 1983. — № 1. — p. 97-119.
20. Feshbach S. Aggression // Mussen P. (eds.) Carmichael manual of child psychology. — NY: Wiley, 1970. — p. 159-259.
21. Zillman D. Cognitive-excitation interdependences in aggressive behaviour // Aggressive behaviour. — 1988. — № 14. — p. 51-64.
22. Zillman D. The interplay of cognition and excitation in aggravated conflict among intimates // Cahn D.D. (eds.) Intimates in conflict: A communication perspective. — HILLSDALE, NJ, 1990. — p. 187-208.

УПРАВЛЕНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТОЙ СТУДЕНТОВ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЗАОЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

С. В. Белобородова

Аннотация: в статье обоснована необходимость разработки технологии самостоятельной учебной работы студентов заочной формы обучения, обеспечивающей достаточное качество обучения как с субъективной точки зрения студента, так и с точки зрения объективных показателей. Доказана эффективность введения модульной технологии управления самостоятельной работой студентов с применением дистанционных форм обучения.

Ключевые слова: парадигма, модульный принцип, учебный процесс, самостоятельная работа студентов, заочная форма обучения, педагогическая

Литература

1. Альманах психологических тестов. — М.: Изд-во КСП, 1995.
2. Арестова О.Н. Аффективные искажения в понимании пословиц // Вопр. психол. — 2006. — № 1. — С. 83-93.
3. Арестова О.Н. Диагностика мотивационного конфликта личности с помощью метода пиктограмм // Вопр. психол. — 2007. — № 2. — С. 65-74.
4. Беломестнова Н.В. Клиническая диагностика интеллекта: психометрическая и клинико-психологическая оценка уровня развития интеллекта в клинической и судебно-психологической экспертной практике. — СПб.: Речь, 2003.
5. Бойко И.Б. Проявление агрессивности несовершеннолетних осужденных женского пола // Вопр. психол. — 1993. — № 4. — С. 33-45.
6. Бэррон Р., Ричардсон Д. Агрессия. — СПб.: Питер-Пресс, 1997.
7. Ениколопов С.Н. Некоторые результаты исследования агрессии // Личность преступника как объект психологического исследования: сб. тр. — М.: Изд-во ВНИИ по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1979. — С. 100-119.
8. Змановская Е.В. Девиантология: психология отклоняющегося поведения. — М.: Академия, 2006.
9. Лоренц К. Агрессия: так называемое зло. — М., 1994.
10. Лурия А.Р. Язык и сознание. — Ростов н/Д: Феникс, 1998.
11. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. — М.: Прогресс, 1979.
12. Семенюк М. Психологическая сущность агрессивности и ее проявление у детей подросткового возраста. — М.: АПН, 1991.
13. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. — М.: Педагогика, 1986. — т. 1.
14. Херсонский Б.Г. Метод пиктограмм в психодиагностике. — СПб.: Сенсор, 2000.
15. Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия. — М.: URSS, 2006.
16. Berkowitz L. The concept of aggression // Brain P., Nenton D. (eds.) Multidisciplinary approaches to aggression research. — Amsterdam: North Holland biometrical press, 1981. — p. 3-15.
17. Berkowitz L. The experience of anger as a parallel process in the display of impulsive «angry» aggression // Geen R., Donnerstein E. (eds.) Aggression: Theoretical & Empirical Research. — Orlando: FL, Academic Press, 1983. — vol. 1. — p. 103-133.
18. Buss A.H. The psychology of Aggression. — NY: Wiley, 1961.
19. Buros R.A. The control of human aggression: an optimistic overview // Journal of Social & Clinical Pshychology. — 1983. — № 1. — p. 97-119.
20. Feshbach S. Aggression // Mussen P. (eds.) Carmichael manual of child psychology. — NY: Wiley, 1970. — p. 159-259.
21. Zillman D. Cognitive-excitation interdependences in aggressive behaviour // Aggressive behaviour. — 1988. — № 14. — p. 51-64.
22. Zillman D. The interplay of cognition and excitation in aggravated conflict among intimates // Cahn D.D. (eds.) Intimates in conflict: A communication perspective. — HILLSDALE, NJ, 1990. — p. 187-208.

УПРАВЛЕНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТОЙ СТУДЕНТОВ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЗАОЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

С. В. Белобородова

Аннотация: в статье обоснована необходимость разработки технологии самостоятельной учебной работы студентов заочной формы обучения, обеспечивающей достаточное качество обучения как с субъективной точки зрения студента, так и с точки зрения объективных показателей. Доказана эффектив-

ность введения модульной технологии управления самостоятельной работой студентов с применением дистанционных форм обучения.

Ключевые слова: парадигма, модульный принцип, учебный процесс, самостоятельная работа студентов, заочная форма обучения, педагогическая

технология, образовательные ресурсы, дистанционное обучение, учебная деятельность.

The summary: *in the article the necessity of development of technology of independent educational work of external students is discussed. This technology provides sufficient quality of education, both from the subjective point of view of a student and from the objective point of view. It is shown in the article that introduction of module technology of management of independent work of students with the use of e-learning is rather effective.*

Key words: *paradigm, module principle, educational process, independent work of students, extra-mural education, pedagogical technology, educational resources, e-learning, educational activity.*

Основная задача высшей школы состоит в том, чтобы создать такую систему обучения, которая бы обеспечивала образовательные потребности каждого студента в соответствии с его склонностями, интересами и возможностями. Для этого необходимо кардинально поменять парадигму студента и преподавателя в учебном процессе, то есть обучение должно строиться таким образом, чтобы обеспечивать как объективное, так и субъективное качество образования. При этом студент должен учиться сам, а преподаватель — осуществлять мотивационное управление его учением: создавать мотивацию, организовывать, консультировать, контролировать, обеспечивать субъективную и объективную готовность студента к обучению. Для решения этой задачи требуется такая педагогическая технология, которая обеспечила бы студенту развитие его самостоятельности, умений осуществлять са-

моуправление учебно-познавательной деятельностью.

В основу организации труда при заочном обучении нами был положен модульный принцип, предполагающий разделение учебной дисциплины на логически замкнутые блоки, называемые модулями, в рамках которых проходит как изучение нового материала, так и контрольные мероприятия по проверке его усвоения. При этом основными информационными образовательными ресурсами, обеспечивающими каждый модуль изучаемых учебных дисциплин, являются учебно-методические комплексы.

На установочном этапе эксперимента студенты заочного отделения были разделены на два потока — контрольный и экспериментальный: контрольный поток (137 чел.) проходил обучение по типовой педагогической технологии, экспериментальный (129 чел.) — по разрабатываемой нами педагогической технологии управления самостоятельной работой.

На диагностическом этапе было установлено, что при использовании нашей модели организации самостоятельной работы студентов заочной формы обучения определяющую роль играет преподаватель, с которым студент имеет непрерывающуюся дистанционную связь в течение всего семестра.

Выделены три центральных аспекта в деятельности преподавателя: проектирование учебной деятельности; информационное обеспечение учебной деятельности; управление учебной деятельностью.

Было определено, что планирование учебной деятельности необходимо начинать не с определения того, что будущий специалист должен знать, а с анализа

деятельности данных специалистов. С этих позиций важно понять, что в структуре профессиональной подготовки существуют различные типы знаний (производственные, технологические, технические, естественнонаучные, гуманитарные). Однако, несмотря на их разнокачественность, все они соотносимы друг с другом (на метасистемной основе) и образуют единую иерархическую систему знаний, которую необходимо рассматривать в таком контексте, что все они являются равноуровневыми моделями одних и тех же объектов, одних и тех же процессов жизнедеятельности и сфер жизни.

У студентов был установлен низкий уровень как усвоения изучаемого материала, так и их профессиональной подготовки. Изучение мнения студентов о своей учебной работе также дало неутешительный показатель. Высокие показатели личностной тревожности оказывают негативное влияние на успешность профессиональной деятельности. В экспериментальном потоке высокий уровень тревожности был у 34 % студентов, что приводило не только к снижению познавательной активности и успешности усвоения знаний, но и к другим негативным проявлениям личности.

В процессе теоретического исследования было установлено, что управление самостоятельной работой студентов требует особого, синтетического подхода, практически воплощенного в особой педагогической технологии управления самостоятельной учебной работой студентов заочной формы обучения. Мы взяли за основу технологию модульного обучения, ориентированную на создание специальных программ, имеющих четко заданные цели, организационно-

методическое обеспечение и оптимизирующих процесс обучения по определенному набору показателей. При этом мы внесли в технологию методы дистанционного обучения.

Изучив практический опыт вузов с дистанционной формой обучения, мы пришли к выводу, что адаптация системы образования к процессу диалогизации и дистанциализации предполагает: во-первых, изменение роли преподавателя и методиста, которые должны уметь работать с информацией, имея свободу выбора методов преподавания; во-вторых, реорганизацию процесса профессиональной сертификации выпускников (в первую очередь должны учитываться не только когнитивные, но и другие профессиональные навыки, в частности умение работать в команде); в-третьих, преобразование каждой формы образования (и урочной, и самостоятельной).

Разработанная нами технология информационного обеспечения основывается на требовании оптимальности: методист отвечает за доставку информации, без которой нельзя организовать самостоятельную работу студентов. Именно технические средства доставки информации вместе с передаваемыми дидактическими материалами составляют инструментальную поддержку нашей технологии.

Для управления организацией учебной деятельности студентов заочной формы обучения предложена технологическая модель:

1 этап—диагностика состояния знаний студента на первом этапе обучения. Методист в ходе этого этапа создает специальные карточки на данную дисциплину по образцу (рис. 1);

Начальная диагностика	1 блок – теоретический Отражен	1-ая Конт. работа Отправлена	Фамилия, имя, сведения о месте службы (работы) и проживания студента, телефон, электр. адрес
_____	_____	_____	
_____	_____	_____	

Замечания преподавателя: подгруппа (1-я, 2-я, 3-я); цель работы

Рис. 1. Примерный образец карточки по каждой дисциплине

2 этап — создание учебного материала и его деление на блоки (стандартный блок выражает объем знаний и умений, предназначен для изучения в течение 45 академических часов и является зачетной единицей; каждый учебный блок должен быть принесен методисту в электронном виде и содержать учебный материал, содержащий базовый понятийный аппарат);

3 этап — формирование цели изучения данной дисциплины (эти цели заносятся в карточки — туда, где отведено место для замечаний);

4 этап — выполнение учебных заданий по материалу, разбитому на блоки;

5 этап — первая часть контроля: студент, выполнив задания (ответы на вопросы, тесты, контрольную работу) отправляет свою работу по электронной почте методисту, который суммирует работы в блоки по 10 работ и передает их преподавателю, проверяющему их также в электронном виде, далее методист отправляет по электронной почте прове-

ренную работу назад, студенту, и тот исправляет замечания;

6 этап — вторая часть контроля: студент, исправив замечания, вновь отправляет их по электронной почте методисту для передачи преподавателю, при этом в карточку студента заносятся оценки и замечания, а также предварительное резюме преподавателя о степени изученности материала;

7 этап — подготовка к сдаче зачета, экзамена: студент получает по электронной почте вопросы, если у него их нет (это отмечено в карточке), и, работая по ним, имеет возможность задать преподавателю вопросы, если что-либо непонятно (по электронной почте через методиста);

8 этап — сдача зачета, экзамена: преподаватель имеет возможность, заглянув в карточку студента и в свой компьютер (или в компьютер методиста), получить полную картину самостоятельной работы студента в течение семестра. Оценка приобретает реальный характер.

Таблица 1

Результаты исследования направленности личности студентов

Содержание фактора	Контрольный поток	Экспериментальный поток
Направленность на себя: человек описывает себя как человека, ожидающего прямое вознаграждение и удовлетворение безотносительно работы, которую выполняет, или безотносительно людей, с которыми работает; такой человек властен, интроспективен и не реагирует на потребности окружающих его людей, их дела и интересы для него вторичны	42 %	5 %
Направленность на диалоговое взаимодействие: человек старается поддерживать хорошие отношения с людьми, но лишь «на поверхности», что часто препятствует выполнению конкретных заданий или оказанию настоящей, искренней помощи людям; он проявляет большой интерес, когда речь идет о коллективной деятельности, но по сути дела сам не вносит никакого вклада в осуществление трудовых заданий, результаты работы отходят для него на второй план, что делает таких работников малопродуктивными	47 %	8 %
Направленность на задание - отражает интенсивность, с которой человек выполняет задания, решает проблемы, и в какой мере он заинтересован выполнять свою работу как можно лучше. Несмотря на свои личные интересы, такой человек будет охотно сотрудничать с коллективом, если это повысит продуктивность группы	11 %	87 %

Работа, организованная по этим этапам, — самостоятельная работа с использованием методов дистанционного обучения — не только тренирует студента в приобретении навыков и умений по дисциплине, но и расширяет его знания в области их практического применения.

Чтобы убедиться в том, что студенты будут активно работать и смогут успешно освоить введение в организацию их самостоятельной работы на основе метасистемного подхода и методов дистанционного обучения, мы должны были удостовериться в наличии у них направленности — установки на задание, формирующейся на основе нравственного эмоционально-чувственного и интеллектуального потенциала, и готовности —

настрою на диалогическое взаимодействие.

В ходе эксперимента мы исследовали направленность личности студентов контрольного и экспериментального потоков по методике В.А. Сониной [3]:

Доказано, что направленность на задание есть специфическая установка — профессионально важное качество личности, которое активно формируется в ходе реализации данной педагогической технологии. Направленность же исключительно на себя — качество, мешающее профессиональному становлению, и таких студентов в контрольном потоке оказалось много — почти половина! Это подтверждает необходимость по-новому организовывать самостоятельную работу студентов.

Таблица 2

Компоненты и основные показатели	Низкий уровень (до начала эксперимента)	Средний уровень (в середине эксперимента)	Высокий уровень (после эксперимента)
Мотивационно-целевой	Интерес к изучаемой дисциплине слабый, перспективные цели не осознаны, выполнение заданий не регулярное. Выраженная направленность на себя	Интерес к изучаемой дисциплине стабильный. Перспективные цели изучения вполне осознаны, выполнение заданий не всегда качественное, но регулярное. Интерес к проблемным задачам и самостоятельному поиску ответов. Периодически выражающаяся направленность на задание	Повышенный интерес к изучаемой дисциплине: проявление самостоятельности мышления, задавание преподавателю вопросов по существу изучаемого материала, инициатива в выполнении сложных, проблемных заданий. Ярко выраженная направленность на задание
Интеллектуально-содержательный	Явно выраженное отсутствие интереса к практическому применению изучаемого материала. Заучивание ради оценки и отсутствия репрессивных мер	Наличие интереса к практическому применению отдельно взятых тем изучаемого материала. Периодическая инициатива в самостоятельном добывании материала из библиотеки и др. источников	Наличие ярко выраженного интереса к практическому применению всех тем изучаемого материала. Устойчивая инициатива в самостоятельном добывании материала из библиотеки и др. источников
Рефлексивно-оценочный	Наличие двух крайностей - завышенной или заниженной самооценки; слабое осознание своих способностей и возможностей. Отсутствие или слабое выражение направленности на взаимодействие	Способность к самооценке, к определению своих возможностей, целей и стремлений. Проявление направленности на взаимодействие	Достаточно развитая самооценка, целеполагание, представление о своем профессиональном «Я» и возможностях профессионального саморазвития. Ярко выраженная направленность на взаимодействие

На основе теории Л.А. Старовойткиной [4] были составлены уровни эффективности обучения студентов заочного отделения в ходе организации их самостоятельной работы по нашей технологии:

Оценивая значимость нашей технологии организации самостоятельной работы студентов заочного отделения, мы провели опрос, результаты которого представлены в таблице 3.

Понимание сущности, целей и задач обучения на высоком уровне на экспериментальном потоке студентов оказалось в 12 раз больше, чем на контрольном; на среднем — в 4,5; на низком — в 12

раз. Присутствие низкого уровня свидетельствует о том, что необходимо повышать мотивационно-целевой компонент обучения.

В знании основополагающих методов анализа учебного материала налицо преимущественное положение экспериментального потока: на высоком уровне в 22 раза больше студентов, чем на контрольном; на среднем — в 13, на низком — 97 % (!) против 39 % на экспериментальном потоке. Знание основополагающих методов анализа учебного материала необходимо при изучении всех дисциплин.

Таблица 3

**Уровень осведомленности студентов о своих познавательных возможностях
после предлагаемого курса**

№ п/п	Содержание знаний	Уровень знаний, %					
		Экспериментальный поток (n=175)			Контрольный поток (n=168)		
		Высо- кий	Сред- ний	Низкий	Высо- кий	Сред- ний	Низкий
1	Понимание метасистемной сущности изучаемого материала, целей и задач обучения	12	37	51	0	8	92
2	Знание основополагающих методологических оснований (метасистемной ориентировочной основы) и методов анализа учебного материала	22	39	39	0	3	97
3	Знание основных подходов (принципов, методов, алгоритмов) к решению проблемных (стандартных, нестандартных, исследовательских) задач	34	42	24	4	12	84
4	Понимание методологических оснований и характера (параллельное, уровневое) взаимодействия изучаемой дисциплины с другими дисциплинами	41	47	12	6	13	81

Задачи проблемного характера совсем не поддаются большинству (84 %) студентов контрольного потока, в противовес 24 % слабоуспевающих студентов на экспериментальном потоке, где на среднем уровне справляются с ними 42 % (почти половина обучающихся), а на контрольном потоке — только 24 % хорошо успевающих студентов. Также резко противопоставлены цифры высокого уровня: на экспериментальном потоке 34 % (более 1/3) студентов успешно справляются с проблемными задачами, а на контрольном потоке только 4 %, что почти в 9 раз меньше.

Не менее важно и понимание характера взаимодействия изучаемой дисциплины с другими дисциплинами. Наша технология помогла и здесь: на высоком

уровне оказалось 41 % студентов в экспериментальном потоке против 6 %(!) на контрольном; на среднем уровне — 47 % студентов против 13 % студентов из контрольного потока; огорчает 81 % обучающихся контрольного потока, которые вообще не понимают характер взаимосвязи изучаемой дисциплины с другими дисциплинами.

Опрос, проведенный в период обучения по нашей технологии, показал, что удовлетворены преподаванием на контрольном потоке 49 % студентов, а в конце курса — 83 %, в то же время 17 % остались неудовлетворенными, и объяснили это в основном тем, что трудно усвоить большой объем дисциплины, не дается анализ, плохо усваивается материал; в экспериментальной группе: до

Таблица 4
Установленная степень удовлетворенности студентов уровнем организации профессиональной подготовки при введении методов дистанционного обучения (в начале и в конце эксперимента)

Удовлетворены ли Вы уровнем Вашей профессиональной подготовки?		
	До эксперимента	После эксперимента
Да	11 %	78 %
Скорее «да», чем «нет»	33 %	12 %
Скорее «нет», чем «да»	32 %	10 %
Нет	24 %	0

эксперимента — 8 %, после — 91 % (динамика — в 11,5 раза!).

Контрольный замер знаний основополагающих методов анализа учебного материала показал, что в контрольной группе удовлетворяющий результат имеет неплохую динамику: до эксперимента — 61 %, после — 87 % (динамика — в 0,8 раза); в экспериментальной же группе: до эксперимента — 3 %, после — 82 % (динамика — в 27 раз!).

Установлено, что на экспериментальном потоке выросла динамика мотивационно-целевого компонента:

- до эксперимента — высокий уровень — 11 %, средний — 18, низкий — 71 %;

- в середине эксперимента — высокий уровень — 23 %, средний — 31, низкий — 46 %;

- в конце эксперимента — высокий уровень — 42 %, средний — 45, низкий — 3 %.

Выявлено, что за время эксперимента изменилась динамика отношений студентов к изучаемому материалу:

- в начале эксперимента на контрольном потоке $W = 0,22$, а на экспериментальном $W = 0,23$;

- в конце эксперимента на контрольном потоке $W = 0,25$, на экспериментальном потоке $W = 0,41$.

Анализ в количественном и качественном аспектах результатов исследования позволил сделать следующие выводы и организационно-методические рекомендации: развитием мыслительной и познавательной культуры студентов при самостоятельной учебной работе необходимо заниматься специально и целенаправленно; в результате целенаправленной работы по организации самостоятельной работы студентов на экспериментальном потоке уровень усвоения изученного материала имеют 29,7 % (в отличие от контрольного, где таких студентов лишь 9,5 %). Особенно заметны эти изменения на низком уровне: в контрольной группе — 66,9 %, в экспериментальной — лишь 23,6 %.

Изменилось также мнение студентов об учебной работе и уровне организации профессиональной подготовки.

Введение технологии позволяет снизить высокий уровень тревожности [2] слабо успевающих студентов, усугубляющий чувство неуверенности в себе, апатию к учебе. После проведения эксперимента высокий уровень тревожности был только у 12 % студентов, средний — 37, низкий — 51 %.

Выстраивая формирующий эксперимент, мы исходили из того, что учебный процесс (как и всякий реальный про-

цесс) имеет определенную динамику, последовательность развития, периоды, фазы, находящиеся в тех или иных связях, когда одни компоненты отражаются в других и через других, определенность одних выражает причины появления других и т. д. Все это при комплексном изучении позволяет находить как то, что достаточно определено, так и то, что требует выявления.

Условия среды вуза чрезвычайно важны для организации эксперимента. При планировании нашего эксперимента мы опирались на исследование Г.В. Акопова [1], который отмечает, что учебный процесс характеризуется определенной логической связностью и систематичностью, но причины и следствия в этих связях не равнозначны и зависят от изменяющихся условий. В одних случаях эти условия приводят к одним результатам, в других — к значительно отличным. В связи с этим важнейшим условием решения проблемы, связанной с установлением причин и следствий, выступает выяснение закономерностей данного явления или факта. В то же время отдельные законы и принципы обучения не могут глубоко и всесторонне раскрыть подлинной сущности явления и факта без рассмотрения их во взаимной связи и взаимном влиянии. Отдельные закономерности и принципы могут лишь помочь выделить определенные признаки, направление развития, фиксировать связи, формулировать эмпирические правила. Однако достаточно полный и глубокий анализ учебного процесса требует использования системы закономерностей и принципов в определенной последовательности и логической связи. Такой анализ требует также применения формальных доказательных методов обработки изу-

чаемых данных с использованием изменений и вероятностной оценки.

Результаты, полученные нами в ходе формирующего эксперимента, подтвердили тот факт, что разработанная технология организации самостоятельной учебной работы студента достаточно эффективна: повысилась не только успеваемость и качество выполнения работ, но и активность студентов, их ответственность за выполняемую работу, снизился уровень их тревожности, качественно изменилась мотивация обучения на заочном отделении.

При организации обучения необходимо строго держаться в рамках индивидуального подхода. В нашем эксперименте было показано, что главный ориентир — это готовность студента к обучению с точки зрения имеющихся у него первичных знаний. Доказано, что 25%-й уровень сформированности необходимых знаний, умений и навыков является критическим для освоения программы заочного обучения. Начиная с этого уровня, разработанная технология позволяет студенту развиваться с максимальным субъективным комфортом усвоения знаний, а также достигать успешных объективных результатов, что в целом повышает качество заочного обучения.

Литература

1. Аков Г.В. Учебный процесс в вузе. — М.: Педагогика, 1989. — 394 с.
2. Астахов Р.Л. Роль самообразования в образовательном процессе. — М.: МЭСИ, 2002. — 218 с.
3. Сонин В.А. Учитель как социальный тип личности. — Смоленск, Смолен. гос. ун-т, 2005. — 356 с.
4. Староверкина Л.А. Реализация технологий обучения в системе довузовского образования // Современные технологии повышения качества образовательного процесса в вузе: материалы науч.-метод. конф. (Элиста, 31 мая 2006 г.). — Элиста, 2006.

РОЛЬ ЭТНОИНТЕГРИРУЮЩИХ И ЭТНОДИФФЕРЕНЦИРУЮЩИХ ОБРАЗОВ ПРИРОДЫ В ПСИХОКОРРЕКЦИОННОЙ РАБОТЕ С ОСУЖДЕННЫМИ ЗА НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

А. П. Чулисова

Аннотация: восстановление этноинтегрирующих образов природы в процессе психологической коррекции личности осужденных за насильственные преступления обуславливает положительные изменения особенностей их эмоциональной, когнитивной, а также нравственной сфер. Напротив, использование этнодифференцирующих образов природы отрицательно влияет на динамику данных психологических особенностей личности осужденных.

Ключевые слова: криминальное поведение, этнофункциональная коррекция личности, этноинтегрирующие и этнодифференцирующие образы природы.

The summary: in this article is revealed that using of ethnointegrative images of nature during the process of psychological correction of persons convicted for violent crimes determines positive changes in emotional, cognitive and moral sphere of the person. On the contrary, using of ethnodifferential images of nature determines negative changes.

Key words: criminal behavior, ethno-functional correction, ethnodifferential and ethnointegrative images of nature.

Системный кризис современного этапа культурно-исторического развития России коснулся прежде всего нравственной основы социума. Разрушительные тенденции в нравственной сфере, системе социальных норм, пра-

вил, этических принципов, аморальное поведение, распространение ценностей криминальной субкультуры обуславливают аномию, рост криминализации общества [13, 20 и др.]. Как одно из опаснейших последствий сложившейся ситуации — рост не только количества насильственных преступлений, но и их рецидивов (за период с 2001 по 2009 год). В настоящий момент происходит увеличение рецидивов таких тяжких насильственных преступлений, как убийство, нанесение телесных повреждений различной степени тяжести, разбой и др. [17]. Статистические данные свидетельствуют о том, что применяемые в исправительных учреждениях ФСИН России методы воспитательной и психокоррекционной работы с осужденными за насильственные преступления недостаточно эффективны для вторичной профилактики преступного поведения. В связи с этим перед исследователями в области пенитенциарной психологии встает важнейшая задача поиска новых, более эффективных методов психокоррекционной работы с осужденными.

В пенитенциарной психокоррекции наиболее часто применяются методы когнитивно-поведенческой психотерапии, основанной на классической поведенческой теории, необихевиоризме, теории социального научения, когнитивном подходе, копинг-теории, нейропсихологии и т. д. [9, 15, 26 и др.]. Кроме

того, психологами УИС часто используются техники нейролингвистического программирования (в частности, транс-овое внушение), транзактный анализ, логотерапия, гештальт-терапия, арт-терапия и т. п. [18, 19, 24 и др.].

Однако указанные методы психокоррекции не учитывают негативное влияние на личность современной культурно-исторической специфики, которая выражается в этнокультурной «мозаичности», неоднородности ментальности общества [27, 30 и др.]. Последствием такого воздействия может являться, в частности, рост личностной тревоги, которая, как показывают многочисленные криминально-психологические исследования, представляет собой психологическую основу возникновения криминального поведения [2, 4, 6, 15 и др.]. Тревога, поведение личности в широком смысле обусловлены рядом взаимосвязанных причин: этнокультурной «мозаичностью» общества, следствием которой является «культуршок» [36, 38, 39 и др.], нарушением эмоциональной связи с родной природой [10, 25, 27 и др.], воздействием криминальной субкультуры [1, 23] и др. Речь идет о разнородных социальных, культурных, природно-климатических, конфессиональных и других факторах, системно не учитывающихся в исследовании их влияния на личность и психологической коррекции преступного поведения.

В связи с этим исторически актуальной для исследования и коррекции личности преступника является этнофункциональная парадигма в психологии [27], учитывающая системно, на единой методологической основе все перечисленные факторы, влияющие на личность и ее поведение.

В инструментальном плане актуальными и продуктивными представляются методы этнофункциональной коррекции, опирающиеся на регулятивный потенциал изменения этнической функции пространственных (на момент обследования) и онтогенетических характеристик образной сферы личности, в частности образов природы. Образная сфера является интегральной характеристикой личности [11]. Следовательно, характеристики образной сферы могут обуславливать особенности эмоциональной, когнитивной, нравственной и других сфер личности [5, 7, 11, 16 и др.].

Образы природы, как показано в этнофункциональных исследованиях, взаимосвязаны с особенностями различных сфер личности; при этом подчеркивается ведущая роль в развитии личности отношения к родной природе, взятого в системной взаимосвязи с культурными, антропологическими, религиозно-этическими характеристиками этносреды [27]. Важность отношения к образам природы для развития личности и ее поведения в целом отмечается во многих исследованиях [10, 21, 35 и др.]. Исследователи указывают также на то, что общение с объектами природы может обуславливать существенные «преобразования образа мира личности» [14], формирование нравственных качеств [32] и связано с формированием правовых норм [21].

Важнейшая психическая структура, регулирующая психические процессы, состояния, поведение личности, — это самоконтроль [22]. Одним из показателей самоконтроля является когнитивный контроль эмоциональной сферы. По данным исследования Д.В. Сочивко и В.М. Литвишкова [26], из 300 осужденных

у 216 (72 %) нарушен самоконтроль, что может способствовать росту неконтролируемой тревоги (вследствие нарушения когнитивного контроля эмоциональной сферы). Вместе с тем важнейшим регулятором поведения личности выступает отношение к моральным ценностям, составляющее ее нравственную сферу. Нравственная сфера личности, в частности, регулирует ее отношение к праву, что может обуславливать наличие или отсутствие противоправного поведения [3, 12]. Недостаточно сформированный в онтогенезе личности осужденных самоконтроль и, как следствие, эмоциональная незрелость, препятствуют полноценному усвоению моральных ценностей [8, 34 и др.].

На основании изложенного **целью** нашего **исследования** стало определение характера влияния этнофункциональной коррекции образной сферы (а именно образов природы) осужденных за насильственные преступления на особенности эмоциональной, когнитивной, а также нравственной сфер их личности.

В качестве **теоретико-методологической основы исследования** мы использовали концепцию возникновения преступного поведения [4], а также концепцию образной сферы человека [11]. Системный учет влияния различных факторов на особенности личности осужденных за насильственные преступления осуществлялся с позиций актуальной в современной культурно-исторической ситуации этнофункциональной парадигмы в психологии [27], опирающейся на психологическую категорию образа как «единицу психического» [33]. Данная парадигма основана на ряде методологических принципов:

принципе этнофункциональной системности, этнофункционального единства микро- и макрокосма, из которого следует принцип этнофункционального развития, и др.

Важным понятием этнофункциональной парадигмы является понятие этносреды, включающей в себя внутренне (биологические, психологические), внешние (ландшафтно-климатические (природные) социокультурные) и трансцендентные (Христос, духи природных стихий и т. д.) этнические признаки. Каждый элемент образной сферы личности — вторичный образ этносреды — наделен этнической функцией. Эта функция может принимать два значения: этноинтегрирующее, то есть объединяющее личность с родной этносредой, или этнодифференцирующее, разобщающее с ней. В процессе этнофункциональной коррекции личности осуществляется восстановление этноинтегрирующего содержания ее образной сферы.

На основании принципов этнофункционального развития и системности мы предполагали, что восстановление *этноинтегрирующих* образов природы в образной сфере осужденных за насильственные преступления может обуславливать *положительные* изменения особенностей эмоциональной, когнитивной, а также нравственной сфер их личности. Вместе с тем мы предполагали, что восстановление *этнодифференцирующих* образов природы может определять *отрицательные* изменения особенностей указанных сфер личности.

Методы исследования. В целом в исследовании сочетались применение номотетического и идиографического подходов, а также использовались следующие эмпирические методы: 1) для

диагностики пространственной и онтогенетической составляющих образной сферы личности испытуемых использовался метод структурированного этнофункционального интервью [27]; в процессе этого интервью выявлялось также отношение испытуемых к моральным ценностям на примере христианских заповедей (в России отношение к данным заповедям является неотъемлемой частью отношений к моральным ценностям, то есть важнейшим показателем нравственности, а отношение к Богу — основой морали, так как христианство представляет собой важнейшую составляющую русской культуры); 2) для определения склонности личности осужденных к совершению противоправных поступков (делинквентному поведению), являющейся важнейшим показателем нравственности, использовался Опросник склонности к отклоняющемуся поведению А.Н. Орла [15]; 3) для исследования особенностей эмоциональной и когнитивной сфер личности испытуемых применялся тест Роршаха [37]; 4) для восстановления этноинтегрирующего содержания образов природы в образной сфере личности осужденных за насильственные преступления в формирующем эксперименте (1) использовался метод этнофункциональной коррекции [27]. Для того чтобы дифференцировать влияние этноинтегрирующих образов природы от этнодифференцирующих, также проводился формирующий эксперимент (2), в котором осуществлялось восстановление этнодифференцирующих образов природы в образной сфере личности осужденных за насильственные преступления.

Математико-статистическая обработка эмпирических данных проводи-

лась с помощью χ^2 -критерия Пирсона.

Кроме того, идиографически описывались и анализировались психологические изменения, происходившие в процессе формирующего эксперимента (1) с конкретными испытуемыми.

В исследовании приняли участие 203 человека. Были обследованы 88 мужчин в возрасте от 20 до 25 лет, не привлекавшихся к уголовной ответственности, — курсанты Академии гражданской защиты МЧС РФ (*группа «законопослушные»*). В то же время проведено обследование 115 мужчин в возрасте от 20 до 33 лет, осужденных за тяжкие насильственные преступления, а именно за разбойные нападения, нанесение телесных повреждений различной степени тяжести, убийства, отбывающих наказание в исправительных учреждениях Саратовской области, а также СИЗО № 3 г. Москвы (*группа «осужденные»*).

Этничность обследуемых по самоопределению: 95 % — русские (остальные 5 % — представители бывших республик СССР). Все участники исследования родились и проживали первые 5 лет в средней полосе России и большинство из них (92,7 %) считали себя христианами (православными).

В первой части исследования (констатирующем эксперименте) выявлялась связь психологических особенностей личности осужденных за насильственные преступления с этнофункциональными характеристиками ее образной сферы (с помощью сравнения данных особенностей личности у законопослушных и осужденных). Результаты констатирующего эксперимента показывают, что такие особенности личности осужденных за насильственные преступления, как неконтролируе-

мая эмоциональность и тревога, эмоциональное торможение когнитивных процессов, отвержение христианских заповедей, связаны с возникновением природных и сказочных образов не ранее 5 лет, представлений о Боге, грехе и справедливости не ранее 9 лет, а также с предпочтением этнодифференцирующих образов животных, ландшафта, климата и антропологических типов лиц противоположного пола [29].

Во второй части исследования проводился формирующий эксперимент (1), в процессе которого осуществлялось восстановление этноинтегрирующих образов природы в образной сфере личности осужденных экспериментальной группы (1); также проводился формирующий эксперимент (2): восстановление этнодифференцирующих образов природы в образной сфере осужденных экспериментальной группы (2).

Этнофункциональная коррекция личности испытуемых экспериментальных групп проводилась в форме групповых занятий: осужденным предлагалось в состоянии мышечной релаксации представить (вспомнить или вообразить) образы родной или экзотической природы (животных, деревьев, природных ландшафтов). В процессе представления данных образов испытуемые переживали, осознавали и вербализовывали их эмоциональные, когнитивные и двигательные характеристики.

Мы полагали, что криминальная субкультура является этнодифференцирующей в любой этносреде (вряд ли преступники, осужденные за тяжкие насильственные преступления, в какой бы то ни было этносреде могут считаться в полной мере культурными людьми). Для того чтобы выявить характер влияния на

осужденных этнодифференцирующих образов криминальной субкультуры, распространенной в среде отбывания наказания, в формирующем эксперименте (1) фиксировались изменения этнофункциональных характеристик образной сферы, а также психологических особенностей личности испытуемых контрольной группы (в этой группе не проводились занятия по этнофункциональной коррекции личности). Следует отметить, что воздействию криминальной субкультуры подвергались испытуемые как контрольной, так и экспериментальных групп.

Результаты экспериментального исследования характера влияния восстановления этноинтегрирующих образов природы в образной сфере осужденных на психологические особенности их личности—формирующий эксперимент (1). За время проведения формирующего эксперимента осужденные контрольной группы стали чаще относить воспоминания об образах природы к возрасту после 5 лет (тенденция, $p < 0,1$). Вместе с тем в контрольной группе снизилось количество русских народных и других сказочных образов, возникших в возрасте до 5 лет ($p < 0,05$). Свои первые представления о справедливости они чаще стали относить к возрасту с 9 лет и старше (тенденция, $p < 0,1$).

Также у испытуемых контрольной группы была выявлена динамика пространственных характеристик: увеличилось количество предпочтений этнодифференцирующих (экзотических) продуктов питания — киви, бананов и пр. ($p < 0,05$), а количество предпочтений традиционных продуктов питания наоборот — уменьшилось (тенденция, $p < 0,1$).

Кроме того, осужденные данной группы стали чаще отрицательно относиться

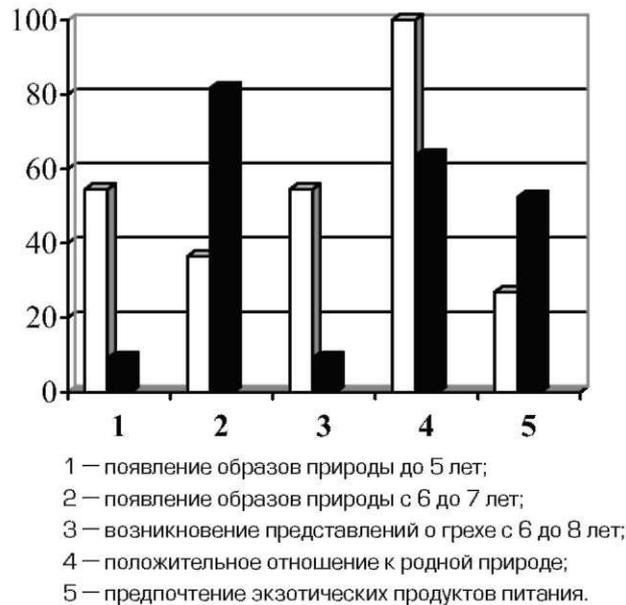

Рис. 1. Динамика этнофункциональных онтогенетических и пространственных характеристик образной сферы осужденных за период проведения формирующего эксперимента [2], %

Примечание. Здесь и далее — белый цвет столбиков гистограммы означает уровни показателей до эксперимента, а черный — после.

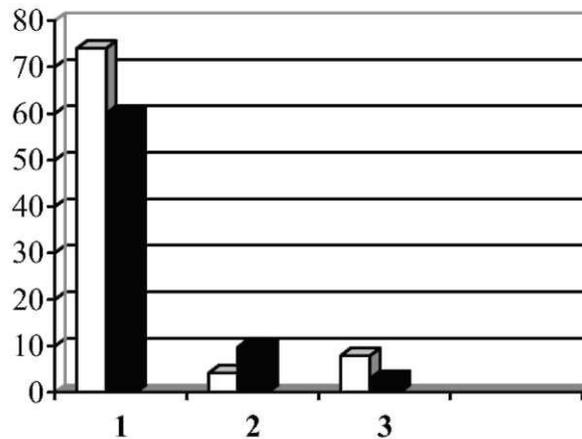
к соблюдению христианских заповедей ($p < 0,05$) и у них повысился показатель склонности к противоправному поведению ($p < 0,05$). В контрольной группе повысился уровень неконтролируемой или неэффективно контролируемой эмоциональности ($p < 0,05$) и снизился уровень эффективно контролируемой тревожности ($p < 0,05$).

После формирующего эксперимента испытуемые экспериментальной группы (1) стали чаще относить свои первые воспоминания о природе к возрасту до 5 лет ($p < 0,05$). Те осужденные, которые до эксперимента не помнили природу до 5 лет, — начали вспоминать образы родной природы ($p < 0,05$). Одновременно испытуемые стали чаще относить свои

первые представления о справедливости к возрасту 6-8 лет ($p < 0,05$).

Динамика этнофункциональных пространственных характеристик образной сферы состояла в том, что осужденные экспериментальной группы (1) стали реже отрицательно относиться к образам зимней природы ($p < 0,05$).

Испытуемые указанной группы стали чаще положительно относиться к необходимости соблюдения христианских заповедей ($p < 0,01$), у них снизилась степень эмоционального торможения когнитивных процессов ($p < 0,01$), тревожности ($p < 0,05$) и повысился уровень продуктивного (творческого) мышления ($p < 0,05$), а показатель склонности к делинквентному поведению остался без изменения.

- 1 — сравнение показателей эмоционального торможения когнитивных процессов;
 2 — сравнение показателей продуктивного (творческого) мышления;
 3 — сравнение показателей эффективно контролируемой тревожности.

Рис. 2. Динамика показателей Роршах-теста за период проведения формирующего эксперимента (2), %

Результаты экспериментально-го исследования характера влияния восстановления этнодифференцирующих образов природы в образной сфере осужденных на психологические особенности их личности — формирующий эксперимент (2). У испытуемых экспериментальной группы (2) в процессе формирующего эксперимента произошли следующие изменения этнофункциональных онтогенетических и пространственных характеристик образной сферы их личности (рис. 1).

Показатели на рисунке 1 свидетельствуют о том, что осужденные экспериментальной группы (2) стали реже относить первые воспоминания об образах природы к возрасту до 5 лет ($p < 0,05$) и чаще к возрасту 6-7 лет ($p < 0,05$), а также первые представления о грехе стали реже относить к 6-8 годам ($p < 0,05$). Испытуемые стали реже положи-

тельно относиться к родной природе и чаще предпочитать экзотические продукты питания ($p < 0,05$).

Как показано на диаграмме, представленной на рисунке 2, у осужденных экспериментальной группы (2) произошли следующие изменения психологических особенностей их личности: снижение степени эмоционального торможения когнитивных процессов ($p < 0,01$), повышение уровня творческого мышления ($p < 0,05$), снижение эффективно контролируемой тревожности ($p < 0,05$). Вместе с тем испытуемые стали более отрицательно относиться к христианским заповедям (тенденция, $p < 0,1$), а также у них повысилась склонность к делинквентному поведению ($p < 0,05$).

Обсуждение результатов. Эмпирические результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что этнодифференцирующие образы приро-

ды и криминальной субкультуры в целом одинаково влияют на психологические особенности личности осужденных. В соответствии с принципом этнофункциональной системности этнодифференцирующие образы природы и криминальной субкультуры могут разрушать целостность образной сферы, астенизировать личность и способствовать дальнейшему проникновению в нее других этнодифференцирующих образов.

Полученные в нашем исследовании результаты косвенно подтверждаются исследованиями, проведенными на младших школьниках, где в процессе психологической коррекции использовались этноинтегрирующие как природные, так и сказочные образы [28]. В данных исследованиях было установлено, что одновременное использование в процессе психологической коррекции этноинтегрирующих образов природы и сказочных образов способствовало снижению эмоционального торможения когнитивных процессов; в то же время качество взаимодействия эмоциональной и когнитивной сфер личности повышалось. В нашем исследовании при применении лишь этноинтегрирующих образов природы, наряду со снижением эмоционального торможения когнитивных процессов, снижался и повышенный уровень личностной тревоги.

В свою очередь, в формирующем эксперименте с младшими школьниками этнодифференцирующие образы природы обуславливали снижение качества взаимодействия эмоциональной и когнитивной сфер и, как и в нашем эксперименте, способствовали снижению эмоционального торможения когнитивных процессов. Использование нами в исследовании только этнодифференци-

рующих образов природы способствовало лишь снижению качества когнитивного контроля тревоги.

Сравнение результатов этих исследований показывает, что влияние на личность только образов природы (этноинтегрирующих и этнодифференцирующих), по сравнению с совместным воздействием природных и сказочных образов, обуславливает менее выраженный эффект для изменения качества взаимодействия эмоциональной и когнитивной сфер личности. При этом как только этноинтегрирующие образы природы, так и данные образы совместно со сказочными оказывают, несомненно, более положительное влияние на эмоциональную и когнитивную сферы личности, чем этнодифференцирующие образы.

Кроме того, исследования А.В. Сухарева (2008) и А.А. Шапорева (2007) показали, что применение в процессе психологической коррекции этноинтегрирующих сказочных образов, по сравнению с использованием этнодифференцирующих, а также телесноориентированной психотерапией, дает выраженный эффект повышения качества взаимодействия эмоциональной и когнитивной сфер личности. Таким образом, основной эффект использования этноинтегрирующих образов природы заключается в снижении уровня невротизации по показателям снижения эмоционального торможения когнитивных процессов и снижения уровня тревоги, являющейся психологической основой преступного поведения [4].

На основе результатов нашего исследования можно сделать следующие **выводы.**

1. Анализ научной литературы показал, что применяемые в российских

исправительных учреждениях методы психологической коррекции осужденных системно не учитывают влияние специфики современной культурно-исторической ситуации на личность и ее поведение. Использование метода этнофункциональной коррекции образной сферы в целях вторичной профилактики преступного поведения обусловлено исторической актуальностью этнофункциональной парадигмы в психологии, на единстве методологических принципов которой основан данный метод.

2. Восстановление этноинтегрирующих образов природы в образной сфере личности осужденных за насильственные преступления обуславливает ее изменение в онтогенетическом и пространственном аспектах: актуализируются более ранние воспоминания об этноинтегрирующих образах природы, а также о возникновении представлений о справедливости; вместе с тем появляются предпочтения (на момент обследования) этноинтегрирующих образов зимней природы.

3. Восстановление этноинтегрирующих образов природы в образной сфере осужденных за насильственные преступления способствует изменениям в эмоциональной, когнитивной, а также нравственной сферах их личности: снижение уровня тревоги, степени эмоционального торможения когнитивных процессов и более положительное отношение к христианским заповедям.

4. Использование этнодифференцирующих образов природы в психологической коррекции личности осужденных за насильственные преступления обуславливает ее изменение в онтогенетическом и пространственном аспектах: появление первых воспоминаний об об-

разах природы с 6-7 лет, более редкое возникновение первых представлений о грехе с 6-8 лет, менее положительное отношение к родной природе, а также предпочтение экзотических продуктов питания.

5. Использование этнодифференцирующих образов природы в психологической коррекции осужденных за насильственные преступления приводит к изменениям в эмоциональной, когнитивной, нравственной сферах их личности: снижение эмоционального торможения когнитивных процессов, уменьшение когнитивного контроля тревожности, более отрицательное отношение к христианским заповедям и повышение склонности к делинквентному поведению.

6. Влияние этнодифференцирующих образов криминальной субкультуры на осужденных за насильственные преступления обуславливает следующие изменения этнофункциональных характеристик образной сферы их личности: более позднее (после 5 лет) появление в онтогенезе образов природы, снижение количества воспоминаний русских народных и других сказочных образов в возрасте до 5 лет, отнесение первых представлений о справедливости к возрасту 9 лет и старше, более частое предпочтение этнодифференцирующих продуктов питания.

Кроме того, этнодифференцирующие образы криминальной субкультуры способствуют повышению у осужденных за насильственные преступления неконтролируемой или неэффективно контролируемой эмоциональности, снижению уровня эффективно контролируемой тревожности, повышению склонности к делинквентному поведению и более не-

готивному отношению к христианским заповедям.

Литература

1. Александров Ю.К. Очерки криминальной субкультуры. — М.: Права человека, 2002.
2. Аминов И.А. Юридическая психология. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009.
3. Анисимов С.Ф. Мораль и поведение. — М., 1979.
4. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступлений. — М.: Юристъ, 1996.
5. Арнхейм Р. Новые очерки по психологии искусства. — М.: Прометей, 1994.
6. Васильев В.Л. Юридическая психология. — СПб.: Питер, 2005.
7. Величковский Б.М. Современная когнитивная психология. — М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1982.
8. Выдрин Е.А. Этнофункциональный аспект возникновения легкой умственной отсталости у дошкольников: автореф. дис. ... канд. психол. наук. — М., 2007.
9. Галич Т.В. Когнитивно-поведенческая программа по коррекции криминально значимых свойств личности несовершеннолетних, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы // Актуальные проблемы деятельности воспитательных колоний ФСИН России: материалы междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. — М.: НИИ ФСИН России, 2008. — Ч. 2. — С. 8 - 11.
10. Голд Дж. Основы поведенческой географии. — М.: Прогресс, 1990.
11. Гостев А.А. Психология вторичного образа. — М.: Ин-т психологии РАН, 2007.
12. Гусейнов А.А. Социальная природа нравственности. — М., 1974.
13. Давыдов Ю.Н. Кризисное сознание // Современная западная социология: словарь. — М.: Политиздат, 1990. — С. 143-144.
14. Дерябо С.Д. Феномен субъективизации природных объектов: автореф. дис. . д-ра психол. наук. — М., 2002.
15. Змановская Е.В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения). — М.: Академия, 2008.
16. Ильин Е.П. Психология воли. — СПб.: Питер, 2000.
17. Иншаков С.М. Латентная преступность в Российской Федерации: перспективы исследования // www.sartraccc.ru.
18. Коробейников С.И. Психологическая коррекция агрессивного поведения несовершеннолетних осужденных подростков // Актуальные проблемы деятельности воспитательных колоний ФСИН России: материалы междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. — М.: НИИ ФСИН России, 2008. — Ч. 2. — С. 51 - 59.
19. Лукшина О.Ю. Применение арт-терапии в снижении реактивной тревожности несовершеннолетних подсудимых, содержащихся в ПФРСИ Ижевской ВК // Актуальные проблемы деятельности воспитательных колоний ФСИН России: материалы междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. — М.: НИИ ФСИН России, 2008. — Ч. 2. — С. 64-67.
20. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социология преступности. — М., 1966. — С. 299 - 313.
21. Панов В.И. Введение в экологическую психологию. — М.: НИИ школьных технологий, 2006.
22. Психология: словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. — М.: Политиздат, 1990. — С. 351.
23. Пирожков В.Ф. Криминальная психология. — М., 1998.
24. Савельева Т.И. Психокоррекция защитной сферы осужденных, употреблявших психоактивные вещества // Прикладная юридическая психология. — 2008. — № 2. — С. 137-142.
25. Сид Дж., Мэйси Дж., Флеминг П., Наас А. Думая как гора. — М.: Россия Молодая, 1992.
26. Сочивко Д.В., Литвишков В.М. Пенитенциарная антропология. Опыт систематизации психолого-педагогической теории и практики в местах лишения свободы. — М.: Моск. психол.-соц. ин-т, 2006.
27. Сухарев А.В. Этнофункциональная парадигма в психологии. — М.: Ин-т психологии РАН, 2008.
28. Сухарев А.В., Кравченко О.Ф., Овчинников Е.В. и др. Этнофункциональный подход в воспитании и психопрофилактике // Психол. журн. — 2003. — Т. 24. — № 5. — С. 68-80.
29. Сухарев А.В., Чулисова А.П. От методологии к практике: этнофункциональная парадигма в криминальной психологии // Прикладная юридическая психология. — 2009. — № 4. — С. 70-86.
30. Тишков В.А. Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе // Вопросы социологии. — 1993. — № 1. — С. 4.
31. Шапорева А.А. Роль этнической функции содержания сказок в развитии гармоничного взаимодействия когнитивных и эмоциональных сторон отношений у младших школьников и подростков: дис. ... канд. психол. наук. — М., 2007.
32. Шейнис Г.В. Развитие отношений подростков с природой как условие нравственного становления личности // Мир психологии и психология в мире. — 1995. — № 2. — С. 40-53.
33. Шихирев П.Н. Эволюция парадигмы в современной социальной психологии: автореф. дис. . д-ра психол. наук. — М., 1993.

34. Шустова В.О. Этнофункциональный подход к антинаркотическому и антиалкогольному воспитанию молодежи: автореф. дис. ... канд. психол. наук. — М., 2007.

35. Ясвин В.А. Психология отношения к природе. — М.: Смысл, 2000.

36. Bochner S. The social psychology of cross-cultural relations // Cultures in Contact: Studies

in Cross-Cultural Interaction. — Oxford: Pergamon, 1982.

37. Bohm E. Lehrbuch der Rorschach Psychodiagnostik. — Bern: Hans Huber, 1972.

38. Coelho G.V. Changing Images of America. — Glencoe: Free Press, 1979.

39. May R. The meaning of Anxiety. — NY: Pocket Books, 1979.

АНОМИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНАНТА АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Е. В. Харитонова

Аннотация: в статье рассматривается исторический аспект изучения влияния социокультурных факторов на проявления агрессии и криминальной активности в целом, а также из самых значимых ее детерминант — социальная аномия.

Ключевые слова: агрессия, общество, преступность, «моральная статистика», ценности, аномия, нравственность.

Annotation: the article discusses the historical aspect of studying the influence of socio-cultural factors on the manifestations of aggression and criminal activity in general. One of the most important determinants of the phenomenon seems to social anomie.

Key words: aggression, society, crime, «moral statistics», values, anomie, morality.

Многочисленные исследования агрессии рассматривают проблему агрессивного поведения человека с различных точек зрения. Независимо от разных подходов к пониманию агрессии очевидно следующее:

1) агрессивное поведение всегда наблюдается в определенной ситуации;

2) оно представляет собой специфический вид взаимодействия людей в обществе. В связи с этим логично рассматривать агрессию как форму социального поведения, включающего в себя прямое или опосредованное взаимодействие, как минимум, двух человеческих индивидов. Глубокое понимание сути и причин агрессивного поведения требует также учета социальных ситуаций и факторов, как способствующих проявлению агрессии, так и сдерживающих ее. Поиск социальных факторов, детерминирующих агрессивное поведение, приводит к статистике актов агрессии и насилия, то есть к криминальной статистике. Изучая подобную статистику, мы сталкиваемся с крайними проявлениями агрессивного поведения — преступлениями.

Впервые рассматривать преступления в качестве социального явления стали после выступления на Первом Международном конгрессе антропологов в Риме в 1885 г. французского криминолога А. Лакассаня, который сказал:

34. Шустова В.О. Этнофункциональный подход к антинаркотическому и антиалкогольному воспитанию молодежи: автореф. дис. ... канд. психол. наук. — М., 2007.

35. Ясвин В.А. Психология отношения к природе. — М.: Смысл, 2000.

36. Bochner S. The social psychology of cross-cultural relations // Cultures in Contact: Studies

in Cross-Cultural Interaction. — Oxford: Pergamon, 1982.

37. Bohm E. Lehrbuch der Rorschach Psychodiagnostik. — Bern: Hans Huber, 1972.

38. Coelho G.V. Changing Images of America. — Glencoe: Free Press, 1979.

39. May R. The meaning of Anxiety. — NY: Pocket Books, 1979.

АНОМИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНАНТА АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Е. В. Харитонова

Аннотация: в статье рассматривается исторический аспект изучения влияния социокультурных факторов на проявления агрессии и криминальной активности в целом, а также из самых значимых ее детерминант — социальная аномия.

Ключевые слова: агрессия, общество, преступность, «моральная статистика», ценности, аномия, нравственность.

Annotation: the article discusses the historical aspect of studying the influence of socio-cultural factors on the manifestations of aggression and criminal activity in general. One of the most important determinants of the phenomenon seems to social anomie.

Key words: aggression, society, crime, «moral statistics», values, anomie, morality.

Многочисленные исследования агрессии рассматривают проблему агрессивного поведения человека с различных точек зрения. Независимо от разных подходов к пониманию агрессии очевидно следующее:

1) агрессивное поведение всегда наблюдается в определенной ситуации;

2) оно представляет собой специфический вид взаимодействия людей в обществе. В связи с этим логично рассматривать агрессию как форму социального поведения, включающего в себя прямое или опосредованное взаимодействие, как минимум, двух человеческих индивидов. Глубокое понимание сути и причин агрессивного поведения требует также учета социальных ситуаций и факторов, как способствующих проявлению агрессии, так и сдерживающих ее. Поиск социальных факторов, детерминирующих агрессивное поведение, приводит к статистике актов агрессии и насилия, то есть к криминальной статистике. Изучая подобную статистику, мы сталкиваемся с крайними проявлениями агрессивного поведения — преступлениями.

Впервые рассматривать преступления в качестве социального явления стали после выступления на Первом Международном конгрессе антропологов в Риме в 1885 г. французского криминолога А. Лакассаня, который сказал:

«...каждое общество имеет тех преступников, которых оно заслуживает...»

Завоевав множество сторонников в криминологии, такой взгляд на преступность, получивший в дальнейшем название «социального детерминизма», представляет собой полную противоположность идее об «унаследованном» характере агрессивности человека.

Изучение социальных причин преступности начиналось со сбора и анализа систематических статистических данных о состоянии преступности в обществе. Сначала эти данные собирались в рамках демографической статистики, и их изучение позволило поставить вопрос о возможности прогнозирования развития преступности. Впервые уголовная статистика была опубликована в 1827 г. во Франции. Статистические исследования в области преступности проводились с учетом возраста, пола, национальности, профессии и образования преступников, экономических условий и даже времени года.

Было выявлено, что отдельные преступные акты, складываясь, образуют явление, отличное от составляющих его частей — преступность как социальный феномен, существующий только в обществе и зависящий от условий этого общества.

Чем же отличается преступность как совокупность преступлений от каждого отдельно взятого преступления? Различие заключается в том, что если каждое отдельное преступление «могло случиться, а могло и не случиться», то по отношению к совокупности таких «случайных» явлений подобный подход невозможен; здесь приходится констатировать, что «это не только могло, но и должно было случиться, это не могло

не случиться», то есть преступность в целом есть явление закономерное для конкретных условий конкретного общества [6, с. 200].

Но если преступность в отличие от отдельного преступления существует постоянно, устойчиво проявляясь, то, следовательно, она вызывается к жизни также какими-то стабильно действующими силами. Понимание преступности в качестве социального явления неизбежно ведет к признанию ее обусловленности социальными процессами, способствующими или препятствующими ее существованию.

«Общество — писал А.Ж. Кетле, — заключает в себе зародыши всех имеющих совершиться преступлений, потому что в нем заключаются условия, способствующие их развитию, оно, так сказать, подготавливает преступность, а преступник есть только орудие. Всякое социальное состояние предполагает, следовательно, известное число и известный порядок преступников, которые являются как необходимое следствие его организации. Это наблюдение, которое на первый взгляд может показаться безотрадным, напротив, очень утешительно, если ближе всмотреться в него. Оно указывает на возможность улучшения людей посредством учреждений, привычек, состояния образованности и вообще всего, что имеет влияние на их быт» [3, с. 16].

Таким образом, впервые в криминологии была подчеркнута важность социальных условий, продемонстрирована социальная детерминированность преступности, ее относительная независимость от воли и устремлений отдельных людей, ее производный характер от условий социальной среды. В связи

с этим данные уголовной статистики стали публиковаться под названием «Моральная статистика».

К морально-статистическим относят исследования, которые ставят целью учет фактов, позволяющих судить о состоянии нравственности человеческого общества. Против названия «моральная статистика» высказывался ряд возражений в кругу социологов, криминологов, юристов в начале XX в. Общее возражение сводилось к тому, что эта статистика в действительности имеет дело не с моральными а, наоборот, с аморальными фактами — преступлениями, пьянством, проституцией и т. д. Однако несомненно то, что аморальные действия также косвенно служат показателем степени нравственности в обществе.

В России «Моральная статистика» была издана в 1922 г. Ее автор и составитель — профессор Первого Государственного Московского университета юрист М.Н. Гернет. Сборники уголовной статистики по России выходили и раньше, но работ, в которых бы анализировались труды по «Моральной статистике» Германии, Франции, Англии, Бельгии, России, а статистика преступлений рассматривалась в связи с возрастом, социальным положением, экономическим и политическим положением в стране, до 20-х годов XX в. не было. В ведении уголовной статистики в России был продолжительный перерыв (с 1914 по 1921 год), поэтому в «Моральной статистике» М.Н. Гернета приводятся данные до 1914 г. и после 1921 г.

В своей работе Гернет рассуждает о правомерности использования термина «моральная статистика»: «Каково бы ни было определение нравственности,

понятие преступного и безнравственного не покрывают одно другое. Они могут совпадать, но могут находиться и в явном противоречии между собой. Таким образом, даже статистика преступлений, включенная всеми исследователями в область моральной статистики, хотя и выясняет преступность в стране, но далеко не во всем ее объеме может служить материалом для характеристики морального состояния населения. Поэтому рассмотрение трудов по моральной статистике показывает некоторое несоответствие названия этой дисциплины вкладываемому в него содержанию. Но термин укрепился, от него не отказываются. Однако, вместе с тем, не следует подходить к так называемым морально-статистическим исследованиям с ожиданиями найти в них картину современного состояния морального состояния общества» [2, с. 8].

О значении статистического метода, который не только позволяет судить об обществе в смысле состава его членов, их здоровья, роста рождаемости, трудоспособности и т. д., но и определять их политические и религиозные воззрения, моральные качества, раскрывать экономическое положение людей, развитие их грамотности, писал в своих работах В. М. Бехтерев [1].

Бехтерев при использовании своего объективно-психологического метода для изучения преступности опирался на данные криминальной статистики. Отдавая должное фактам статистики, он в то же время не мог не отметить некоторой неполноты и недоказательности положения о влиянии на преступность только социально-экономического фактора. Поэтому, применяя созданный им объективно-психологический метод к

изучению преступности, ученый выделял роль личности, указывал, что преступное действие личности является результатом, с одной стороны, актуальных внешних влияний, общих и ближайших, с которыми непосредственно сталкивается данная личность, и, с другой стороны, влияний, сложившихся в ее прошлом, то есть в период ее зачатия, развития и дальнейшей жизни. В связи с этим изучение должно иметь в виду само преступление, внешние общие и ближайшие факторы, а также индивидуально-личностные факторы.

Объективно-психологический метод изучения преступности Бехтерева позволил перенести центр тяжести с субъективной стороны преступника на условия, содействующие и подготавливающие, определяющие преступление. Такой взгляд на проблему давал возможность для определения индивидуального подхода к вынесению меры воздействия на преступников. Изучение причин преступности с появлением работ Бехтерева стало строиться на основании учета статистических данных, рассмотрения всех основных факторов и условий, детерминирующих рост преступности.

«Моральная статистика», основанная на механистическом подходе, исходила из признания равнозначности влияния на преступность как материальных, физических, природных, так и социокультурных факторов. Реальные изменения в состоянии и уровне преступности в современном обществе показали, что на преступность значительно большее влияние оказывают факторы нематериального характера, то есть встал вопрос о природе культурных ценностей и идеалов как детерминант социального поведения.

Исследованием специфики детерминации социального поведения занимались в начале XX в. такие социологи, как Э. Дюркгейм, Д. Дьюи,

М. Вебер, Г. Тард и другие. Солидный статистический анализ, полученный Э. Дюркгеймом на основе данных различных аномальных проявлений (преступности, самоубийств) за определенный исторический отрезок времени, привел его к выводу о возрастании числа аномалий в поведении людей в периоды войн, экономических кризисов, социальных потрясений, что указывает на социальные корни этого явления.

Одним из важных социальных факторов, влияющих на поведение людей, Дюркгейм считал наличие или отсутствие между людьми, живущими в обществе, социальной сплоченности, солидарности. Он отмечал, что чем выше в обществе социальная сплоченность, тем ниже должен быть уровень преступности.

Еще один важный социальный факт, имеющий большое значение для объяснения социальных причин преступности, — это наличие или отсутствие того отрицательного общественного явления, которое Дюркгейм обозначал термином «аномия» (anomie). Этот термин наиболее точно можно перевести как «безнормативность».

Можно предположить, что явление «социальной аномии» детерминирует как преступность в частности, так и агрессивное поведение человека в целом (большинство преступлений против личности обусловлены крайним проявлением агрессивного поведения человека).

Первый анализ явления социальной аномии был дан Дюркгеймом. Он

исходил из положения о том, что всякое живое существо может жить, а тем более чувствовать себя счастливым только при условии, что его потребности находят достаточное удовлетворение.

Важной предпосылкой при этом является равновесие между стремлениями (их границами, пределами) и степенью удовлетворения этих стремлений. Дюркгейм считал, что границы чисто человеческих социальных потребностей могут быть только социальными, то есть установленными обществом, так как внутри индивида, по его мнению, нет сдерживающего начала в стремлении к комфорту и роскоши, оно должно исходить от какой-либо внешней силы. Духовные потребности человека нуждаются в общественном регулирующем начале морального характера.

Явление аномии фактически описывает в своих работах основатель логотерапии В. Франкл, который ввел термин «экзистенциальный вакуум», созвучный по своему содержанию понятию аномии или утрате людьми смысла жизни: «Нравственный кризис — это не что иное, как ощущение огромным числом людей бессмысленности той жизни, которую им приходится вести, нередко без возможности найти в ней позитивный смысл из-за разрушения старых ценностей и традиций, дискредитации «новых» и отсутствия культуры мировоззренческой рефлексии, позволяющей прийти к уникальному смыслу своим, неповторимым путем» [5, с. 288].

Обладание ценностями, утвердившись в обществе, облегчает для человека поиск смысла, так как в типичных ситуациях он избавлен от проблемы принятия решений. Но при изменении традиционных ценностей человек может оказаться

в ситуации, когда две ценности приходят в противоречие друг с другом. А противоречия ценностей, отражаясь в форме ценностных конфликтов, приводят человека к «экзистенциальному вакууму». Его содержание определяется тем, что, во-первых, человеку, в отличие от животных, побуждения и инстинкты не говорят, что ему нужно делать; во-вторых, изменившиеся условности, традиции и ценности не говорят, что ему должно делать. Часто сам человек не может решить, что он хочет делать, и делает то, что делают другие, или то, чего хотят от него другие.

В обществе рыночной экономики большинство людей стремится к обладанию материальными средствами — деньгами. Франкл отмечает: «Если стремление к деньгам берет верх, стремление к смыслу заменяется стремлением к средствам. Деньги, вместо того чтобы оставаться средством, становятся целью, они перестают служить какой-либо цели» [5, с. 317]. Стремление к деньгам как к цели служит бегством от осознания экзистенциального вакуума. Другими его проявлениями можно считать рост преступности, распространение алкоголизма, наркомании, самоубийств.

Далее понятие «аномии» было развито и применено в США американским социологом Р. Мертоном в 70-е годы XX в. Он внес новые детали в концепцию социальной аномии, считая, что она может быть характерна для общества в целом, но некоторые слои этого общества в силу своего социально-экономического положения более подвержены ее влиянию. Мертон также ставит цель выяснить, что именно влияет на возникновение такого рода ситуаций, когда нарушение социальных норм представляет собой «нормальную» реакцию.

Сам по себе термин «аномия», понимаемый Дюркгеймом как «безнравственность», по Р. Мертону, означает отсутствие, исчезновение норм в поведении, их недостаточность. При этом выделяется два измерения состояния аномии: 1) оно может характеризовать общество, в котором нормативные стандарты поведения и существующие убеждения либо серьезно ослаблены, либо отсутствуют; 2) оно может быть констатировано применительно к отдельному лицу, в случае если оно социально дезориентировано и переживает чувство изолированности от общества.

Вывод Мертона таков: антисоциальное поведение ощутимо возрастает в случае, когда в обществе превыше всего начинают цениться определенные символы успеха, якобы общие для населения в целом, в то время как социальная структура общества ограничивает или полностью устраняет доступ к законным средствам овладения такими символами для значительной части населения.

Таким образом, если Дюркгейм определял аномия как отсутствие социального регулирования, являющееся результатом чрезмерного стимулирования «аппетитов», развития нетерпимости к социальному контролю и неспособности общества поставить пределы требованиям различных классов, то для Мертона аномия — это структурный развал культуры, несоответствие между целями, которые американская культура ставит перед индивидуумом, и наличием эффективных законных средств достижения этих целей.

Можно предположить, что любая преступная деятельность социально детерминирована, человек не рождается преступником, но он не рождается и

с заранее заданными социально пожительными свойствами — поведение индивидуума в обществе обусловлено процессом его социализации. Благодаря процессу социализации человек приобретает конкретные качества и свойства, влияющие на его поведение в обществе. Социализация осуществляется как в ходе усвоения человеком наиболее эффективных, успешных форм поведения (инструментальное, или оперантное, поведение), так и в результате такого обусловливания, когда акт поведения выступает в качестве условно-рефлекторной реакции, привитой человеку ранее в ходе социальной тренировки (респондентное, или реактивное, поведение).

Очередной экономический кризис, поразивший российское общество, в свою очередь, детерминировал ослабление социально-психологических механизмов саморегуляции общества. Одним из важнейших таких механизмов является доминирующая в обществе система социальных ценностей, которая выполняет функции интеграции, упорядочения, поддержания процессов функционирования больших социальных групп. С помощью господствующей в обществе системы социальных ценностей требования больших групп переводятся в эталоны, модели, стандарты поведения представителей этих групп и в такой форме адресуются личности. На уровне личности система социальных ценностей реализуется в виде ценностных ориентаций, то есть разделяемые личностью социальные ценности, выступающие в качестве целей жизни и основных средств достижения этих целей и в силу этого приобретающие функцию регуляторов социального поведения индивидов. Будучи отражением фундамен-

тальных социальных интересов личности, ценностные ориентации выражают субъективную общественную позицию индивидов, их мировоззрение и нравственные принципы.

Непротиворечивость ценностных ориентаций — важнейший показатель устойчивости личности, высокого уровня саморегуляции; неустойчивость свидетельствует о низком уровне саморегуляции личности. Соответствие ценностных ориентаций личности социальным ценностям общества является условием устойчивости общества в целом.

Взаимосвязь «моральной статистики» и агрессии определяется именно социальными факторами, которые, в свою очередь, провоцируют явление аномии. Аномия, искажая систему нравственных ориентиров, снижая моральный контроль, детерминирует агрессию. Таким образом, «моральная статистика» — это определенный показатель состояния социального самочувствия общества,

а рост агрессии, криминальной активности свидетельствует о социальном неблагополучии.

Ожидать ли нам всплеска преступности в ближайшее время, станут ли люди более агрессивны, переживая кризис? В работе «Моральная статистика» (1922) М.Н. Гернет написал: «Экономические кризисы ведут к укреплению «порочных наклонностей», к уменьшению сопротивления морального чувства, к потере привычки трудиться» [2, с. 46].

Литература

1. Бехтерев В.М. Объективно-психологический метод в применении к изучению преступности. — СПб., 1919.
2. Гернет М.Н. Моральная статистика. — М., 1922.
3. Гернет М.Н. Криминалистика. — М., 1926.
4. Осипова Е.В. Социология Э. Дюркгейма: Критический анализ теоретико-методологической концепции. — М., 1977.
5. Франкл В. Человек в поисках смысла. — М., 1990.
6. Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика. — М., 1985.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ В КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ

А. А. Истомина

Аннотация: в статье рассматриваются особенности смыслов жизни, терминальных и инструментальных ценностей осужденных в контексте уголовно-правовой характеристики личности. Автором в результате проведенного исследования выявлено, что компоненты ценностно-смысловой сферы личности осужденных к лишению свободы находятся во взаимосвязи с криминологи-

ческими характеристиками личности, такими как криминальная направленность, степень общественной опасности и рецидив преступлений.

Ключевые слова: ценностные ориентации личности, смыслы жизни, терминальные ценности, инструментальные ценности, уголовно-правовая характеристика личности, криминальная направленность личности.

тальных социальных интересов личности, ценностные ориентации выражают субъективную общественную позицию индивидов, их мировоззрение и нравственные принципы.

Непротиворечивость ценностных ориентаций — важнейший показатель устойчивости личности, высокого уровня саморегуляции; неустойчивость свидетельствует о низком уровне саморегуляции личности. Соответствие ценностных ориентаций личности социальным ценностям общества является условием устойчивости общества в целом.

Взаимосвязь «моральной статистики» и агрессии определяется именно социальными факторами, которые, в свою очередь, провоцируют явление аномии. Аномия, искажая систему нравственных ориентиров, снижая моральный контроль, детерминирует агрессию. Таким образом, «моральная статистика» — это определенный показатель состояния социального самочувствия общества,

а рост агрессии, криминальной активности свидетельствует о социальном неблагополучии.

Ожидать ли нам всплеска преступности в ближайшее время, станут ли люди более агрессивны, переживая кризис? В работе «Моральная статистика» (1922) М.Н. Гернет написал: «Экономические кризисы ведут к укреплению «порочных наклонностей», к уменьшению сопротивления морального чувства, к потере привычки трудиться» [2, с. 46].

Литература

1. Бехтерев В.М. Объективно-психологический метод в применении к изучению преступности. — СПб., 1919.
2. Гернет М.Н. Моральная статистика. — М., 1922.
3. Гернет М.Н. Криминалистика. — М., 1926.
4. Осипова Е.В. Социология Э. Дюркгейма: Критический анализ теоретико-методологической концепции. — М., 1977.
5. Франкл В. Человек в поисках смысла. — М., 1990.
6. Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика. — М., 1985.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ В КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ

А. А. Истомина

Аннотация: в статье рассматриваются особенности смыслов жизни, терминальных и инструментальных ценностей осужденных в контексте уголовно-правовой характеристики личности. Автором в результате проведенного исследования выявлено, что компоненты ценностно-смысловой сферы личности осужденных к лишению свободы находятся во взаимосвязи с криминологи-

ческими характеристиками личности, такими как криминальная направленность, степень общественной опасности и рецидив преступлений.

Ключевые слова: ценностные ориентации личности, смыслы жизни, терминальные ценности, инструментальные ценности, уголовно-правовая характеристика личности, криминальная направленность личности.

The summary: *the article deals with the features of meaning of life, terminal and instrumental values in the context of criminal and legal personal characteristic. The author arrives at conclusion that there is an interaction between some components of value-semantic sphere of the condemned person and such criminological characteristics as a criminal orientation, degree of public danger and relapse of crimes.*

Key words: *axiological orientations of an individual; meanings of life; terminal values; instrumental values; criminal orientation of an individual.*

Ценностные ориентации личности, как известно, во многом определяют поступки и характер деятельности человека, направляя его активность на реализацию низших или высших ценностей, а также определяют способ реализации поставленных целей. Некоторые авторы (И.Ю. Истошин, 1979; Б.Г. Ананьев, 1980; Л.В. Колесникова, 2000; М.С. Яницкий, 2000 и др.) считают ценностные ориентации доминирующим компонентом в структуре личности. Таким образом, ценностные ориентации являются одним из центральных звеньев в комплексе проблем изучения личности и закономерностей ее развития.

В рамках осуществляемого реформирования уголовно-исполнительной системы одними из важных направлений выступают «совершенствование форм и методов исправительного воздействия на осужденных и повышение эффективности использования психолого-педагогических методов работы с различными категориями осуж-

денных к лишению свободы»¹. Особое место отводится поиску и внедрению новых индивидуальных форм работы с осужденными с учетом их социально-демографических, уголовно-правовых и индивидуально-психологических характеристик².

По мнению А.С. Михлина, важнейшие компоненты личности осужденных находятся в тесной взаимосвязи с их уголовно-правовой характеристикой, к основным составляющим которой в первую очередь относятся: квалификация совершенного преступления, срок наказания и число судимостей (А.С. Михлин, 2000).

В данном исследовании нами были проанализированы взаимосвязи ценностно-смысловой сферы личности осужденных с некоторыми криминологическими (уголовно-правовыми) характеристиками, такими как криминальная направленность, степень общественной опасности и рецидив преступлений.

Сбор эмпирических данных исследования был осуществлен в период с 2005 по 2008 год на базе исправительных учреждений Северо-Западного региона Российской Федерации, объем выборки составил 754 осужденных.

Для определения индивидуальных терминальных ценностей использовалась модифицированная методика М. Рокича, определение уровня сформиро-

¹ Приложение к приказу ФСИН России от 16 апреля 2009 г. № 168. Решение коллегии Федеральной службы исполнения наказаний об итогах деятельности уголовно-исполнительной системы за 2008 год и задачах на 2009 год // Современное состояние уголовно-исполнительной системы. Ч. 1. С. 157.

² См.: Проект Концепции развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации до 2020 года.

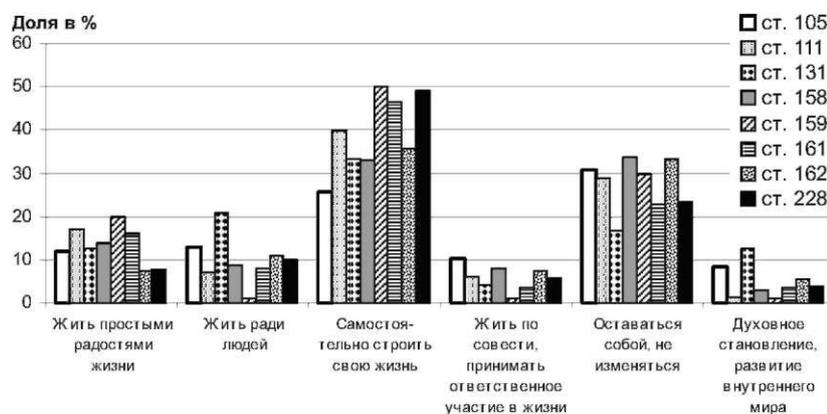

Рис. 1. Приоритетные смыслы жизни осужденных разной криминальной направленности

рованности и выраженности жизненных целей производилось с помощью теста смысло-жизненных ориентаций (СЖО), анализ смыслов жизни осужденных — методики смыслов жизни Морриса-Роджерса. Достаточно подробно данные тесты описаны в более ранних работах (А.А. Истомин, 2009, 2010).

Соотношение преступников по типу криминальной направленности (в соответствии со статьями УК РФ) оказалось следующим: убийство (ст. 105 — 100 чел.), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 — 67 чел.), изнасилования и насильственные действия сексуального характера (ст. 131, 132 — 24 чел.), кража (ст. 158 — 203 чел.), мошенничество (ст. 159 — 20 чел.), грабеж (ст. 161 — 89 чел.), разбой (ст. 162 — 95 чел.), незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (ст. 228 — 52 чел.). Осужденные за другие виды преступлений в выборке представлены в количестве, недоста-

точном для осуществления корректного математико-статистического анализа.

Среди осужденных разной криминальной направленности в первую очередь нами был выполнен анализ приоритетных смыслов жизни (рис. 1). Большая часть всех осужденных в качестве первостепенно важных смыслов жизни отмечают «активное стремление к достижению и реализации своих целей» и «стремление не изменяться».

Преобладанием более активной жизненной позиции характеризуются осужденные за мошенничество (ст. 159), незаконный оборот наркотиков (ст. 228), грабежи (ст. 161) и нанесение тяжких телесных повреждений (ст. 111). Для остальных категорий характерна одинаковая выраженность смысла жизни «оставаться самим собой и не изменяться» и «самостоятельно строить свою жизнь», причем для осужденных за убийство наиболее важным оказался смысл жизни, сводящийся к тому, чтобы «оставаться таким, какой есть и не изменяться». Как ни странно, в данной группе

оказался относительно высок процент лиц, декларирующих смыслы жизни просоциальной направленности (23 %).

Гедонистическая направленность смысла жизни («жить простыми радостями жизни») в целом одинаково характерна для всех групп осужденных (примерно каждый десятый считает ее первостепенно значимой для себя), однако наибольшая выраженность отмечена у осужденных за мошенничество (20 %). Среди мошенников не обнаружено лиц, отмечающих в качестве первостепенно важных смыслы жизни просоциальной («жизнь ради людей...» и «жизнь по долгу и совести, принимая ответственное участие в жизни») и духовной направленности. По видимости, эгоистическая направленность смыслов жизни является неотъемлемой частью личности мошенника.

Отличными от всех категорий преступников по предпочитаемым смыслам жизни оказались осужденные за изнасилования. Среди них относительно высока доля тех, кто считает первостепенно важным собственный успех и реализацию поставленных целей. Достаточно высок процент лиц, отдающих предпочтение смыслам жизни просоциальной направленности (каждый четвертый). Доля стремящихся «оставить все как есть и не изменяться» невелика и составляет 17 % (наименьшая выраженность среди остальных осужденных). Относительно высокое значение имеет смысл жизни, заключающийся в «духовном становлении и развитии собственной личности» (13 %). Характер декларируемых смыслов жизни осужденных за изнасилования принципиально иной в отличие от остальных категорий преступников.

Таким образом, гедонистическая направленность, выражающаяся в том, чтобы просто жить и получать удовольствие, характерна прежде всего для осужденных за мошенничество, нанесение тяжких телесных повреждений и грабеж. Осужденные за убийства, изнасилования и кражи по доле лиц, приверженных к смыслу жизни гедонистической направленности, соответствуют выборке законопослушных граждан (около 12 %).

Смыслы жизни просоциальной направленности («жить ради людей, быть полезным людям» и «жить по долгу и совести, принимая ответственное участие в жизни») по своей сути противоречат совершенным осужденными, преступным деяниям, однако не игнорируются ими. Наибольшие значения данные смыслы жизни имеют у осужденных за изнасилование, убийство и разбойное нападение, то есть группы преступлений, которые совершались против личности и с лишением жизни либо с угрозой для нее. Данный факт может свидетельствовать о наличии достаточно сильных противоречий в структуре жизненных смыслов лиц, совершающих преступные деяния.

Нами был также выполнен анализ терминальных ценностей по группам в соответствии с концепцией А. Маслоу (рис. 2). Осужденные по статьям за убийство (ст. 105) и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111) имеют свои характерные и схожие особенности системы индивидуальных ценностей. Большая часть осужденных за эти преступления в качестве первостепенно значимых отмечают для себя ценности группы безопасности. Низшие ценности органического ряда занимают вторую ранговую позицию в структуре индиви-

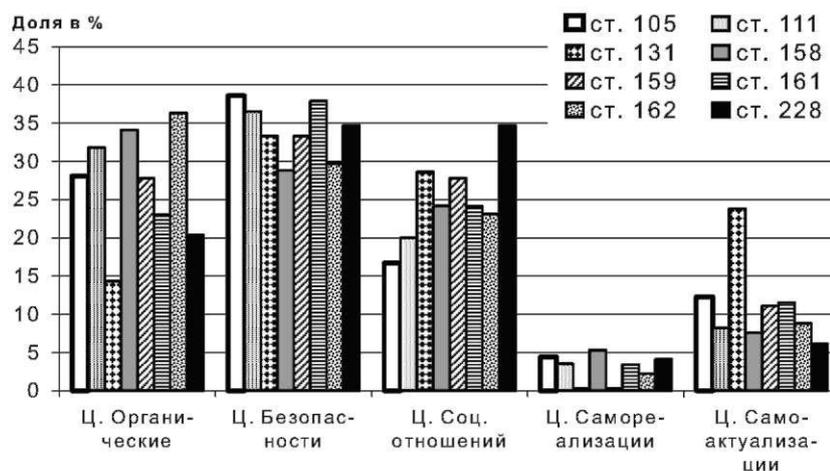

Рис. 2. Распределение терминальных ценностей осужденных различной криминальной направленности

дуальных ценностей, ценности социальных отношений — третье место в иерархии. Однако следует обратить внимание, что среди убийц и лиц, осужденных за нанесение тяжких телесных повреждений, доля отдающих предпочтение ценностям данной группы минимальна по сравнению со всеми остальными типами преступников (17 и 20 % соответственно). Ценности самоактуализации и самореализации значимы также как и для остальных категорий преступников.

Таким образом, для преступников, совершивших преступления против личности, такие как убийства и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, в том числе повлекшее за собой смерть, приоритетными являются ценности безопасности и низшие ценности. Значимость ценностей социальных связей для них наименьшая по сравнению с другими категориями осужденных.

Осужденные за насильственные действия сексуального характера

(ст. 131, 132) демонстрируют совершенно иную систему индивидуальных ценностей (рис. 2). Большая часть из них в качестве приоритетных отмечает ценности группы безопасности, на втором месте в иерархии ценностей находятся ценности социальных отношений. Третье ранговое место занимают ценности самоактуализации (24 % осужденных за изнасилование отдаёт им предпочтение). Низшие ценности занимают четвертое место в структуре ценностей, их выбирает в качестве первостепенно значимых только 14 % осужденных. Ценности самореализации не отметил ни один из осужденных за насильственные действия сексуального характера. Осужденные за сексуальные преступления отмечают чаще, чем остальные категории такие ценности, как свобода и понимание. Данный факт может быть связан с особенностями личности данных преступников либо являться следствием характера отношений в исправительных

учреждениях к данной категории осужденных; низкий социальный статус, отвержение и негативное отношение со стороны остальных осужденных могут приводить к актуализации ценностей этой группы. Итак, характерное отличие осужденных за преступления против половой неприкосновенности — низкая значимость примитивных ценностей органического ряда и высокое предпочтение ценностей самоактуализации. Ценности самореализации вообще не входят в иерархию терминальных ценностей.

Большая часть осужденных за кражу (ст. 158) первые места в иерархии индивидуальных ценностей отдает низшим ценностям органического ряда (благополучие, жизнь в удовольствии, ценность простой жизни), подобную высокую значимость примитивные ценности имеют лишь у осужденных за разбойное нападение (ст. 162) (рис. 2). Это две единственные группы осужденных, для которых низшие ценности являются первостепенно важными, что, вероятно, связано с преобладающей корыстной мотивацией совершаемых преступлений. Ценности безопасности для осужденных за кражу и разбой занимают второе место в иерархии, ценности социальных отношений — третье. Таким образом, осужденные за эти преступления имеют идентичную структуру индивидуальных ценностей, в которой первостепенное место отводится низшим органическим ценностям.

Несколько иная иерархия индивидуальных ценностей оказалась у осужденных за грабеж (ст. 161). В качестве первостепенно важных они отмечают ценности безопасности, на втором месте по значимости оказались ценности

социальных отношений и низшие ценности. Несмотря на корыстный характер совершаемых преступлений лицами данной группы и сходство мотивации с осужденными за кражу и разбой, преступники данной группы в меньшей степени отдают предпочтение низшим ценностям.

Существенно отличающейся от остальных групп осужденных оказалась иерархия индивидуальных ценностей осужденных за мошенничество (ст. 159). Ценности безопасности как приоритетные отмечает для себя большинство мошенников (33 %), ценности социальных связей важны для 28 % и низшие ценности — также для 28 %. Следовательно, для мошенников наряду со всеми остальными ценностями важными являются ценности социальных связей (прежде всего семья). Интересен тот факт, что для осужденных за эту категорию преступлений по сравнению с остальными осужденными более высокую значимость имеют ценности творчество и познание, что еще раз указывает на наличие отличительных черт в личности преступников данной группы. Следует отметить, что ценности самореализации, представленные в списке терминальных ценностей в виде работы, общественного признания, самостоятельности и равенства, оказались несвойственны лицам, осужденным за мошенничество.

Иерархия индивидуальных ценностей осужденных за незаконный оборот наркотиков (ст. 228) также отличается от остальных категорий преступников (рис. 2). Первостепенно важные ценности для этих осужденных — это ценности безопасности и ценности социальных связей. Низшие ценности менее значи-

мы, в качестве приоритетных их отмечают только 20 % из числа опрошенных.

В целом анализ выраженности индивидуальных ценностей у осужденных показал, что первостепенно важными для всех категорий осужденных являются ценности здоровье и семья. Ценность семьи менее значима для убийц и осужденных за нанесение тяжких телесных повреждений. Ценность благополучие также занимает одно из приоритетных мест в структурах ценностных ориентаций осужденных, однако исключением в данном случае являются осужденные за изнасилования, для которых данная ценность не имеет никакого значения. Ценности простая жизнь и благополучие более значимы для категорий преступников, осужденных за корыстные преступления (кража, мошенничество, разбойное нападение, грабеж), то есть стремление к обретению материальных благ формирует мотив преступления.

Осужденные за незаконный оборот наркотических веществ одинаково важными считают ценности группы социальных отношений и безопасности.

Существенных различий в структурах инструментальных ценностей осужденных разной криминальной направленности не выявлено.

Нами была также проанализирована взаимосвязь осмысленности жизни с особенностями криминального поведения и влияние повторности совершения преступления (рецидивность) на данную характеристику. Для решения данной задачи мы выполнили сравнительный анализ показателей осмысленности жизни у осужденных разной криминальной направленности, впервые отбывающих наказание в исправительном учреждении,

и лиц, осужденных повторно (второй раз и более).

Осужденные разной криминальной направленности, впервые отбывающие наказание в виде лишения свободы, демонстрируют различные средневыворочные показатели осмысленности жизни. Наименьшие значения показателей осмысленности жизни были обнаружены у осужденных за разбой. Относительно высокие значения по тесту СЖО наблюдаются у лиц, осужденных за умышленное нанесение тяжких телесных повреждений, изнасилование, мошенничество, кражу и грабеж.

Для осужденных, характеризующихся рецидивом (повторно отбывающих наказание в виде лишения свободы), отмечается заметное снижение средних арифметических показателей осмысленности жизни. Особенно это характерно для осужденных за убийство, умышленное нанесение тяжких телесных повреждений, изнасилование, кражу, разбой и грабеж. Для лиц, осужденных за незаконный оборот наркотических веществ (распространители и потребители наркотиков), характерны равные при первом и втором осуждении значения теста СЖО.

Особое место среди рассмотренных категорий преступников занимают осужденные за мошенничество, которые отличаются от остальной массы правонарушителей тем, что при повторном рецидиве преступления демонстрируют повышение значений по всем показателям теста смысложизненных ориентаций. Следует отметить, что данные преступления редко происходят спонтанно, они хорошо продуманы и характерны для лиц с высокой социальной активностью и развитым интеллектом.

Таким образом, осужденные разной криминальной направленности отличаются по показателю осмысленности жизни: наименьший уровень осмысленности жизни отмечен у преступников, совершивших разбойные нападения, кражи и убийства; наибольший — у осужденных за мошенничество. При повторном рецидиве происходит снижение показателей осмысленности жизни (за исключением мошенников), что указывает на негативное влияние ситуации заключения на ценностно-смысловую сферу личности, которое выражается не только в низкой оценке прожитой жизни, но и в пессимистичном настрое на будущее, стремлении полагаться лишь на волю случая и обстоятельств. Указанные негативные особенности, несомненно, повышают вероятность рецидива.

Аналогичным образом нами были изучены особенности системы ценностных ориентаций осужденных в зависимости от такой характеристики, как степень тяжести совершенного преступления. Все осужденные в данном контексте были разделены нами на четыре группы: осужденные за преступления небольшой степени тяжести (56 чел.), осужденные за преступления средней степени тяжести (284 чел.), осужденные за тяжкие (246 чел.) и особо тяжкие преступления (84 чел.).

Принципиальных различий в смыслах жизни осужденных, совершивших преступления разной степени тяжести, нами выявлено не было. Приоритетными жизненными смыслами для осужденных вне зависимости от степени опасности совершенного преступления выступают «активная жизнь и достижение собственных целей» и «стремление оставаться таким, какой есть и не изменять-

ся». Данные смыслы жизни одинаково важны для всех категорий осужденных. Однако отмечено увеличение значимости такого жизненного смысла, как «духовное становление и развитие внутреннего мира» прямо пропорциональное увеличению степени тяжести преступления. Практически каждый десятый осужденный на длительные сроки (за особо тяжкие преступления) декларирует данный смысл жизни как приоритетный, среди осужденных за преступления небольшой тяжести всего 2 %.

Системы терминальных ценностей оказались различными у осужденных в зависимости от степени тяжести совершенного преступления. Осужденные за преступления небольшой и средней степени тяжести демонстрируют во многом схожие иерархии индивидуальных ценностей (рис. 3). На первом ранговом месте оказались ценности безопасности, на втором — низшие ценности и ценности социальных отношений (с примерно равной значимостью). Самореализация малозначима для осужденных этих категорий, ценности самоактуализации в качестве первостепенно важных отмечают только 6-7 %. Для осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления иерархия ценностей выглядит несколько иначе: первое место также занимают ценности безопасности, второе место — низшие ценности, третье — ценности социальных связей. Ценности самореализации малозначимы, как и для остальных осужденных. Однако следует отметить, что ценности самоактуализации более выражены для осужденных за тяжкие (10 %) и особо тяжкие преступления (16 %).

Итак, с увеличением степени опасности совершенного преступления для

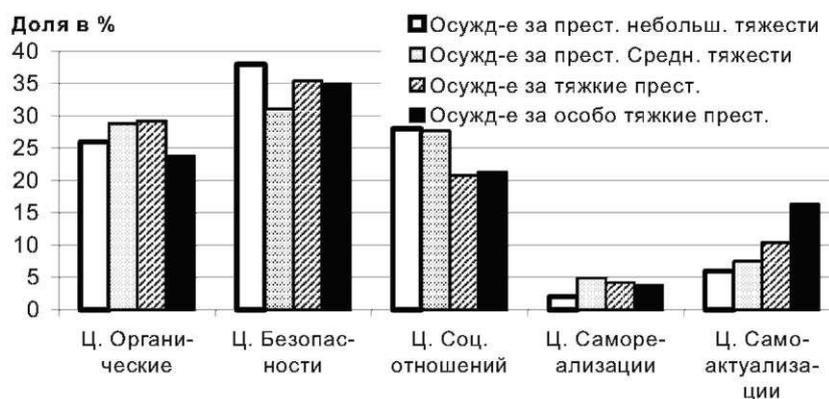

Рис. 3. Терминальные ценности лиц, совершивших преступления разной степени тяжести

осужденных менее важными становятся ценности социальных отношений и существенно возрастает значимость ценностей самоактуализации. Максимальную значимость ценности самоактуализации приобретают у осужденных за особо тяжкие преступления.

Среднеарифметические показатели осмысленности жизни у осужденных, совершивших преступления разной степени тяжести, отличаются несущественно, статистически значимых различий обнаружено не было. Наибольшие среднеарифметические показатели ($M=89,4$) характерны для осужденных, совершивших преступления небольшой степени тяжести, наименьшие — у осужденных за тяжкие преступления ($M=85,6$). Осужденные за преступления средней тяжести и за особо тяжкие демонстрируют практически равные среднеарифметические показатели осмысленности жизни ($M=86,3$ и $M=87,3$ соответственно). Таким образом, степень общественной опасности совершенного преступления и сроки осуждения не оказывают

существенного влияния на показатель осмысленности жизни.

Одним из криминологических показателей осужденных является множественный рецидив преступлений (или иначе — количество преступлений, за которые последовало текущее наказание). С целью выявить ценностно-смысловые особенности осужденных в контексте такого показателя, как множественный рецидив был проведен анализ систем ценностных ориентаций осужденных за одно совершенное преступление и лиц осужденных по двум и более статьям УК РФ.

Выраженность приоритетных смыслов жизни в выборке осужденных за одно преступление и осужденных с множественным рецидивом преступлений в целом не имеет существенных различий. Наибольшие, однако статистически недостоверные различия, касаются смысла жизни «самостоятельно строить свою жизнь», который в большей степени характерен для осужденных с множественным рецидивом преступлений. Стремление оставаться самим собой и

не изменяться, напротив, в большей степени свойственно осужденным по одной статье УК РФ.

Таким образом, осужденные, характеризующиеся множественным рецидивом преступлений, имеют более активную эгоистически ориентированную жизненную позицию. Структуры терминальных ценностей не имеют выраженных различий. Однако для преступников с множественным рецидивом преступлений характерной особенностью является относительное понижение значимости ценностей безопасности и увеличение значимости ценностей группы самоактуализации (понимание и свобода, которая многими понимается в буквальном смысле). Иерархии инструментальных ценностей преступников, осужденных по одной статье, и преступников, характеризующихся множественным рецидивом, также практически идентичны. Среднеарифметические показатели осмысленности жизни осужденных за одно преступление практически не отличаются от значений, характерных для лиц с множественным рецидивом преступлений.

Результаты проведенного исследования позволяют с уверенностью утверждать, что система ценностных ориентаций осужденных к лишению свободы находится в тесной и закономер-

ной взаимосвязи с криминологическими характеристиками личности, такими как криминальная направленность, степень общественной опасности и рецидив преступлений, что необходимо учитывать при осуществлении психологической и воспитательной работы с лицам данной категории.

Литература

1. *Ананьев Б.Г.* Избранные труды: в 2 т. — М., 1980. — Т. 1. — 232 с.
2. *Истомин А.А.* Динамика ценностей осужденных, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы // *Альтернативные виды наказания: состояние, проблемы, перспективы развития.* — Псков, 2008. — С. 226-230.
3. *Истомин А.А.* Динамика смысложизненных ориентаций осужденных в процессе отбывания наказания в виде лишения свободы // *Вестн. Костром. гос. ун-та имени А.Н. Некрасова.* — Кострома, 2008. — С. 32-35.
4. *Истомин А.А.* Ценностные ориентации осужденных к лишению свободы: монография. — Псков, 2010. — 212 с.
5. *Истошин Ю.И.* Ценностные ориентации в личностной системе регуляции поведения // *Психологические механизмы регуляции социального поведения.* — М.: Наука, 1979. — 335 с.
6. *Колесникова Л.В.* К вопросу о классификации ценностей личности // *Ананьевские чтения: тез. науч.-практ. конф.* — СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 2000. — С. 130-132.
7. *Михлин АС, Пирожков В.Ф.* Ценностные ориентации осужденных к лишению свободы. — Рязань, 1976.
8. *Яницкий М.С.* Психологические факторы и механизмы развития системы ценностных ориентаций личности: дис. ... д-ра психол. наук. — Новосибирск, 2000. — 301 с.

ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ У БЕЗРАБОТНЫХ ЖЕНЩИН В ПЕРИОД ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

К. О. Владимиров

Аннотация: в статье приведен анализ различий уровня стресса и механизмов психологической защиты у безработных женщин с разными социально-демографическими и личностно-биографическими показателями.

Теоретическая новизна статьи заключается в выявлении специфики механизмов психологической защиты у безработных в период кризиса. Практическая новизна — в предложении результатов эмпирического исследования механизмов психологической защиты у безработных, которые могут послужить основанием для исследований стратегий преодоления психологических барьеров у безработных.

Ключевые слова: механизмы психологической защиты, стресс, безработица, психологическое состояние безработных.

The summary: the differences of the stress level and psychological defense mechanisms of unemployed women of different social-demographic and personal-biographical factors are given in the article.

The theoretical novelty of the article is concluded in the exposure of the specific character of the psychological defense mechanisms of unemployed women in the crisis period. The practical novelty is concluded in offering the results of the empiric investigation of the psychological defense mechanisms of the unemployed that could serve as the base for the investigation of the coping strategies for the psychological

barriers of the unemployed.

Key words: the psychological defense mechanisms, stress, unemployment, psychological state of the unemployed.

В условиях мирового экономического кризиса проблема безработицы стала более актуальной. Она негативно влияет на эмоциональную сферу личности, у человека увеличивается уровень стресса, снижается самооценка, происходят изменения в ценностной сфере, не реализуется потребность в саморазвитии и самоопределении. Однако если в условиях стабильной экономической ситуации проблема потери работы и сопутствующие ей стрессы решаются легко, то в период кризиса, который привел к массовым сокращениям людей и снижению уровня средней заработной платы, эта проблема приобретает новые очертания. С одной стороны, у человека, попавшего в ситуацию безработицы, могут актуализироваться новые механизмы психологической защиты, с другой — массовый психоз, вызванный экономическим кризисом, еще больше усугубляет стрессовую ситуацию.

Для лучшего понимания проблемы безработицы нам следует рассмотреть вопрос психологического состояния безработных. Безработица вызывает множество тяжелых переживаний, ведущих в конечном счете к состоянию хронического стресса, вызванного постоянной фрустрацией многих витальных и социальных потребностей человека.

В результате этого у большинства безработных формируется состояние безнадёжности, которое сопровождается ощущением ненужности, неспособностью принести какую-либо пользу, ощущением того, что от человека ничего не зависит. В этой ситуации люди ведут себя по-разному. Кто-то замыкается в себе, потеряв интерес к окружающей жизни, а кто-то, наоборот, становится излишне говорливым.

Для понимания психоэмоционального состояния безработного важно определить, что понимается под стрессом. Под словом «стресс» в бытовом плане мы понимаем практически все ситуации, вызывающие сильное отрицательное нервно-психическое напряжение и имеющие негативные последствия для организма и психики человека.

В имеющихся словарях по психологии понятия стресса и психического напряжения чаще всего отождествляются. Дж. Эверилл вслед за С. Сэллсом [5] считает, что сущность стрессовой ситуации — утрата контроля, то есть отсутствие адекватной данной ситуации реакции при значимости для индивида последствий отказа от реагирования [4, с. 286]. П. Фресс предлагает называть стрессом особый вид эмоциогенных ситуаций, а именно: «употреблять этот термин применительно к ситуациям, повторяющимся или хроническим, в которых могут появиться нарушения адаптации» [3, с. 145]. Ю.С. Савенко определяет психический стресс как «состояние, в котором личность оказывается в условиях, препятствующих ее самоактуализации» [1, с. 97].

Особый интерес в рамках нашего исследования представляет психоаналитическая теория З. Фрейда. Основная про-

блема личности в его теории состоит в том, как ей справиться с препятствиями, различными барьерами, тревожностью, встающими на пути развития человека. По мнению З. Фрейда, тревога порождается в результате неадекватной разрядки энергии либидо. Возбуждение, незавершившееся разрядкой, преобразуется и проявляется в неврозах страха. Однако позднее он отказался от этого утверждения и, пересмотрев свою теорию, пришел к выводу о том, что тревога является функцией Эго и назначение ее состоит в том, чтобы предупреждать человека о надвигающейся угрозе, которую надо встретить или избежать [2].

Таким образом, в решении проблемы безработицы встает вопрос о том, что именно сознание человека оказывает влияние на выбор механизма психологической защиты в ситуации потери работы. Данная проблематика недостаточно раскрыта в рамках как зарубежной, так и отечественной социально-психологической науки.

В нашем исследовании для проведения диагностического эксперимента по изучению особенностей механизмов психологической защиты у безработных женщин была разработана схема экспериментального исследования с дальнейшим анализом и интерпретацией полученных данных.

Теоретический анализ проблемы исследования позволил выдвинуть исходную гипотезу: отличительными критериями защитно-совладающего поведения и уровня стресса у различных категорий безработных женщин выступают социально-демографические и личностно-биографические показатели (возраст, образование, семейное положение и наличие детей).

Таблица 1
Данные по методике «Шкала психологического стресса PSM-25»

Критерий	Возраст			Образование			Семейное положение		Наличие детей		Всего
	20-30 лет	31-40 лет	41-50 лет	Среднее	Средне-специальное	Высшее	Замужем	Не замужем	Есть дети	Нет детей	
Уровень стресса	69,6	82,7	95,3	97,6	73,4	82,1	81,2	85	90,4	74,2	84,2

Испытуемыми в исследовании выступили 60 безработных женщин — клиентов городской службы занятости населения города Пензы, со сроком потери работы до 2 месяцев. Они были разделены на ряд групп по следующим критериям: возраст (3 группы по 20 человек — в возрасте 20-30, 30-40 и 40-50 лет), образование (3 группы по 20 человек — со средним, средне-специальным и высшим уровнями образования), семейное положение (2 группы по 30 человек — состоящие и не состоящие в браке) и наличие детей (2 группы по 30 человек — имеющие и не имеющие детей).

Диагностика проводилась индивидуально с каждым испытуемым по одной и той же программе. Каждому испытуемому предлагалось пройти тестирование по двум методикам: шкала психологического стресса PSM-25 и тест психологических защит (Р. Плучик). Данные, полученные по методикам, были усреднены и сведены в таблицы.

В ходе статистической обработки результатов тестирования выборочных средних величин нами применялся математический метод обработки данных: t-критерий Стьюдента. Гипотеза H_0 отвергается при $p < 0,5$; при $0,5 < p < 1$ мы говорим о наличии тенденции.

Анализ данных по методике PSM-25 представлен в таблице 1.

Наблюдается заметная тенденция к росту уровня стресса с увеличением возраста испытуемых, а также статистически значимые различия при сравнении группы 20-30 лет с группой 41-50 лет ($t_a=3,41$; $\hat{p}=2,02$). Это может свидетельствовать о том, что с возрастом уменьшается уровень стрессоустойчивости, к тому же безработные в возрасте 20-30 лет часто имеют поддержку от родителей и обременены только своими проблемами.

При анализе межгрупповых различий по параметру образования были выявлены статистически значимые различия между группами со средним и средне-специальным уровнями образования ($t_a=2,97$; $\hat{p}=2,02$), а также наблюдается тенденция (к чему?) между группами со средним и высшим уровнями образования ($t_a=1,91$; $\hat{p}=1,68$). Полученные данные соотносятся с современными требованиями к безработным на рынке труда: человеку без образования очень трудно найти квалифицированную работу, что приводит к усилению уровня стресса; в свою очередь отмечается большая нехватка специалистов рабочих специальностей и специалистов

Таблица 2
Данные по методике «Тест психологических защит (Р. Плучик)»

Критерий	Возраст			Образование			Семейное положение		Наличие детей		Всего	
	20-30 лет	31-40 лет	41-50 лет	Среднее	Средне-специальное	Высшее	Замужем	Не замужем	Есть дети	Нет детей	С.з.	
Отрицание	2,9	2,7	3,5	2,9	3	3,1	2,9	3,1	3,1	2,9	3,4	33,5
Компенсация	2,4	2,9	3,1	3	2,9	2,6	3	2,5	3	2,5	3,1	31,3
Рационализация	2,9	3,3	3,5	3,3	3,2	3,2	3,9	2,4	3,4	3	4	33,4
Регрессия	3	3,8	5	4,2	3,8	3,9	4,2	3,6	4,7	3,2	4	28,9
Замещение	1	1,5	2,6	2,5	1,2	1,7	1	1,3	2,2	1,1	2,3	22,9
Проекция	1,5	3,3	4,4	3,8	3	2,6	3,4	1,8	3,4	1	4,1	33,8
Реактивное образование	1,8	2,5	3,8	3,6	2,8	2,8	2,7	1,9	2,7	1,9	3,1	30,5
Вытеснение	1,6	1,8	2,4	1,5	2	2,1	2,1	1,7	2	1,8	2,1	21,2

среднего звена, что создает благоприятную обстановку для успешного трудоустройства безработных со средним уровнем образования.

Различий по уровню стресса между группами замужних и незамужних безработных не обнаружено, но при этом выявлено значимое различие по уровню стресса в группах безработных, имеющих и не имеющих детей $\hat{a}=2,53$; $t_{кр}=2$). Следовательно, для современной женщины поддержка мужчины не столь значима, но забота о детях остается на первом плане.

При анализе методики «Тест психологических защит (Р. Плучик)» были выявлены следующие показатели.

Анализ критерия «возраст» по механизмам психологических защит показал статистически значимое различие в механизме *регрессия* между группами 20-30 лет и 41-50 лет $f_e=2,48$; $t^{\wedge}=2,02$). Это может указывать на то,

что с возрастом человек перестает использовать новые стратегии поведения и выбирает старые шаблонные модели. Наблюдается значимое отличие в механизме *замещение* между группами 20-30 лет и 41-50 лет $f_e=2,68$; $t_{кр}=2,02$) и тенденция между группами 31-40 лет и 41-50 лет $f_e=1,9$; $\hat{a}=1,68$), а также в механизме *реактивное образование* наблюдаются различия в группах 20-30 лет и 41-50 лет $f_e=3,22$; $t_{кр}=2,02$), та же тенденция наблюдается между группами 31-40 лет и 41-50 лет $f_e=1,99$; $t_{кр}=1,68$). Это можно объяснить тем, что безработные с возрастом не могут адекватно справиться с накопившимися стрессовыми ситуациями и начинают переносить свой негатив на близких людей, они являются конформными личностями. Безработные в группе 20-30 лет значительно реже используют такой механизм психологической защиты, как *проекция*, чем в группе 31-40

лет ($t_a=2,35$; $\hat{=}2,02$) и в группе 41-50 лет ($t_a=4,1$; $\hat{=}2,02$), что свидетельствует о том, что лица в более зрелом возрасте начинают проецировать свои неудачи на сложную жизненную ситуацию, правительство и кризис, тем самым занимая инфантильную позицию.

При анализе межгрупповых различий по параметру образования наблюдается значимое отличие в механизме замещение между группами со средним и средне-специальным уровнями образования ($t_a=2,18$; $t_{кр}=2,02$). Выявлено, что лица со средним образованием используют данный механизм значительно чаще, чем лица со средне-специальным уровнем образования. Это обусловлено тем, что безработные с высоким уровнем образования более гибки в сложных жизненных ситуациях и могут использовать разные стратегии и опираться на разные жизненные ценности.

Параметр «семейное положение» показал, что безработные замужние женщины в отличие от незамужних чаще используют такие механизмы психологической защиты, как *рационализация* ($t_a=3,38$; $\hat{=}2$) и *проекция* ($t_3=2,52$; $t_{кр}=2$), что может указывать на то, что замужние женщины больше склонны к анализу своих проблем и подходят к этому ответственно, но при этом они переносят причину своих неудач на внешние факторы (семья, государство, кризис).

Полученные данные по параметру наличия детей показывают тенденцию к более частому использованию механизма психологической защиты *регрессия* в группе женщин с детьми ($t^*=1,99$; $\hat{=}1,67$). Это можно интерпретировать

тем, что женщины, имеющие детей, с одной стороны, много проводят времени с ними и перенимают их привычки, с другой — они входят в образ родителя и начинают мыслить шаблонно, стереотипами. Обнаружено, что женщины, имеющие детей, значительно чаще используют такие механизмы психологической защиты, как *замещение* ($f_e=2,34$; $1^*=2$) и *проекция* ($f_e=2,05$; $1^*=2$). Это соответствует тому, что безработные женщины, имеющие детей, проецируют свои неудачи во внешний мир и могут выражать свой гнев на членов семьи, что негативно сказывается на психологическом климате в семье и способствует повышению уровня стресса.

Таким образом, выдвинутая гипотеза о том, что отличительными критериями защитно-совладающего поведения и уровня стресса у различных категорий безработных женщин выступают социально-демографические и личностно-биографические показатели, подтвердилась.

Литература

1. Савенко Ю.С. Проблема психологических компенсаторных механизмов и их типология // Проблемы клиники и патогенеза психических заболеваний. — М., 1974. — С. 95-112.
2. Фрейд З. О психоанализе. Пять лекций // Хрестоматия по истории психологии / под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. — М., 1980. — С. 143-183.
3. Фресс П. Эмоции // Экспериментальная психология / под ред. П. Фресса и Ж. Пиаже; вып. V. — М., 1975. — С. 111-195.
4. Averill J.P. Personal control over aversive stimuli and its relationship to stress // Psychological bulletin. — 1973. — Vol. 80. — № 4. — P. 286-303.
5. Sells S.B. On the nature of stress // Social and psychological factors in stress. — NY, 1970. — P. 134-139.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ К КНИГЕ Ф. МОХАДДАМА «ТЕРРОРИЗМ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕРРОРИСТОВ, ЧТО ОНИ ПЕРЕЖИВАЮТ И ДУМАЮТ, И ПОЧЕМУ ОБРАЩАЮТСЯ К НАСИЛИЮ»

В. А. Соснин

Аннотация: в работе проанализированы исследовательские мотивации Ф. Мохаддама, обосновывающие необходимость анализа проблемы терроризма с позиции террористов.

Ключевые слова: терроризм, мировоззрение террористов, мотивация.

Annotation: in the work there are considered ideas of the author on the problem of terrorism from the point of view of terrorists and analyses of their motivations.

Key words: terrorism, motivation, world outlook.

Почему необходимо рассматривать терроризм с точки зрения террористов?

Автор написал эту книгу с целью объяснить, почему исламский терроризм продолжает угрожать миру, остается основной глобальной проблемой современного мира и даже укрепляется в начале XXI века.

Для некоторых групп террористов терроризм — это нормальный ответ на то, что они считают несправедливым в мире. Почему это происходит? Являются ли террористы патологическими личностями? Являются ли они в своей массе необразованными и невежественными людьми? Являются ли они людьми с отклоняющейся, ненормальной структурой личности? Являются ли они угнетенными в экономическом плане людьми?

Ф. Мохаддам утверждает, что ни одно из этих представлений не является убе-

дительным объяснением. Реальные причины исламского терроризма имеют весьма косвенное отношение к упомянутым и другим характеристикам индивидуальных террористов, но в то же время непосредственное отношение к глобальному кризису идентичности.

Исламские сообщества, государства, страны, общины в современном мире во многих отношениях переживают глубочайший исторический кризис своей идентичности, одной из трагических манифестаций которого является феномен терроризма. Для того чтобы осмыслить и попытаться предотвратить эту разрушительную тенденцию, мы должны понять всеохватывающий кризис идентичности, который парализует умеренные движения, но подпитывает психическую энергетику фанатичных сил в исламских сообществах.

Возникает вопрос — почему с точки зрения террористов? Почему нам полезно понимать, как сами террористы видят окружающий мир? Ответ один — потому что для нас это лучший путь найти эффективные средства для решения проблемы терроризма. До тех пор, пока мы будем смотреть на мир глазами гражданского общества и мирных жертв актов терроризма, служб безопасности, борющихся с терроризмом (с точки зрения миллионов невинных жертв, рядовых людей, которые прямо или косвенно оказываются жертвами терроризма), понять до конца проблему терроризма

будет невозможно. Журналистам и ответственным госструктурам, документирующим акты терроризма, политикам, имеющим отношение к проблеме контроля над терроризмом, необходимо принимать во внимание точку зрения террористов.

Рассмотрение восприятия мира с точки зрения террористов не означает одобрение терроризма. Скорее это означает лучшее понимание терроризма, чтобы покончить с ним. Автор предлагает свое понимание «террористической точки зрения», которое базируется на трех положениях. Во-первых, на его прямом личном опыте жизни в исламских культурно-этнических условиях, дающих рост исламскому терроризму. Его личный опыт включает пять лет исследований постреволюционного Ирана, распространяется на афганских беженцев и на взаимодействие с исламскими группировками, боровшимися против советского вторжения в Афганистан.

Участие в этом конфликте салафитов, поддерживаемых Саудовской Аравией, шиитов-экстремистов, поддерживаемых Ираном, скрытое вторжение в афганский кризис Америки и региональная политика Пакистана — все эти факторы оказались слишком взрывоопасными, как он говорит, для Советов. И они не смогли с этим справиться. Однако эти деструктивные силы не «улетучились» с поражением Советов. Афганистан дал рост такому постепенному развитию событий, которые и привели к трагедии 11 сентября!

Во-вторых, на глубоком исследовании того, что говорят сами террористы, а также литературы об их жизни.

В-третьих, на его личном профессиональном опыте 25-летних исследо-

ваний этой проблематики (психологии групповой и межгрупповой динамики и особенно роли идентичности в разрешении межгрупповых конфликтов).

Автор объясняет свою позицию тем, что необходимо рассматривать не индивидуальные, а социальные характеристики, дающие рост терроризму, чтобы понять этот геополитический феномен и осмыслить, как положить ему конец. В своем анализе мы должны делать главный акцент на общей картине и на культурных условиях, которые дают рост моральному оправданию терроризма. Мы должны уделять основное внимание процессу трансформации этих трагических культурных условий.

Намерение Ф. Мохаддама, как исследователя, состоит в том, чтобы пролить свет на необходимость долговременной ориентации международной политики на процессы трансформации социальных, экономических и политических условий жизни мусульманских сообществ. К сожалению, западные страны в целом, и американцы в частности, стремятся закрывать глаза на реальную ситуацию и на то, как конкретные условия жизни мусульманских стран неизбежно толкают некоторых людей к осуществлению зверских актов насилия, включая терроризм. Культуры, проповедующие идеологию индивидуализма (и Америка в этом отношении является одной из ведущих культур), сталкиваются с определенными трудностями в современном мультикультурном мире. На поверхности эта идея американской мечты об индивидуальной ответственности человека за свою жизнь и опора на свои силы означает, что в американской мечте и опоре на индивидуализм нет места другому социальному контексту, в том числе кон-

тексту, который может объяснить феномен терроризма.

Основной акцент Ф. Мохаддам делает на том, что терроризм возникает из недр исламских сообществ отчасти как западных, так и не западных. Это не означает, что любой терроризм имеет религиозные основания или терроризм не в мусульманских странах исчерпал себя. Ф. Мохаддам утверждает, что основной вызов международного терроризма в начале XXI века будет связан (естественно, с противостоянием ему) с социальными, политическими и экономическими условиями, порожденными кризисом идентичности исламских сообществ. Эти условия дают рост терроризму по ряду многих мотивов: гражданских, религиозных, националистических, в том числе этнических, но (!) с тотальным оправданием того, что для реализации этих целей все средства морально оправданны.

В борьбе за то, как будет «оформляться» социокультурная идентичность исламских государств, фундаменталисты энергично и во многих отношениях воинственно и насильственно побуждают мусульманские сообщества к возврату своих великих достижений при завоевании христианского мира в прошлом. Умеренные реформаторы Ислама стараются занимать более осторожные позиции. Терроризм — это стратегическое оружие в этой борьбе, террористы смотрят на Ирак как на прецедент, убеждающий их в справедливости своей борьбы. Ирак в своей основе оказался даже более убедительным примером, чем Афганистан, Пакистан и Аравия. Он оказался оплотом для новых террористов, которые в начале XXI века могут распространять сетевые методы информационного

взаимодействия и общения на бесчисленные террористические сообщества Ближнего и Среднего Востока, включая Европу и другие регионы современного мира. Новая волна террористов в связи с событиями в Ираке, десятки тысяч террористов, направляемых из Ирака в другие части современного мира, радикально изменяют динамику сил, участвующих в так называемой войне с террором.

«Сумасшедшие!», «У них нет никакой морали!», «Самоубийцы!» — эти и многие другие подобные реакции мы слышим и интенсивно переживаем сами, когда сталкиваемся с актами терроризма.

Как утверждает Ф. Мохаддам, с нашей точки зрения, террористы, очевидно, являются ненормальными людьми, поскольку они убивают невинных людей, разрушают, наносят ущерб жизненным интересам нормальных людей. Естественно, только сумасшедшие люди могут навести лайнеры с пассажирами на здания, наполненные людьми, с целью вызвать максимальные жертвы. С нашей точки зрения, ни один нормальный человек не может совершить такие ужасные деструктивные акты. Даже в том случае, если террористы способны логически мыслить и реализовывать свои планы рационально, у них с нашей точки зрения нет никаких моральных оправданий. Как может человек, имеющий морально-нравственные нормы, убивать невинных детей, женщин и мужчин?

С нашей точки зрения, мы обязаны воспринимать террористов как моральных уродов и варваров из рода «хомо сапиенс». Вполне понятно, что, по нашему мнению, террористы являются самоубийцами. Их действия показывают, что они не ценят человеческую жизнь, включая свою собственную. Нам пред-

ставляется, что они не заботятся о том, жить ли им на этом свете или умирать. В связи с этим возникает вопрос — как люди, ценящие свою жизнь, могут приносить себя в жертву?

Размышления после непосредственных реакций

Обычно у нас возникают интенсивные отрицательные реакции на акты терроризма, и это естественно. В этих случаях мы, как правило, реагируем жестко, и это представляется нам совершенно оправданным. Во всяком случае, обычные граждане, такие как мы, являются потенциальными жертвами терактов во всех регионах мира. Мы, находящиеся в автобусах, трамваях и поездах, спешащие к месту работы, отдыхающие в кафе и барах, посещающие торговые центры, прогуливающиеся вдоль улиц, посылающие прощальный привет своим любимым людям при расставании в аэропортах, мирно спящие в своих домах, работающие в офисах — в этих бесчисленных жизненных ситуациях мы являемся невинными жертвами убийственных террористических атак.

Для нас остается один ответ на эти террористические акты — «сумасшедшие», «безнравственные», «самоубийцы». Это наша точка зрения (!), исходя из нашего мирного жизненного опыта. К сожалению, наши привычные реакции на акты терроризма не помогают нам понять феномен терроризма, и почему этот феномен стал обычным явлением в нашей жизни, или дать нам ответ на то, как нам с ним бороться. Это происходит оттого, что наша интуитивная и по сути узкая реакция резко ограничивает наше понимание общих цивилизационных проблем мировосприятия.

Для того чтобы лучше понять феномен терроризма, нам необходимо разбираться в мировоззрении террористов — как они видят мир, что они думают и почему думают так, а не иначе, какие критерии они считают нравственными и оправдывающими их поведение. В то же время возникает вопрос — полезно ли рассматривать точку зрения террористов на проблему терроризма как на стратегическое оружие? Почему нам вообще необходимо предпринимать усилия для понимания субъективных представлений террористов? Это же люди, причиняющие нам ущерб?! В чем польза понимания их точки зрения? Не работает ли такой подход им на пользу?

Реагируя на эти резонные и оправданные вопросы, как утверждает автор, прежде всего необходимо отметить одно положение: мы обязаны анализировать представления террористов, чтобы понимать суть их мировоззрения. Нам необходимо жестко противостоять этому феномену и в то же время глубже понимать причины поведения террористов. Действительно, если мы приходим к пониманию точки зрения террористов, у нас появляется возможность эффективно противостоять указанному геополитическому феномену и выдвигать идеи, способствующие искоренению данного опасного явления.

Без этого понимания миллиарды долларов и усилия сотен тысяч специалистов, участвующих в борьбе с терроризмом, будут тратиться впустую. Мы будем получать удовлетворение от частных побед — от одной частной победы к другой, даже не понимая реального успеха в борьбе с террористами, как на Ближнем Востоке, так и в других регионах мира.

С точки зрения террористов, стратегия терроризма — это рациональная стратегия решения проблем и принятия стратегических решений. Террористы считают себя вполне разумными людьми, любящими жизнь, как и все другие люди! Они не являются самоубийцами и не считают, что их жизнь ничего не стоит, взрывая себя во имя военно-политической борьбы. С их точки зрения, это существующий аморальный мир требует реформирования, а не они (террористы), выступающие против этого безнравственного цивилизационного устройства.

С точки зрения террористов, события 11 сентября 2001 года, когда были атакованы башни торгового центра в Нью-Йорк Сити, получили полное одобрение. *С точки зрения террористов*, группа коммандос, атакующих Соединенные Штаты и их военные структуры на их территории и за границей, объявили мировую войну из-за того, что не были услышаны в коридорах американского правительства. *С точки зрения террористов*, не имеет значения, объявит американское правительство войну с террористами или не объявит, их это совершенно не беспокоит и не изменит природы террористических рейдов, таких как 11 сентября 2001 года. *С точки зрения террористов*, террористы-самоубийцы — это просто «реактивные снаряды», выступающие как наиболее эффективное средство более слабой армии в борьбе с более сильной. *С точки зрения террористов*, цели оправдывают средства: идеальное общество, являющееся конечной целью исламских джихадистов, оправдывает все и вся.

С точки зрения террористов, организации, которым правительством Со-

единенных Штатов и их союзниками присваивается статус «террористы», в действительности являются организациями, широко вовлеченными в культурную деятельность своих сообществ, организующими и спонсирующими реальные потребности жизни простых граждан своих сообществ, включая организацию и поддержку образовательных программ для подрастающего поколения. Цивилизованные правительства западных стран называют критерии, по которым организации и движения следует относить к террористическим. И в этом плане они дают общий посыл о том, что эти организации осуществляют только террористические акты.

Например, такие группы, как «Хамас», «Тигры освобождения Тамил Илама», «IRA», «ETA» и «Аль-Каида» правительствами западных стран объявляются организациями, убивающими невинных граждан, наносящими ущерб людям, их собственности и создающими хаос в государствах западного мира.

Однако, *с точки зрения террористов*, активность этих так называемых террористических организаций распространяется на сферу образования и воспитание подрастающего поколения, на поддержку социальной жизни людей, в том числе на сферу благотворительности. В своих сообществах эти организации хорошо известны как структуры, традиционно помогающие бедным и обездоленным, заботящиеся о вдовах погибших и обеспечивающие условия существования обездоленным людям. *С точки зрения террористов*, «Хамас» и другие террористические организации, считающиеся таковыми по представлению западных государств, ведут работу с региональными коррумпированными структура-

ми в своих странах. Например, работая с Западным банком, «Хамас» оказался способным получить поддержку у беднейших слоев населения, поскольку он выступал как защитник обездоленных людей в своем обществе, организовывал специальную помощь именно этим слоям населения. Это объясняет популярность организации «Хамас», выразившуюся в ее победе на выборах.

В Северной Ирландии IRA аналогично выполняла неофициальную функцию поддержки католических семей, когда местные правительственные структуры не могли или не хотели этого делать. Организация «Тигры освобождения Тамил Илама» — это структура, полностью вовлеченная в процесс воспитания, сохранения здоровья и организации работы социальных служб для местного населения. Она не просто сконцентрирована на организации актов терроризма, как утверждают властные структуры Шри-Ланки.

Организация «Хесболла» — это классический пример группы, обозначаемой в западных средствах массовой информации только как террористическая. Однако в таких регионах Ближнего Востока, как Ливан, она воспринимается как организация, выполняющая разнообразные социальные функции. Для местного населения организация «Хамас» — это «Партия Бога», и она не только выполняет социальные функции, но и пытается трансформировать себя в политическую партию, участвующую в демократических выборах. Организации «Тигры освобождения Тамил Илама», политическое крыло IRA, «Хамас» и многие другие террористические, с точки зрения Запада, организации движутся именно в направлении этой трансформации. «Хес-

болла» оказалась очень эффективной структурой как при решении вопросов, касающихся открытия школ для детей из простых и обездоленных семей, так и при организации социального порядка в контролируемых этой организацией регионах Ливана.

С точки зрения террористов, такие организации, как «Хамас», «ЕТА», «Тигры освобождения Тамил Илама», «IRA» и «Аль-Каида» являются подлинными представителями интересов простых угнетенных людей, особенно в сообществах третьего мира. Сфера деятельности и приоритетные проблемы, решаемые этими организациями при работе с местным населением, достаточно обширны. В то же время они атакуют «врага», коррумпированные региональные правительства и мировые державы, особенно Соединенные Штаты, которые поддерживают эти продажные местные режимы. В связи с этим, *с точки зрения террористов*, можно понять, почему цели и задачи террористических организаций не являются такими, как они представляются с позиций западного гражданского общества.

Проблема иррациональности

«Почему террористы атакуют невинных граждан»? «Чего они стремятся достичь»? «Они совершенно ненормальные люди!»

Стереотипные представления в отношении террористов, широко распространенные на Западе, сводятся к тому, что они (террористы) иррациональны, а их стратегии сопротивления не состоятельны. Снова и снова террористы представляются как люди, не способные к рациональному мышлению, их планы представляются сумасшедшими. По-

сколькx трагедия 11 сентября 2001 года была особенно широко представлена в иррациональных образах в отношении организации «Аль-Каида», этот образ в западных средствах массовой информации состоял в следующем. Это группа сумасшедших людей, они являются обычными зомби, совершающими зверские акты насилия над местным населением, не имеющие никакого логически рационального смысла. Как представляется, такая логика и рациональность действий вытекала из рассуждений западной правящей элиты, а не из рассуждений членов «Аль-Каида». Однако следует посмотреть на проблему 11 сентября с других позиций.

С точки зрения террористов, организация «Аль-Каида» осуществила рациональный план по достижению своих публично заявленных целей. Большая часть европейской западной ответственности оставалась в неведении в отношении целей террористов, поскольку специфика последствий их ужасных актов «пленила» их сознание, а их стратегические цели были «похоронены» под запретом любых дискуссий в этом отношении.

Трудно концентрировать внимание на рациональных стратегических целях террористов, когда рядовой человек слышит и читает истории об ужасных последствиях совершения террористических актов и их самоубийственных жертвах, положенных на алтарь терроризма. Однако эти цели не так трудно понять. Они широко представлены в декларациях террористов, особенно в виртуальных выступлениях Бен-Ладена и других лидеров «Аль-Каида». В общем эти цели сводятся к следующим позициям.

1. Убрать как явные, так и скрытые силы влияния США с земель исламского мира (прежде всего на Ближнем и Среднем Востоке). Поскольку скрытое американское влияние остается в отношении Саудовской Аравии, страны, которая в геополитическом плане занимает наиболее важные священные земли традиционной территории Ислама, включая Мекку как место ежегодного паломничества миллионов исламских пилигримов со всего света.

2. Прекратить необоснованную, по мнению этих групп, военную и политическую поддержку Израиля со стороны Соединенных Штатов.

3. Прекратить поддержку марионеточного коррумпированного режима в Саудовской Аравии и манипуляцию с поведением этого режима и других диктаторских режимов на Ближнем и Среднем Востоке, включая Северную Африку. *С точки зрения террористов*, достижение этих целей, особенно с позиций организации «Аль-Каида», с успехом компенсирует огромное неравенство между ее силами и возможностями и потенциалами США, позволяющих распространять свои террористические стратегии на все регионы мира. Вполне понятно, что «Аль-Каида» не сможет победить Соединенные Штаты в военном отношении, поскольку такая победа являлась бы смертельным приговором организации. Более рациональная стратегия борьбы с точки зрения террористов — это пытаться влиять на стратегические решения Соединенных Штатов через систему электората.

С точки зрения террористов, гражданское население Соединенных Штатов выбирает президента (хотя и косвенно), народных представителей и се-

наторов, которые принимают важные решения. Следовательно, население Соединенных Штатов несет определенную ответственность за то, что «Аль-Каида» считает и рассматривает как военные интервенции против мусульманских стран. В связи с этим гражданское население Соединенных Штатов рассматривается террористами как легитимная цель воздействия в войне между «Аль-Каида» и Соединенными Штатами. Организация террористических атак на мирное население США, Великобритании и других «оккупационных» стран, с точки зрения террористов, позволяет влиять на результаты выборов в этих странах, а также на политические решения их руководства.

С точки зрения террористов, рациональная основа их подхода хорошо иллюстрируется выборами в Испании в марте 2004 года. Испанское правительство, возглавляемое премьер-министром Хосе Мариа Аснар, вступило в жесткое противостояние с Соединенными Штатами — союзником в проблеме интервенции в Ираке в 2003 году. Политическое намерение испанского правительства вывести свой контингент вооруженных сил из Ирака получило поддержку населения. Однако правительство Аснара в конечном счете проигнорировало призыв своего народа. В результате Аснара, обещавшего продолжить политику поддержки Соединенных Штатов, в руководстве страной заменил господин Хосе Луис Сапатеро.

События 11 марта 2004 года в Испании (серия террористических актов в пригороде Мадрида, повлекших за собой смерть 192 человек и тяжелые ранения у 2050 человек) за три дня до общих выборов оказали огромное влияние на их

результаты. Первоначально в совершении терактов власти Испании обвинили баскских сепаратистов, однако затем испанское правительство было вынуждено признать, что за взрывы несет ответственность «Аль-Каида». В итоге избиратели проголосовали против правящей партии. А пришедшее к власти новое правительство вывело испанский контингент войск из Ирака.

С точки зрения террористов, вывод испанского корпуса войск из Ирака был результатом рациональной стратегии войны, которая в том числе включала и террористические атаки против мирного населения. Террористические атаки, осуществленные «Аль-Каида», были спланированы для достижения максимального воздействия при использовании минимума ресурсов. Например, 7 июля 2005 года в Лондоне, в момент открытия саммита Большой восьмерки, который принимал английский премьер-министр Тони Блэр в Эдинбурге (Шотландия), террористами-смертниками были осуществлены четыре скоординированных взрыва, парализовавших работу общественного транспорта на целые сутки и приостановивших всю деловую и социальную жизнь города. Представители средств массовой информации уже были готовы освещать встречу лидеров ведущих мировых держав в Эдинбурге, однако в одночасье господин Блэр и весь аккредитованный журналистский корпус были вынуждены переместиться на южные окраины Лондона, где произошли взрывы, и сосредоточить внимание на совершенных терактах, а также на заявлениях «Аль-Каида» от имени «справедливого мусульманского мира». Исходя из целей террористов, вдохновляемых организа-

цией «Аль-Каида», эти бомбовые атаки были вполне рациональными, даже не смотря на то, что мы правильно понимаем эти смертельные атаки как ужасное преступление.

Расширение террористической активности в Иордании — это тоже часть более широкой рациональной стратегии террористов. Открытие военных действий в Ираке дало исламским террористам возможность использовать Ирак как пункт для вербовки наемников и организации террористических актов против уязвимых с их точки зрения местных проамериканских режимов в этом регионе. 9 ноября 2005 года бомбы почти одновременно были взорваны в трех «западных» отелях — «The Grand Hyatt Hotel», «The Redisson SAS Hotel» и «The Days Inn Hotel» в Аммане. Погибли пятьдесят четыре человека, сотни были ранены, включая граждан США.

В результате этих жестоких атак король Иордании, поддерживаемый Соединенными Штатами, был вынужден принять меры к дальнейшему усилению работы служб безопасности в отношении политических и гражданских активистов в своей стране. Как следствие, отсутствие свободы и демократии в Иордании стало еще более очевидным. И это сделало монархию еще более уязвимой для критики как внутри страны, так и за ее пределами. Соединенные Штаты оказались в довольно неудобной ситуации, воздавая молитвы за демократию, но одновременно оказывая поддержку монархическому режиму в Иордании (также как и в Саудовской Аравии и ряде других государств региона). Таким образом, с точки зрения террористов, насилие имеет стратегическую цель в борьбе

с такими режимами, как монархия в Иордании.

Для того чтобы лучше понимать и предсказывать, что будут делать террористы из организации «Аль-Каида» и новые поколения террористов, нам необходимо признать, что, с точки зрения террористов, во-первых, насилие не является монополией только государственных структур, а во-вторых, национальные границы проницаемы и не являются подходящим средством защиты.

В связи с этим террористы считают законным для себя использовать насилие, в том числе против мирных граждан, для достижения политических целей. Они не признают законное право правительств на монополию в отношении применения насилия с помощью различных законных национальных или региональных военных сил (например, НАТО). Кроме того, международные террористические организации нового поколения, такие как «Аль-Каида», сильно отличаются от IRA, ETA и других территориально ограниченных групп, которые очерчивают сферу своей активной деятельности пределами национальных границ (например, IRA в Великобритании, ETA в Испании). Для террористов нового поколения не существует никаких территориальных ограничений. Террористы XXI века — это глобальная и буквальная угроза миру.

Мир любой ценой?

«Почему они так насильственны»? «Почему они не используют мирные средства»? «Почему они не понимают, что нам необходим мир любой ценой»?

Террористы в западных СМИ и часто в средствах информации других регионов планеты, где доминирует Запад,

изображаются насильственными и извращенными людьми, врагами мира. Единственные новости, которые сообщаются в отношении таких групп, как «Аль-Каида», касаются только их смертельных атак. Когда подобные террористические акты анализируются и делаются оценки в отношении оснований мотивации действий террористов, обычно выносятся заключения, что террористы выступают против мира. С точки зрения подавляющего большинства западных средств массовой информации, террористы ненавидят мир, тогда как Соединенные Штаты и другие западные демократии его поддерживают.

С точки зрения террористов, не может быть никакого мира без справедливости, конечно, такой справедливости, как они ее понимают и определяют сами. Это жизненно важная позиция, поскольку в данном вопросе террористы получают поддержку и симпатию во многих регионах мира — как западного, так и не западного. Симпатия, которую завоевывают террористы, во многих случаях проистекает и связана с американской внешней политикой и соответствующими антиамериканскими настроениями.

Как отмечено в результатах и выводах большого международного исследовательского проекта «Pew Global Attitudes Project») (который по сути переводится как исследование глобальных установок), антиамериканские настроения нарастают во всем мире, даже в Великобритании, традиционном союзнике Соединенных Штатов. Например, в период с 2000 и 2004 год показатель поддержки Соединенных Штатов упал следующим образом: с 83 до 58 % в Англии, с 62 до 37 во Франции, с 52 до 30 в Турции, с 77 до 27 % в Марок-

ко. Волны антиамериканских настроений проносятся по всей Западной Европе, на Ближнем и Среднем Востоке, в Латинской Америке и ряде других частей планеты. Отчасти эти настроения опираются на вполне разумную идею — нет никакого мира, поскольку нет никакой справедливости, а источником несправедливости в мире в подавляющем большинстве случаев считается международная политика США.

В XXI веке Соединенные Штаты резко усилили свою риторику в отношении демократии. И действительно отдельными представителями в правительстве Соединенных Штатов предприняты реальные усилия по поддержке демократических движений, по крайней мере, в отдельных регионах мира. Со стороны представителей США это сопровождается демонстрацией «нового чистосердечия» и прямоты на мировой арене. Так, Кондолиза Райс, госсекретарь Соединенных Штатов, во время своего визита на Ближний и Средний Восток в июне 2005 года сделала довольно храброе высказывание, звучащее как декларация: «В течение 60 лет моя страна, Соединенные Штаты, стремилась добиваться стабильности в этом регионе Ближнего Востока за счет демократии, но мы ничего не достигли. Теперь мы выбираем другой курс. Мы поддерживаем демократические чаяния всех людей» [1]. Таким образом, К. Райс предлагает египтянам и саудитам ускорить демократизацию своих обществ. Соединенные Штаты, кажется, готовы открыть новую страницу в политике и поддерживать мир вместе со справедливостью, чем мир вместо справедливости, хотя бы в некоторых регионах мира. Эта новая ориентация

пока не отражается в словах официальных лиц, но начинает поддерживаться некоторыми действиями. Соединенные Штаты пытаются оказывать свое влияние в Египте и других диктаторских обществах третьего мира, пытаясь создать образ большей открытости.

В своей книге автор подробно обсуждает, как диктаторские режимы в Египте и других странах Ближнего и Среднего Востока подавляют гражданские оппозиционные группы, поэтому оппозиция может возникать только из мечетей. Такая ситуация предоставляет для Запада следующий выбор: либо продолжать поддержку диктаторским режимам, либо прекратить ее и стать свидетелем того, как исламские фундаменталисты возьмут под свой контроль большинство регионов Ближнего и Среднего Востока.

Реакции террористов и либералов на проблему демократии в исламских обществах

1. С точки зрения террористов, существуют три положения, объясняющие их реакцию на «экспорт демократии», осуществляемый со стороны Соединенных Штатов. В основе этих положений лежит идея о том, что Соединенные Штаты не заслуживают доверия, что за риторикой американской политики скрывается иная реальность.

2. С точки зрения террористов, Соединенные Штаты в действительности не хотят установления подлинной демократии в исламских обществах. Все, что они хотят, это установление режимов, структуры которых Соединенные Штаты могли бы контролировать. Критическим положением в длинной серии демократических движений в различных не за-

падных странах¹ является то, что эти движения угрожали интересам США.

3. С точки зрения террористов, эта новая продемократическая политика Соединенных Штатов предназначена только для того, чтобы контролировать страны третьего мира, используя новую стратегию, которая оказалась востребованной в связи с реалиями XXI века. *С точки зрения террористов,* Соединенные Штаты и другие западные страны, скорее всего, намерены поддерживать демократию только тогда, когда они приводят к власти прозападные правительства. Соединенные Штаты усвоили урок, что демократия в третьем мире подобна опасному и непредсказуемому тигру. Ряд известных движений в третьем мире все же пришли к власти. Так, Хомейни в Иране и Уго Чавес в Венесуэле — это народные лидеры, которые могут победить, но в то же время они жестко антиамериканские лидеры. И Соединенные Штаты делают все возможное, чтобы свергнуть эти типы подлинно народных демократий.

4. С точки зрения конкретных групп террористов, включающих в себя главным образом террористов, вдохновляемых фундаменталистскими интерпретациями Ислама, наиболее важным является то, что демократия нежелательна в глобальном масштабе, так как она не согласуется с их видением идеального мира.

5. С точки зрения террористов, демократия дает людям слишком много свободы в выборе путей и создает но-

¹ От Ирана в начале 1950-х годов, Египта в 1960-х годах, а также Бразилии и Боливии в первой декаде нового тысячелетия, которым явно или скрыто противостояли Соединенные Штаты или другие западные державы.

вые типы социальных отношений и политических структур. Возможности таких выборов и таких свобод легко могут увести людей от идеального исламского общества, как его понимают фундаменталисты.

Естественно, как у себя дома, так и за границей, критика международной политики Соединенных Штатов имеет тенденцию подтверждать правильность позиций (1) и (2), отмеченных ранее. Таким образом, критики продолжают считать и подозревать, что, во-первых, Соединенные Штаты продолжают выступать против подлинной демократии. Например, они отмечают, что даже в послевоенном Ираке на глазах у всей мировой общественности и СМИ Соединенные Штаты пытались вмешиваться в выборы и манипулировать свободными средствами массовой информации Ирака в пользу конкретных кандидатов, таких как спонсируемый американцами действующий премьер-министр Нури аль-Малики (который позднее выступил против политики Соединенных Штатов в Ираке). Во-вторых, критики продолжают подозревать, что Соединенные Штаты используют свое влияние, чтобы попытаться убрать лидеров левого толка, пришедших к власти, даже если они выбраны на основе демократических выборов (в Венесуэле, Бразилии и в других странах).

Однако на мировой политической арене в целом согласие с положениями (1) и (2) не ограничивается либеральной и интеллектуальной критикой международной политики Соединенных Штатов. Рост антиамериканских настроений среди обычных людей во всем мире, включая Западную Европу, связывается с их мнением о том, что американское пра-

вительство поддерживает демократию в Третьем мире только тогда, когда выбранные правительства проводят проамериканскую политику и защищают интересы американского бизнеса. Это означает, что поддержка Соединенных Штатов в войне против терроризма не так сильна. И критика доходит до утверждения, что термин «террорист» бессмысленен, поскольку «террорист для одной личности, является борцом за свободу для другой личности».

Аргумент «борец за свободу для другой личности...»

В этой дискуссии автор использует термин «терроризм» в следующем смысле: политически мотивированное насилие, совершаемое индивидами, группами или агентами, спонсируемыми государством, с целью создания атмосферы террора и беспомощности у гражданского населения, чтобы повлиять на принятие решений и изменить поведение.

Ф. Мохаддам разделяет точку зрения о том, что термин «террорист» бессмысленен, поскольку «террорист для одной личности является борцом за свободу для другой личности». Однако он согласен с тем, что действия правительства ряда государств, включая США и другие западные страны, по-видимому, узаконили положение «борец за свободу для одной личности, является террористом для другой личности». Внутри правительства Соединенных Штатов есть ряд группировок, некоторые из которых более продемократичны, чем другие, как по своим целям, так и по методам проведения политики. Некоторые группировки поддерживают террористическую активность против правительств, недру-

жественно относящихся к Соединенным Штатам.

Рассмотрим, например, стремление правительства Соединенных Штатов поддерживать симпатии к Луису Посада Каррильесу, кубинскому изгнаннику и антикастровскому активисту, который по международным стандартам квалифицируется как террорист, однако в то же время приветствовался как борец за свободу антикастровскими силами. Господин Каррильес работал на ЦРУ с 1961 по 1967 год и в феврале 2005 года каким-то образом возвратился в Соединенные Штаты, стремясь получить политическое убежище в попытке уйти от наказания за совершение терактов, включая убийство итальянского туриста при организации террористической атаки на месте скопления туристов в Гаване в 1977 году. Имеющиеся свидетельства указывают также на вовлеченность господина Каррильеса в организации взрыва на кубинском коммерческом лайнере, который унес жизни семидесяти трех пассажиров в 1976 году.

Аналогичный случай с господином Орландо Босхом, руководящим членом насильственной антикастровской группы во Флориде, рассматриваемый антикастровскими группами и некоторыми людьми из правительства Соединенных Штатов как борец за свободу, хотя многими международными обозревателями считается террористом. В 1989 году министерство юстиции Соединенных Штатов действительно объявило господина Босха террористом и предприняло шаги к его депортации. Однако спустя год, первая администрация Буша отменила депортацию, и господину Босху было разрешено вернуться в Соединенные Штаты [2]. Эти и другие аналогичные случаи,

по-видимому, являются достаточно убедительными и укрепляют утверждение «террорист для одной личности, является борцом за свободу для другой личности». Опасность такого двойственного подхода заключается в том, что сам термин «террорист» будет рассматриваться только как политическое оружие, а именно, «наши парни» всегда будут борцами за свободу и только «их парни» будут террористами.

К счастью, большинство людей признает, что взрыв кубинского гражданского лайнера и взрыв американского гражданского лайнера — оба события являются актами терроризма, независимо от того насколько различные правительства интерпретируют эти акты. Мы можем не разделять и не соглашаться с деталями определения, но на практике большинство разумных людей согласны с тем, что если индивид ведет себя как террорист, взрывает бомбы как террорист, стреляет как террорист, тогда он и есть террорист.

Сила контекста

Основная цель автора книги — объяснить видение мира с точки зрения террористов и, отталкиваясь от этого, показать, как нам можно покончить с терроризмом. Акцент его анализа сосредоточен на том, как конкретно социальные условия жизни дают рост возникновению морали, оправдывающей и поддерживающей терроризм. Сила такого контекста настолько велика и давление этого контекста на отдельных людей с целью подчинить и приспособить настолько сокрушительно, что многие из них делают выбор в поддержку морали, оправдывающей терроризм. А другие идут еще дальше — соверша-

ют акты терроризма, основываясь на этой морали.

Хотя у индивидов всегда есть некоторая мера свободы (свободы воли) в выборе путей для своих действий, все же в определенных условиях ситуационные факторы делают один из этих путей более вероятным, по сравнению с другими. Существует множество возможностей и ситуаций, когда сила контекста проявляет себя в нашей жизни и заставляет нас принимать повседневные решения по вполне конкретному варианту. Например, Джон мог выбрать и надеть яркий красный или желтый галстук на похоронах своего дяди в Нью-Йорке. Однако, скорее всего, он вместо этого выберет черный или более темный галстук. Также, когда Джон женится, его будущая супруга могла бы пойти по альтернативному пути — надеть черное платье на свою свадьбу. Однако намного вероятнее, что она наденет белое. В этих случаях индивидуальные выборы — решение Джо-

на надеть темный галстук на похороны и его избранницы надеть белое платье на их свадьбу — в определенной мере были их свободным выбором, и мы можем возложить на них ответственность за свой выбор. В то же время мы должны признать, что их решения (выбор) в большей степени были обусловлены социальными контекстами (похоронами и свадьбой).

Автор рассмотренной книги хотел показать, что терроризм объясняем силой контекста. Хотя мы можем и должны возлагать ответственность на индивидуальных террористов за свои действия, более эффективный путь к искоренению терроризма — это изменять условия, дающие рост формированию морали, оправдывающей терроризм.

Литература

1. New York Times. — 2005. — June, 21. — P. 1 and 4.
2. Weiner T. Case of Cuban exile could test the U.S. definition of terrorism // Washington Post. — 2005. — May, 9. — A1 and A13.

ОРГАНИЗАЦИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОТБОРА В УИС РОССИИ

Б. Г. Бовин, А. М. Раков

Аннотация: в статье рассматривается современное состояние психологического отбора в УИС.

Ключевые слова: психологический отбор, психофизиологические обследования, психологическая пригодность.

Abstract: this article discusses the current state of psychological screening in UIS of Russia.

Key words: psychological selection, physiological examination, a psychological suitability.

Организация и проведение психофизиологических обследований осуществляется в соответствии с требованиями Указа Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г., приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 6 июня 2005 г. № 76; приказа Министерства юстиции от 12 декабря 2005 г. № 238 «Об организации деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы», приказа ГУИН Минюста России от 20 апреля 1999 г. № 170; методических рекомендаций ЦПД ЦВВК «Об организации взаимодействия центров психофизиологической диагностики военно-врачебных комиссий с отделами кадров и психологическими службами территориальных органов УИС Минюста России» от 11 декабря 2002 г. № 18/28-2196, Инструкции о порядке проведения военно-врачебной экспертизы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации,

утвержденной приказом Минюста России от 26 августа 2003 г. № 206 и других законодательных актов и нормативных документов по военно — врачебной экспертизе.

Психологическое обследование в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы (УИС) России в 2009 г. осуществлялось отделом психофизиологической диагностики ЦВВК ФСИН России, 71 центром психофизиологической диагностики при территориальных органах УИС, 5 отделами психологической службы территориальных органов УИС.

Основная задача центров психофизиологической диагностики — профессионально-психологический отбор, основные цели которого следующие:

- выявление среди кандидатов на службу, учебу и среди сотрудников при перемещении на различные должности в УИС лиц с нервно-психической неустойчивостью или находящихся в состоянии психической дезадаптации;
- оценка психологической пригодности кандидатов к различным видам деятельности в УИС и сотрудников при перемещении на должности, а также прогноз академической успеваемости и профессиональной успешности кандидатов на учебу;
- оценка уровня профессиональной адаптации кандидатов на службу после прохождения испытательного срока (первоначальной подготовки) и сотрудников при перемещении;

Таблица 1
Суммарная штатная численность центров психофизиологической диагностики

Штатные единицы		
	Аттестованные	Вольнонаемные
Руководители	56 (33,3 %)	0
Заместители начальников ЦПД	1 (0,6 %)	0
Старшие эксперты-психологи	2 (1,2 %)	0
Эксперты-психологи	84 (50 %)	10 (66,7 %)
Инженеры-программисты	7,5 (4,5 %)	0
Врачи функциональной диагностики	8,5 (5,1 %)	3 (20,0 %)
Фельдшеры	5 (3 %)	0
Прочие	4 (2,4 %)	2 (13,3 %)
Всего	168	15

- выявление лиц с асоциальными установками, корыстно-утилитарной мотивацией, а также употребляющих психоактивные вещества.

Отделом психофизиологической диагностики ЦВВК ФБУЗ ГКЦМСР ФСИН России были проанализированы информационно-статистические данные ОПД ЦВВК, ЦПД при территориальных органах УИС и отделов психологических служб территориальных органов УИС, временно выполняющих функции ЦПД. Анализ проведен по данным 78 представленных отчетов.

Согласно регионов штатных расписаний ЦПД ВВК, суммарная штатная численность центров психофизиологической диагностики составила на конец 2009 г. 183 штатных единицы (табл. 1).

По-прежнему остро стоит проблема с введением аттестованных единиц в центры психофизиологической диагностики. В ОПД ЦВВК поступает много обращений начальников территориаль-

ных органов о необходимости увеличения штатов в ЦПД.

Кадры сотрудников ЦПД распределились следующим образом (рис. 1):

1. По возрасту: до 30 лет — 28,2%; от 30 до 55 лет — 71,8%; старше 55 лет — 0%.

2. По стажу психологической работы (рис. 2): менее 10 лет — 40%; от 10 до 20 лет — 40%; свыше 20 лет — 20%.

3. По стажу работы по психофизиологической экспертизе (рис. 3): до 5 лет — 38%; от 5 до 10 лет — 55%; свыше 10 лет — 7%.

За 2009 год проведено 76593 обследований. Из них: ретестирований дважды — 8066 (10,5%), ретестирований трижды — 1020 (1,3%), незавершенных обследований (отказ от дальнейшего обследования, неявки) — 1201 (1,6%), вынесено экспертных заключений — 66306 (86,6%). Средняя нагрузка на одного эксперта-психолога составила 504 обследования в год, что соответствует норме согласно приказу Минюста

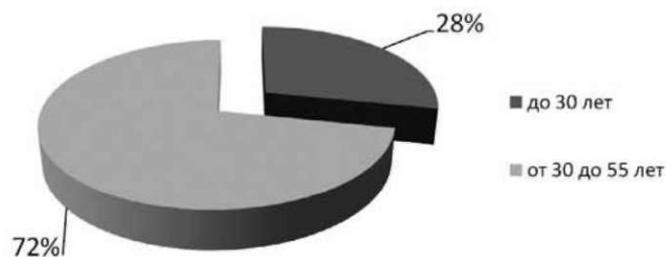

Рис. 1. Распределение кадров психологов по возрасту

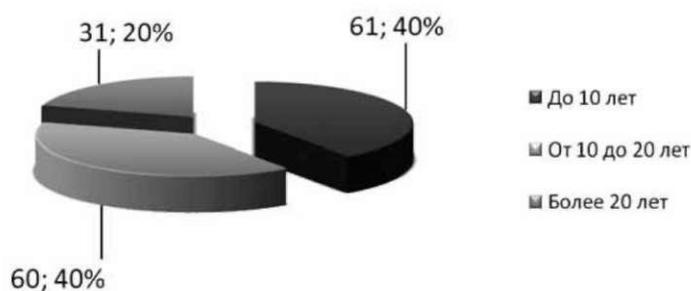

Рис. 2. Распределение кадров психологов ЦПД по стажу

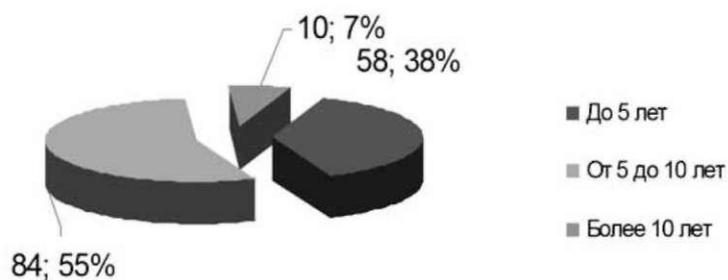

Рис. 3. Распределение кадров психологов ЦПД по экспертному стажу

России от 12 декабря 2005 г. № 238, (не более 4 обследований в день).

Экспертные заключения вынесены по следующим направлениям: вновь поступающие на службу — 43327; направление на обучение — 4336; перемеще-

ние на должность — 5609; после окончания стажировки — 1092; продление контракта — 3973; прочие — 7969.

Основной контингент обследуемых лиц—это вновь поступающие в уголовно-исполнительную систему—65%. Осталь-

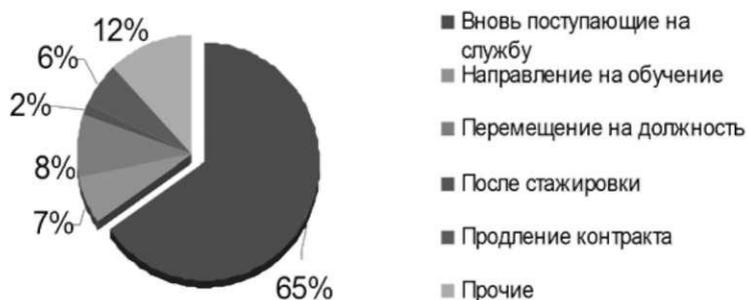

Рис. 4. Категории обследованных лиц

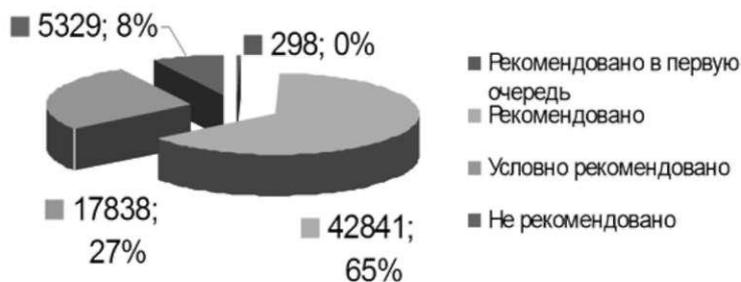

Рис. 5. Вынесенные заключения с выводами

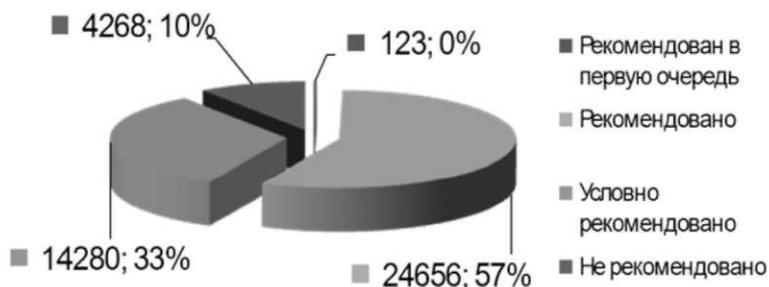

Рис. 6. Распределение выводов по вновь поступающим

ные категории сравнительно немногочисленны — от 2% до 12% (рис. 4).

Вынесены заключения со следующими выводами (рис. 5): рекомендовано в первую очередь — 298; рекомендовано — 42841; условно рекомендовано —

17838; не рекомендовано — 5329.

Из них (рис. 6): вновь поступающие: рекомендовано в первую очередь — 123; рекомендовано — 24656; условно рекомендовано — 14280; не рекомендовано — 4268.

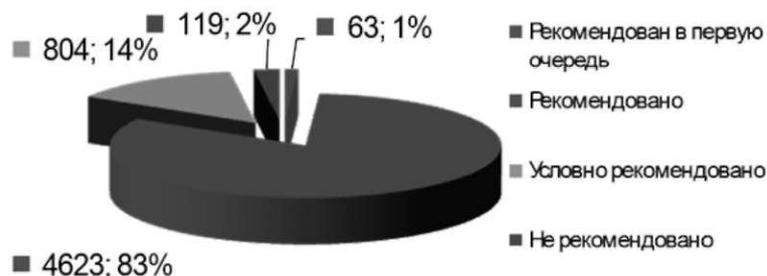

Рис. 7. Распределение выводов по перемещению на должности

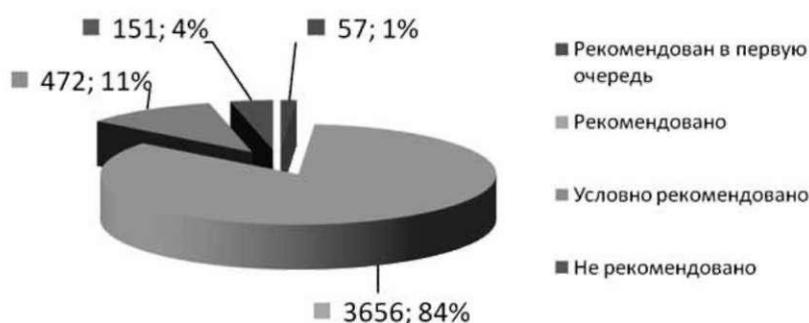

Рис. 8. Распределение выводов при направлении на обучение

Перемещение на должность (рис. 7): рекомендовано в первую очередь — 63; рекомендовано — 4623; условно рекомендовано — 804; не рекомендовано — 119.

Направление на обучение (рис. 8): рекомендовано в первую очередь — 57; рекомендовано — 3656; условно рекомендовано — 472; не рекомендовано — 151.

После окончания стажировки (рис. 9): рекомендовано — 942; не рекомендовано — 149; условно рекомендовано — 1.

Продление контракта (рис. 10): рекомендовано в первую очередь — 32; рекомендовано — 3192; условно рекомендовано — 632; не рекомендовано — 117.

Прочие (рис. 11): рекомендовано в первую очередь — 17; рекомендовано — 5778; условно рекомендовано — 1649; не рекомендовано — 525.

По сравнению с предыдущим годом структура психофизиологического обследования претерпела следующие изменения: значительно увеличилась доля обследований вновь поступающих на службу, но уменьшилась доля обследований сотрудников при перемещении, продлении контракта, по окончании стажировки и направлении на обучение.

Результаты психофизиологического обследования показывают, что полностью соответствуют существующим критериям психофизиологического отбора менее 1% лиц, проходящих через цен-

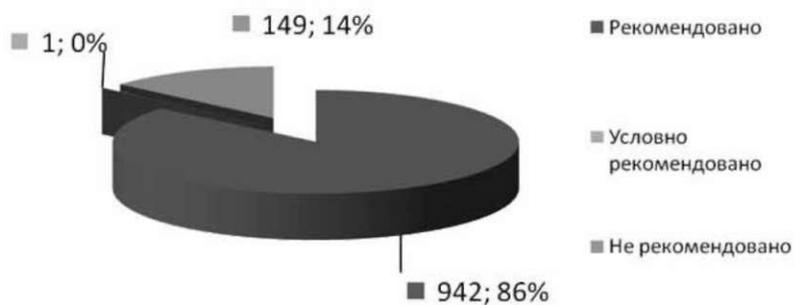

Рис. 9. Распределение выводов по окончании стажировки

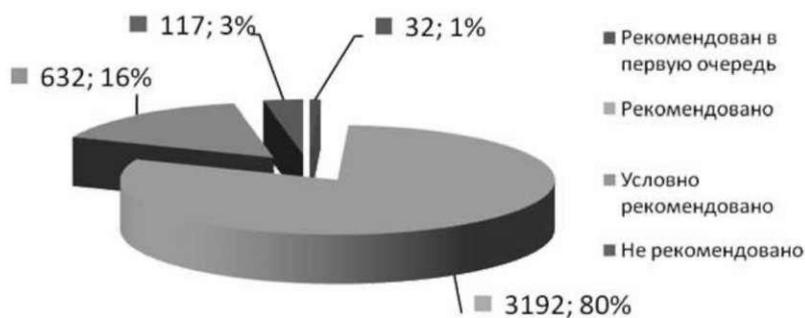

Рис. 10. Распределение выводов по продлению контрактов

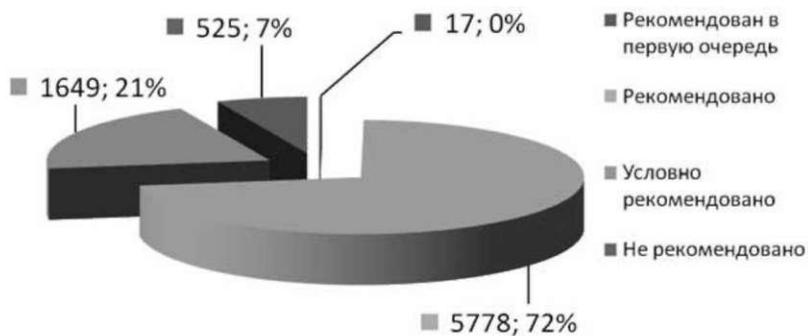

Рис. 11. Распределение прочих выводов

Таблица 2

Количество и структура обследований за 2007–2009 гг.

Число обследований и их структура	Показатели, %		
	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Вновь поступающие на службу	57,4	60,0	65
Направление на обучение	8,5	8	7
Перемещение на должность	11,3	12	8
После окончания стажировки	2,8	2	2
Продление контракта	8,3	9	6
Прочие	11,7	9	12
Всего	100	100	100

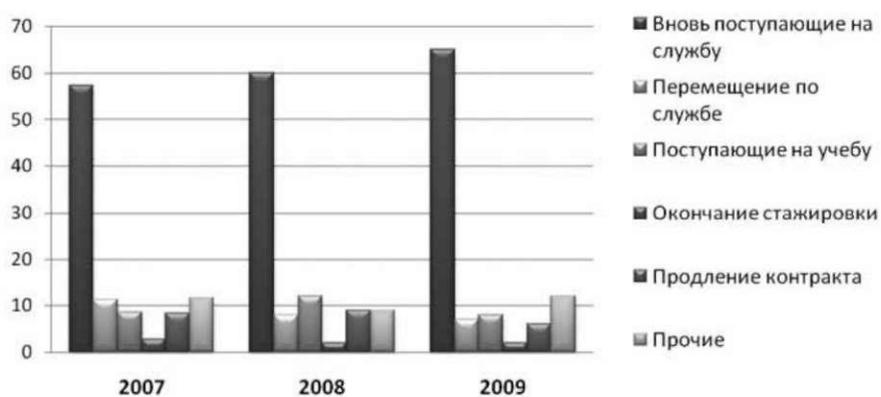

Рис. 12. Структура психофизиологического обследования за 2007–2009 гг.

Таблица 3

Заключения и выводы

Общее количество	Показатели, %		
	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Рекомендовано в первую очередь	675 (1)	444 (1)	298 (0)
Рекомендовано	38 978 (67)	37 862 (66)	42 841 (65)
Условно рекомендовано	14 760 (25)	15 279 (26)	17 838 (27)
Не рекомендовано	4 107 (7)	4 237 (7)	5 329 (8)
Всего	100	100	100

тры психофизиологической диагностики; полностью не соответствуют критериям отбора 8%; в значительной мере не соответствуют — 27 %, в определенной мере отвечают критериям психофизиологического отбора 65 %.

Среди категории вновь поступающих 43 % лиц психологически не соответствуют требованиям, предъявляе-

мым к службе в УИС.

При перемещении на должность 16% сотрудников УИС условно рекомендуются или совсем не рекомендуются на должности по своим психологическим и психофизиологическим особенностям.

Среди кандидатов на учебу количество не рекомендованных или условно рекомендованных — 15 %.

Таблица 4

Выводы по вновь поступающим

Вновь поступающие	Показатели, %		
	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Рекомендовано в первую очередь	208(1)	175 (1)	123 (0)
Рекомендовано	19 341 (57)	19 796 (57)	24 656 (57)
Условно рекомендовано	10 987 (33)	11 611 (33)	14 280 (33)
Не рекомендовано	3039 (9)	3263 (9)	4268 (10)
Всего	100	100	100

Таблица 5

Выводы при перемещении на должность

Перемещение на должность	Показатели, %		
	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Рекомендовано в первую очередь	161 (2)	89 (1)	63 (1)
Рекомендовано	5334 (82)	5426 (80)	4623 (83)
Условно рекомендовано	943 (14)	1117 (17)	804 (14)
Не рекомендовано	136 (2)	160 (2)	119 (2)
Всего	100	100	100

Таблица 6

Выводы при направлении на учебу

Кандидаты на учебу	Показатели, %		
	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Рекомендовано в первую очередь	123(2)	79 (2)	57 (1)
Рекомендовано	4 139 (83)	3837 (84)	3656 (84)
Условно рекомендовано	577 (12)	488 (11)	472 (11)
Не рекомендовано	169 (3)	164 (3)	151 (4)
Всего	100	100	100

Таблица 7

Выводы после окончания стажировки

После окончания стажировки	Показатели, %		
	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Рекомендовано в первую очередь	92 (5)	0	0
Рекомендовано	1396 (83)	1101(86)	942 (86)
Условно рекомендовано *	3 (0)	6 (0)	1 (0)
Не рекомендовано	200 (12)	176 (14)	149 (14)
Всего	100	100	100

* — после окончания стажировки выносятся два вида заключений (рекомендуется и не рекомендуется), требование по-прежнему не выполняется.

Таблица 8

Выводы по продлению контракта

Продление контракта	Показатели, %		
	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Рекомендовано в первую очередь	63 (1)	63 (1)	32 (1)
Рекомендовано	3748 (79)	3946 (78)	3192 (80)
Условно рекомендовано	834(17)	915 (18)	632 (16)
Не рекомендовано	166 (3)	130 (3)	117 (3)
Всего	100	100	100

Таблица 9

Прочие выводы

Прочие	Показатели, %		
	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Рекомендовано в первую очередь	28 (0)	38 (1)	17 (0)
Рекомендовано	5020 (73)	3756 (71)	5778 (74)
Условно рекомендовано	1416 (21)	1142 (22)	1649 (21)
Не рекомендовано	397 (6)	344 (6)	525 (7)
Всего	100	100	100

На обследование в ЦПД после прохождения стажировки кандидаты направляются по решению психологов подразделения. По-прежнему после прохождения стажировки остается большой процент (14%) вновь поступающих в УИС, не рекомендованных к службе.

Среди лиц, прослуживших в УИС и желающих продлить контракт после опреде-

ленного срока службы, 19% оказываются нежелательными сотрудниками в соответствии с критериями психофизиологической пригодности к службе.

К прочим лицам отнесены сотрудники, принимавшие участие в боевых действиях (до и после командировок), судебные приставы, а также освидетельствованные на договорной основе.

Выводы

Из приведенного анализа данных видно, что вердикт «условно рекомендован» выносится в ЦПД различных регионов России в диапазоне от 1 до 61% от общего количества обследованных. Число условно рекомендованных распределены следующим образом: от 1 до 9% — в 6 регионах; 10-19% — в 24; 20-29% — в 26; 30-39% — в 10; 40-49% — в 11; 50-59% — в 1; 60-69% также в одном регионе. Сравнительный анализ реального и нормализованного распределений показывает, что наблюдается явный сдвиг в сторону уменьшения числа условно рекомендованных, то есть избыток регионов в диапазоне от 10 до 19% и мало — в диапазоне 30-40%.

Еще более значительное расхождение между реальным и теоретическим распределением наблюдается в выводах с заключением «не рекомендован» к службе в УИС, диапазон которого колеблется от 0,2 до 20,1% от общего количества вынесенных заключений. Следующее распределение наглядно подтверждает некоторую тенденциозность заключений: от 0,2 до 1,9% отмечено в 5 регионах; 2-3,9% — в 18; 4-5,9% — в 14; 6-7,9% — в 14; 8-9,9% — в 8; 10-11,9% — в 4; 12-13,9% — в 5; 14-15,9% — в 2; 16-17,9% — в 2; 18-19,9% — в 5; 20-21,9% в одном регионе.

В выводах с заключением «не рекомендован к службе» наблюдается сильное расхождение с нормализованным распределением в диапазоне от 2 до 3,9%, где явный переизбыток регионов (18 вместо 8); в диапазоне от 4 до 5,9% также отмечается излишнее количество регионов, выносящих незначительное количество отрицательных заключений.

После относительно благополучного со-ответствия в среднем диапазоне выявлено обратное соотношение, то есть недостаточное количество регионов, выносящих заключение «не рекомендован». Здесь диапазон находится в пределах от 8 до 16%. Это может указывать на то, что по каким-то неясным причинам значительное количество региональных ЦПД воздерживается от заключения «условно рекомендован» и особенно «не рекомендован». В некоторых регионах не рекомендованных к службе насчитываются доли процента. К чему это приводит? Ранее проведенный анализ таблиц сопряженности заключений психологов и последующей профессиональной успешности кандидатов на конкретных должностях показал, что распределение уровней психологической пригодности (заключений ЦПД) и распределение экспертных оценок профессиональной успешности представляют собой два независимых распределения, то есть нет статистической связи между заключениями ЦПД и оценками руководителей подразделений УИС своих подчиненных. Это, конечно, не значит, что ЦПД не оказывает влияния на качественный состав сотрудников УИС. Находясь в подчинении ВВК, они выполняют очень важную функцию, связанную с фильтрацией лиц с различными психическими аномалиями и потенциально возможным деструктивным поведением. Однако руководители подразделений оценивают подчиненных по другим критериям, связанным со способностью эффективно решать профессиональные задачи. В связи с этим психологическому отбору, кроме вспомогательной функции (выявления латентной психопатологии, асоциальных установок и корыстно-утилитарной мо-

тивации), необходим самостоятельный аспект, содержание которого направлено на подбор вида деятельности, отвечающего способностям, предпочтениям, индивидуальным характеристикам и личностным особенностям кандидата. В отличие от жесткого подхода, характерного для социально-правового и медицинского этапов профессионального отбора, принимающего однозначное решение — «годен — не годен» к службе, психологический отбор должен трансформироваться в процедуру распреде-

ления персонала по основным видам деятельности в УИС. В этом случае вопрос о годности должен трансформироваться в другой: какой вид деятельности наиболее подходит кандидату, успешно прошедшему социально-правовой и медицинский этапы профессионального отбора. Возможно, что подобный подход будет способствовать более успешному профессиональному развитию сотрудников, принимаемых в различные службы уголовно-исполнительной системы.

МЕДИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ГРАЖДАН В РАЙОНАХ ПОЖАРОВ

М. М. Лапкин, А. В. Датий, П. Н. Казберов

Аннотация: проблема профессионально-психологической подготовки пожарных. Индивидуально-психологические особенности, обеспечивающие эффективность выполнения служебных обязанностей пожарных. Человек и группа в экстремальных условиях в районах пожаров, причины и условия возникновения групповой паники. Психологические технологии развития экстремально необходимых качеств и оценка экстремальной подготовленности.

Ключевые слова: экстремальные условия, групповая паника, психопрофилактика, психологическая адаптация, экстремальная подготовка, психорегулирующая тренировка.

The summary: problem of psychological training of firemen. The specific psychological features providing efficiency of performance of job responsibilities of firemen.

The person and group in extreme conditions in areas of fires, the reasons and conditions of occurrence of a group panic. Psychological technologies of progress of extremely necessary qualities and assessment of extreme readiness.

Key words: extreme conditions, group panic, psychological adaptation, extreme preparation.

Чрезвычайная пожарная обстановка сложилась в июле и августе 2010 г. в 7 регионах Российской Федерации. Природные пожары, особенно лесные и торфяные, стали для России настоящим бедствием. Сгорели гигантские площади лесных массивов, уничтожены уникальные экосистемы.

Экстремальная подготовка к действиям в условиях пожара давно существующий вид подготовки. Борьба с огнем, спасение людей из стихии бес-

тивации), необходим самостоятельный аспект, содержание которого направлено на подбор вида деятельности, отвечающего способностям, предпочтениям, индивидуальным характеристикам и личностным особенностям кандидата. В отличие от жесткого подхода, характерного для социально-правового и медицинского этапов профессионального отбора, принимающего однозначное решение — «годен — не годен» к службе, психологический отбор должен трансформироваться в процедуру распреде-

ления персонала по основным видам деятельности в УИС. В этом случае вопрос о годности должен трансформироваться в другой: какой вид деятельности наиболее подходит кандидату, успешно прошедшему социально-правовой и медицинский этапы профессионального отбора. Возможно, что подобный подход будет способствовать более успешному профессиональному развитию сотрудников, принимаемых в различные службы уголовно-исполнительной системы.

МЕДИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ГРАЖДАН В РАЙОНАХ ПОЖАРОВ

М. М. Лапкин, А. В. Датий, П. Н. Казберов

Аннотация: проблема профессионально-психологической подготовки пожарных. Индивидуально-психологические особенности, обеспечивающие эффективность выполнения служебных обязанностей пожарных. Человек и группа в экстремальных условиях в районах пожаров, причины и условия возникновения групповой паники. Психологические технологии развития экстремально необходимых качеств и оценка экстремальной подготовленности.

Ключевые слова: экстремальные условия, групповая паника, психопрофилактика, психологическая адаптация, экстремальная подготовка, психорегулирующая тренировка.

The summary: problem of psychological training of firemen. The specific psychological features providing efficiency of performance of job responsibilities of firemen.

The person and group in extreme conditions in areas of fires, the reasons and conditions of occurrence of a group panic. Psychological technologies of progress of extremely necessary qualities and assessment of extreme readiness.

Key words: extreme conditions, group panic, psychological adaptation, extreme preparation.

Чрезвычайная пожарная обстановка сложилась в июле и августе 2010 г. в 7 регионах Российской Федерации. Природные пожары, особенно лесные и торфяные, стали для России настоящим бедствием. Сгорели гигантские площади лесных массивов, уничтожены уникальные экосистемы.

Экстремальная подготовка к действиям в условиях пожара давно существующий вид подготовки. Борьба с огнем, спасение людей из стихии бес-

нующегося огня, высокой температуры, раскаленного, обжигающего легкие воздуха, дыма, ядовитых газов, шума, криков и стонов, при плохой видимости, на большой высоте, при угрозе обрушения различных конструкций очевидно опасна. Гибель и поражения человеческого тела всегда страшны, но гибель в огне и ожоги от него — самые мучительные и страшные. Исследователями проблемы отмечается, что к основным опасным факторам пожара относятся задымление, высокая температура, пламя, недостаток кислорода в воздушной среде и наличие в ней токсических веществ, возможность взрывов, неясность обстановки, внезапность изменения условий на пожаре, паническое поведение людей и т. д.¹

К огню, как экстремальному фактору, привыкнуть труднее всего, но именно к нему должна быть повышенная устойчивость, сочетающаяся с самообладанием, у тех, кто с ним борется.

Эффективная организация пожарной безопасности связана с решением многих организационных, технико-экономических и других задач. Значительную роль в снижении отрицательных последствий пожаров играет профессионально-психологическая надежность личного состава пожарных.

Подготовка к борьбе с пожарами, благодаря ее значимости для людей и жизни общества, заслуживает того, чтобы строиться масштабно, охватывать все категории граждан и осуществляться на высоком организационном уровне. Методик подготовки к действиям в условиях пожара, основанных на имеющем-

ся практическом опыте, создавалось немало, но разработка методик с использованием специальных психолого-педагогических исследований началась только с 1980 г. А.П. Самоновым².

Профессионально-психологическая подготовка пожарных, помимо формирования психологической устойчивости, должна быть ориентирована:

- на повышение надежности профессиональных навыков и умений, обеспечение их качественного функционирования при высокой психической напряженности в экстремальных условиях;

- формирование умений и навыков использования психологических средств (речи, неречевых и поведенческих) и приемов (психологического наблюдения, визуальной психодиагностики, установления психологического контакта, правомерного психологического воздействия и др.) при решении трудных профессиональных задач;

- профессиональное развитие важных для действий в экстремальных условиях психологических качеств (частных профессиональных способностей — профессиональной наблюдательности, профессиональной памяти, профессионального мышления и др.);

- формирование умения владеть собой и волевыми качествами³.

Во второй половине 90-х годов XX в. юридическими психологами и педагогами было разработано особое направление экстремальной подготовки со своей задачей, содержанием, формами и мето-

² См.: Самонов А.П. Психологическая подготовка пожарных. М., 1982.

³ См.: Столяренко А.М. Психологическая подготовка личного состава органов внутренних дел. М., 1987.

¹ См.: Дутов В.И., Чурсин И.Г. Психофизиологические и гигиенические аспекты деятельности человека при пожаре. М., 1993.

дами работы — подготовка сотрудников к обеспечению личной профессиональной безопасности. Основные психологические идеи этого направления могут быть распространены на иные виды профессиональной деятельности, сопряженные с опасностью, а также на подготовку по обеспечению жизнедеятельности граждан в условиях пожаров.

Интерес к проблеме функционального влияния экстремальных условий на человека поддерживается главным образом в прикладных отраслях психологии, для которых первостепенную важность приобретали вопросы, связанные с физиологическими параметрами напряженности деятельности. Тем не менее собственно психологические детерминанты деятельности в экстремальных условиях систематическому изучению подвергались.

В частности, Л.А. Китаев-Смык отмечает, что в условиях критического инцидента у человека «регистрируется ухудшение целого ряда психических функций»⁴. Л.В. Узун выявил, что «у участников стихийных бедствий в условиях выраженного эмоционального воздействия наблюдается снижение надежности мышления на 13 %; нервно-психической устойчивости, зрительно-моторной и общей координации движений на 25-28 %; а также замедление сложных сенсорных реакций на 16 %»⁵.

Последствия участия человека в экстремальных событиях способны иметь колоссальный психотравмирующий эффект, который может проявиться и от-

срочено, становясь одним из главных внутренних психологических барьеров на пути адаптации к нормальной жизни. К числу часто встречающихся у различных людей негативных последствий экстремальной деятельности относятся: постэкстремальные психические состояния; постэкстремальные функциональные психические нарушения (ПФПН); трудности постэкстремальной социальной адаптации; негативные изменения в образе жизни; негативные личностные изменения; посттравматические стрессовые расстройства (ПТСР); психопатология (депрессии, фобии, генерализованная тревожность); ухудшения физического здоровья; суицид⁶.

В условиях пожара человек часто оказывается в составе группы. Психология групп, как и психология человека, имеет отражательную природу. Единство условий жизни, общая история и перспективы, совместная деятельность и ее организация лежат в основе психологии групп.

Основной причиной различия в психическом состоянии и эффективности действий малых групп, оказавшихся в условиях пожара, выступает уровень их социально-психологического развития.

В.А. Петровский, изучавший эту зависимость установил, что способы сохранения групповой интеграции (резистентности) различны: в коллективах они имеют адекватный характер, а в группах низкого уровня развития — неадекватный⁷.

В условиях пожара о группах простых

⁶ См.: Столяренко А.М. Экстремальная психопедагогика. М., 2002. С. 321.

⁷ См.: Петровский В.А. Активность групп различного типа в конфликтных ситуациях // Современные проблемы прикладной социологии и социальной психологии в трудовых коллективах. Л., 1984. С. 181-182.

⁴ Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. М., 1983. С. 221.

⁵ Узун Л.С. Теория и практика профессиональной подготовки курсантов вузов МВД России к действиям в экстремальных событиях: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 1987. С. 63.

гражданских людей, пытающихся противостоять стихии огня, редко приходится говорить как о коллективах. Поведение таких групп называют чаще внеколлективным или стихийным.

Психология толпы отлична от других групп. Она не носит сложившийся характер, динамична, податлива разным разовым влияниям. Для нее характерна активация социально-психологических механизмов конформизма, заражения, подражания, сходство эмоционального настроя, что становится основой зарождения временного психологического единства. В толпе рациональные, разумные способы регуляции поведения начинают уступать место эмоциональным⁸.

Впечатления от наблюдаемого или обсуждаемого, обмен мнениями и чувствами дополняются появлением и выступлением различных ораторов. Толпа не очень вникает в смысл речей, многие слова не слышит из-за шума. Толпа слышит то, что хочет слышать и поэтому может встречать резкие высказывания и призывы с одобрением и ликованием. Если развитие психодинамики толпы идет по такому сценарию, то страсти разгораются. Возникает возбужденная (экспрессивная) толпа, которая психологически созрела уже для стихийных действий, опасных для общественного порядка.

Аффективно-действующая толпа психологически заряжена на групповые действия. Она как лавина, способна крушить все на своем пути. Люди в толпе делают то, чего никогда бы не совершили в одиночку. Этому способствует специальный психологический механизм, проявляющийся в толпе — механизм обезли-

чивания (анонимности): в массе каждый чувствует себя незаметным, не несущим ответственности за действия толпы.

Аффективна по своей сути и паника — групповая эмоция испуга, ужаса, проявления чувства самосохранения. Причиной тому может стать не только опасность, но и боязнь оказаться в безвыходном положении, ощущение того, что пути спасения либо крайне ограничены, либо могут быстро пропасть. Люди в группе, охваченной аффективной паникой, не контролируют сознательно свое поведение, смутно воспринимают окружающее; аффективная паника парализует их целенаправленную деятельность.

Действия, характерные для людей во время пожара — неудержимый, устремленный в никуда бег, хаотичные, беспорядочные действия, неадекватные поступки (выпрыгивание из окон горящего дома, спасение какой-нибудь бытовой мелочи вместо документов и драгоценностей и пр.). Наблюдались и факты, когда в такой обстановке лица с криминальными установками стремились воспользоваться ситуацией в своих корыстных целях.

Исследователями проблемы определяется, что 55 % жертв при стихийных бедствиях обусловлено неправильным поведением людей, в том числе и паникой⁹.

Основная причина паники — внезапность возникновения события, устранившего группу (группы) людей, люди его не ждали и поэтому психологический эффект от него многократно увеличен.

Как отмечалось ранее, паника чаще возникает в неорганизованных (диффузных) группах — группах ничем не связанных людей, в толпе. Еще одна причина па-

⁸ См.: Социальная психология: краткий очерк / под общ. ред. Г.П. Предвечного. М., 1985. С. 283.

⁹ См.: Столяренко А.М. Экстремальная психопедагогика. С. 151.

нической дезорганизации людей — отсутствие уверенного управления ими в экстремальных условиях, неавторитетность руководителей местной администрации, неверие людей в то, что они в состоянии вывести их из тяжелой ситуации. Указанные проблемы, возникающие в условиях пожаров, и пути их решения можно отнести к разряду организационно-психологических вопросов.

Специфико-психологический раздел определяет формы и содержание работы психологов по оказанию помощи населению.

В постэкстремальной работе с пострадавшими выделяются три этапа: размещение людей в зоне безопасности, восстановление сил, включение в деятельность.

В экстремальных условиях возможно оказание психологической помощи трех видов: самопомощь (оказание помощи самому себе, сослуживцами друг другу, взрослыми детям), совместная помощь (в семье — супругами или членами семьи, в коллективе — коллегами, товарищами), специализированная помощь (оказывается штатными психологами, клиническими психологами, психотерапевтами, психиатрами). Последняя, в свою очередь, подразделяется на: психологическое просвещение, психодиагностику, психологическое консультирование, психотерапию, психологическую реабилитацию. Способы психотерапевтической помощи выступают: индивидуальное психологическое консультирование, индивидуальная и групповая психотерапия, психореабилитация (система психологических, педагогических и социальных мероприятий, направленных на восстановление нарушенных психических функций, психических состояний, социально-трудового

статуса адаптирующихся к новым условиям жизни), психопрофилактика (устранение факторов, вредно отражающихся на психологии человека, и создание положительно влияющих)¹⁰

Наиболее популярны и эффективны методы, ориентированные на релаксацию (достижение состояния покоя, расслабленности, возникающего у человека после снятия напряжения, вызванного тревогой, волнениями, переживаниями, большими физическими и психологическими нагрузками). Произвольно оно достигается проведением релаксационного тренинга или просто нахождением в помещении, не содержащем в обстановке раздражающих или напоминающих о беспокоящем прошлом предметов. Таковыми являются кабинеты психологической разгрузки. Расслаблению способствуют спокойная поза, снятие напряжения с мышц, прикрытие или закрытие глаз, преднамеренно вызываемые эмоционально приятные представления. Усиливает релаксационный эффект использование методов аутогенной тренировки и психотехник.

Сеансы релаксации хорошо проводить в группах под руководством психолога. В постэкстремальный период такие сеансы можно начинать уже на первом этапе, на втором — увеличивать их продолжительность до 45-60 минут, проводить ежедневно; также рекомендовать отдыхающим выполнять релаксационные упражнения самостоятельно (особенно перед сном, в постели); не прекращать и на третьем этапе, но с завершением сеансов мобилизующими формулами.

¹⁰ См.: Корчемный П.А., Елисеев А.П. Психологическая устойчивость в чрезвычайных ситуациях: курс лекций. ч. I. С. 153-164.

Обязательным способом преодоления навязчивых тревожащих воспоминаний служат активные формы отдыха, которые уместны на втором и третьем этапах. Это прежде всего различные групповые спортивные игры (футбол, волейбол, баскетбол, городки, настольный теннис, бадминтон, водное поло и др.), занятия, требующие умеренной подвижности и сосредоточенности внимания (рисование, плетение корзин, изготовление моделей, рыбная ловля и т. п.).

В публикациях содержится рекомендация достигать в ходе психотерапевтических бесед переноса внимания человека с себя на других, поднимать мысли на надситуативный уровень, на проблемы коллектива, страны, будущего, показывать, что есть люди, пострадавшие больше, и его положение не самое худшее¹¹. За рубежом применяется и прием рассказа об ужасах, которые данному человеку не пришлось пережить.

В международной практике постэкстремальной работы и у нас выработано немало психотерапевтических методов снятия ПТСР. Это телесно-ориентированная терапия, поведенческая психотерапия, когнитивная психотерапия, интегративная трансперсональная терапия, нейролингвистическое программирование, психодинамическая терапия, гештальт-терапия, психоанализ, десенсибилизация и переработки движения глаз и др. Они достаточно сложны по технике исполнения и могут применяться только квалифицированными специалистами.

Популярна форма работы с особой методикой, называемой дебрифингом стресса критического инцидента, раз-

работанной американским психологом Дж. Митчелом в 1983 г. Дебрифинг проводится с группами людей, совместно испытывавших стрессовые или трагические события. Цель — минимизировать нежелательные психологические последствия и предупредить развитие синдрома посттравматических стрессовых расстройств. Суть его в обсуждении психотравмирующей ситуации с воспроизведением совместными усилиями психотравмирующих событий.

Травматогенный, но не осознаваемый человеком внутренний конфликт переживается им при этом вновь, однако, в ослабленной форме (спокойная обстановка, сдерживание эмоций), доступной для рационального анализа. В результате происходит психологическое переключение с неприятного, тревожащего опыта на личностно приемлемую его интерпретацию. Достигается это при проведении дебрифинга рассказом каждым его участником о том, что происходило с ним, что он видел, где находился и что делал в обсуждаемом критическом инциденте. Под руководством психолога участники приходят к согласию по поводу хронологии события, его обстоятельств, психических реакций, испытанных ими. Тем самым показывается (что подчеркивается проводящим дебрифинг) универсальный характер имевших место трудностей и переживаний, а не индивидуальная их исключительность как представляется каждому.

В постэкстремальный период имеет смысл применять и современные средства фармакологической защиты, хорошо зарекомендовавшие себя на практике в космонавтике, авиации, на подводном флоте и т. д.

¹¹ См.: Столяренко А.М. Экстремальная психопедагогика. С. 584.

тивации), необходим самостоятельный аспект, содержание которого направлено на подбор вида деятельности, отвечающего способностям, предпочтениям, индивидуальным характеристикам и личностным особенностям кандидата. В отличие от жесткого подхода, характерного для социально-правового и медицинского этапов профессионального отбора, принимающего однозначное решение — «годен — не годен» к службе, психологический отбор должен трансформироваться в процедуру распреде-

ления персонала по основным видам деятельности в УИС. В этом случае вопрос о годности должен трансформироваться в другой: какой вид деятельности наиболее подходит кандидату, успешно прошедшему социально-правовой и медицинский этапы профессионального отбора. Возможно, что подобный подход будет способствовать более успешному профессиональному развитию сотрудников, принимаемых в различные службы уголовно-исполнительной системы.

МЕДИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ГРАЖДАН В РАЙОНАХ ПОЖАРОВ

М. М. Лапкин, А. В. Датий, П. Н. Казберов

Аннотация: проблема профессионально-психологической подготовки пожарных. Индивидуально-психологические особенности, обеспечивающие эффективность выполнения служебных обязанностей пожарных. Человек и группа в экстремальных условиях в районах пожаров, причины и условия возникновения групповой паники. Психологические технологии развития экстремально необходимых качеств и оценка экстремальной подготовленности.

Ключевые слова: экстремальные условия, групповая паника, психопрофилактика, психологическая адаптация, экстремальная подготовка, психорегулирующая тренировка.

The summary: problem of psychological training of firemen. The specific psychological features providing efficiency of performance of job responsibilities of firemen.

The person and group in extreme conditions in areas of fires, the reasons and conditions of occurrence of a group panic. Psychological technologies of progress of extremely necessary qualities and assessment of extreme readiness.

Key words: extreme conditions, group panic, psychological adaptation, extreme preparation.

Чрезвычайная пожарная обстановка сложилась в июле и августе 2010 г. в 7 регионах Российской Федерации. Природные пожары, особенно лесные и торфяные, стали для России настоящим бедствием. Сгорели гигантские площади лесных массивов, уничтожены уникальные экосистемы.

Экстремальная подготовка к действиям в условиях пожара давно существующий вид подготовки. Борьба с огнем, спасение людей из стихии бес-

нующегося огня, высокой температуры, раскаленного, обжигающего легкие воздуха, дыма, ядовитых газов, шума, криков и стонов, при плохой видимости, на большой высоте, при угрозе обрушения различных конструкций очевидно опасна. Гибель и поражения человеческого тела всегда страшны, но гибель в огне и ожоги от него — самые мучительные и страшные. Исследователями проблемы отмечается, что к основным опасным факторам пожара относятся задымление, высокая температура, пламя, недостаток кислорода в воздушной среде и наличие в ней токсических веществ, возможность взрывов, неясность обстановки, внезапность изменения условий на пожаре, паническое поведение людей и т. д.¹

К огню, как экстремальному фактору, привыкнуть труднее всего, но именно к нему должна быть повышена устойчивость, сочетающаяся с самообладанием, у тех, кто с ним борется.

Эффективная организация пожарной безопасности связана с решением многих организационных, технико-экономических и других задач. Значительную роль в снижении отрицательных последствий пожаров играет профессионально-психологическая надежность личного состава пожарных.

Подготовка к борьбе с пожарами, благодаря ее значимости для людей и жизни общества, заслуживает того, чтобы строиться масштабно, охватывать все категории граждан и осуществляться на высоком организационном уровне. Методик подготовки к действиям в условиях пожара, основанных на имеющем-

ся практическом опыте, создавалось немало, но разработка методик с использованием специальных психолого-педагогических исследований началась только с 1980 г. А.П. Самоновым².

Профессионально-психологическая подготовка пожарных, помимо формирования психологической устойчивости, должна быть ориентирована:

- на повышение надежности профессиональных навыков и умений, обеспечение их качественного функционирования при высокой психической напряженности в экстремальных условиях;

- формирование умений и навыков использования психологических средств (речи, неречевых и поведенческих) и приемов (психологического наблюдения, визуальной психодиагностики, установления психологического контакта, правомерного психологического воздействия и др.) при решении трудных профессиональных задач;

- профессиональное развитие важных для действий в экстремальных условиях психологических качеств (частных профессиональных способностей — профессиональной наблюдательности, профессиональной памяти, профессионального мышления и др.);

- формирование умения владеть собой и волевыми качествами³.

Во второй половине 90-х годов XX в. юридическими психологами и педагогами было разработано особое направление экстремальной подготовки со своей задачей, содержанием, формами и мето-

² См.: Самонов А.П. Психологическая подготовка пожарных. М., 1982.

³ См.: Столяренко А.М. Психологическая подготовка личного состава органов внутренних дел. М., 1987.

¹ См.: Дутов В.И., Чурсин И.Г. Психофизиологические и гигиенические аспекты деятельности человека при пожаре. М., 1993.

дами работы — подготовка сотрудников к обеспечению личной профессиональной безопасности. Основные психологические идеи этого направления могут быть распространены на иные виды профессиональной деятельности, сопряженные с опасностью, а также на подготовку по обеспечению жизнедеятельности граждан в условиях пожаров.

Интерес к проблеме функционального влияния экстремальных условий на человека поддерживается главным образом в прикладных отраслях психологии, для которых первостепенную важность приобретали вопросы, связанные с физиологическими параметрами напряженности деятельности. Тем не менее собственно психологические детерминанты деятельности в экстремальных условиях систематическому изучению подвергались.

В частности, Л.А. Китаев-Смык отмечает, что в условиях критического инцидента у человека «регистрируется ухудшение целого ряда психических функций»⁴. Л.В. Узун выявил, что «у участников стихийных бедствий в условиях выраженного эмоционального воздействия наблюдается снижение надежности мышления на 13 %; нервно-психической устойчивости, зрительно-моторной и общей координации движений на 25-28 %; а также замедление сложных сенсорных реакций на 16 %»⁵.

Последствия участия человека в экстремальных событиях способны иметь колоссальный психотравмирующий эффект, который может проявиться и от-

срочено, становясь одним из главных внутренних психологических барьеров на пути адаптации к нормальной жизни. К числу часто встречающихся у различных людей негативных последствий экстремальной деятельности относятся: постэкстремальные психические состояния; постэкстремальные функциональные психические нарушения (ПФПН); трудности постэкстремальной социальной адаптации; негативные изменения в образе жизни; негативные личностные изменения; посттравматические стрессовые расстройства (ПТСР); психопатология (депрессии, фобии, генерализованная тревожность); ухудшения физического здоровья; суицид⁶.

В условиях пожара человек часто оказывается в составе группы. Психология групп, как и психология человека, имеет отражательную природу. Единство условий жизни, общая история и перспективы, совместная деятельность и ее организация лежат в основе психологии групп.

Основной причиной различия в психическом состоянии и эффективности действий малых групп, оказавшихся в условиях пожара, выступает уровень их социально-психологического развития.

В.А. Петровский, изучавший эту зависимость установил, что способы сохранения групповой интеграции (резистентности) различны: в коллективах они имеют адекватный характер, а в группах низкого уровня развития — неадекватный⁷.

В условиях пожара о группах простых

⁴ Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. М., 1983. С. 221.

⁵ Узун Л.С. Теория и практика профессиональной подготовки курсантов вузов МВД России к действиям в экстремальных событиях: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 1987. С. 63.

⁶ См.: Столяренко А.М. Экстремальная психопедагогика. М., 2002. С. 321.

⁷ См.: Петровский В.А. Активность групп различного типа в конфликтных ситуациях // Современные проблемы прикладной социологии и социальной психологии в трудовых коллективах. Л., 1984. С. 181-182.

гражданских людей, пытающихся противостоять стихии огня, редко приходится говорить как о коллективах. Поведение таких групп называют чаще внеколлективным или стихийным.

Психология толпы отлична от других групп. Она не носит сложившийся характер, динамична, податлива разным разовым влияниям. Для нее характерна активация социально-психологических механизмов конформизма, заражения, подражания, сходство эмоционального настроя, что становится основой зарождения временного психологического единства. В толпе рациональные, разумные способы регуляции поведения начинают уступать место эмоциональным⁸.

Впечатления от наблюдаемого или обсуждаемого, обмен мнениями и чувствами дополняются появлением и выступлением различных ораторов. Толпа не очень вникает в смысл речей, многие слова не слышит из-за шума. Толпа слышит то, что хочет слышать и поэтому может встречать резкие высказывания и призывы с одобрением и ликованием. Если развитие психодинамики толпы идет по такому сценарию, то страсти разгораются. Возникает возбужденная (экспрессивная) толпа, которая психологически созрела уже для стихийных действий, опасных для общественного порядка.

Аффективно-действующая толпа психологически заряжена на групповые действия. Она как лавина, способна крушить все на своем пути. Люди в толпе делают то, чего никогда бы не совершили в одиночку. Этому способствует специальный психологический механизм, проявляющийся в толпе — механизм обезли-

чивания (анонимности): в массе каждый чувствует себя незаметным, не несущим ответственности за действия толпы.

Аффективна по своей сути и паника — групповая эмоция испуга, ужаса, проявления чувства самосохранения. Причиной тому может стать не только опасность, но и боязнь оказаться в безвыходном положении, ощущение того, что пути спасения либо крайне ограничены, либо могут быстро пропасть. Люди в группе, охваченной аффективной паникой, не контролируют сознательно свое поведение, смутно воспринимают окружающее; аффективная паника парализует их целенаправленную деятельность.

Действия, характерные для людей во время пожара — неудержимый, устремленный в никуда бег, хаотичные, беспорядочные действия, неадекватные поступки (выпрыгивание из окон горящего дома, спасение какой-нибудь бытовой мелочи вместо документов и драгоценностей и пр.). Наблюдались и факты, когда в такой обстановке лица с криминальными установками стремились воспользоваться ситуацией в своих корыстных целях.

Исследователями проблемы определяется, что 55 % жертв при стихийных бедствиях обусловлено неправильным поведением людей, в том числе и паникой⁹.

Основная причина паники — внезапность возникновения события, устранившего группу (группы) людей, люди его не ждали и поэтому психологический эффект от него многократно увеличен.

Как отмечалось ранее, паника чаще возникает в неорганизованных (диффузных) группах — группах ничем не связанных людей, в толпе. Еще одна причина па-

⁸ См.: Социальная психология: краткий очерк / под общ. ред. Г.П. Предвечного. М., 1985. С. 283.

⁹ См.: Столяренко А.М. Экстремальная психопедагогика. С. 151.

нической дезорганизации людей — отсутствие уверенного управления ими в экстремальных условиях, неавторитетность руководителей местной администрации, неверие людей в то, что они в состоянии вывести их из тяжелой ситуации. Указанные проблемы, возникающие в условиях пожаров, и пути их решения можно отнести к разряду организационно-психологических вопросов.

Специфико-психологический раздел определяет формы и содержание работы психологов по оказанию помощи населению.

В постэкстремальной работе с пострадавшими выделяются три этапа: размещение людей в зоне безопасности, восстановление сил, включение в деятельность.

В экстремальных условиях возможно оказание психологической помощи трех видов: самопомощь (оказание помощи самому себе, сослуживцами друг другу, взрослыми детям), совместная помощь (в семье — супругами или членами семьи, в коллективе — коллегами, товарищами), специализированная помощь (оказывается штатными психологами, клиническими психологами, психотерапевтами, психиатрами). Последняя, в свою очередь, подразделяется на: психологическое просвещение, психодиагностику, психологическое консультирование, психотерапию, психологическую реабилитацию. Способы психотерапевтической помощи выступают: индивидуальное психологическое консультирование, индивидуальная и групповая психотерапия, психореабилитация (система психологических, педагогических и социальных мероприятий, направленных на восстановление нарушенных психических функций, психических состояний, социально-трудового

статуса адаптирующихся к новым условиям жизни), психопрофилактика (устранение факторов, вредно отражающихся на психологии человека, и создание положительно влияющих)¹⁰

Наиболее популярны и эффективны методы, ориентированные на релаксацию (достижение состояния покоя, расслабленности, возникающего у человека после снятия напряжения, вызванного тревогой, волнениями, переживаниями, большими физическими и психологическими нагрузками). Произвольно оно достигается проведением релаксационного тренинга или просто нахождением в помещении, не содержащем в обстановке раздражающих или напоминающих о беспокоящем прошлом предметов. Таковыми являются кабинеты психологической разгрузки. Расслаблению способствуют спокойная поза, снятие напряжения с мышц, прикрытие или закрытие глаз, преднамеренно вызываемые эмоционально приятные представления. Усиливает релаксационный эффект использование методов аутогенной тренировки и психотехник.

Сеансы релаксации хорошо проводить в группах под руководством психолога. В постэкстремальный период такие сеансы можно начинать уже на первом этапе, на втором — увеличивать их продолжительность до 45-60 минут, проводить ежедневно; также рекомендовать отдыхающим выполнять релаксационные упражнения самостоятельно (особенно перед сном, в постели); не прекращать и на третьем этапе, но с завершением сеансов мобилизующими формулами.

¹⁰ См.: Корчемный П.А., Елисеев А.П. Психологическая устойчивость в чрезвычайных ситуациях: курс лекций. ч. I. С. 153-164.

Обязательным способом преодоления навязчивых тревожащих воспоминаний служат активные формы отдыха, которые уместны на втором и третьем этапах. Это прежде всего различные групповые спортивные игры (футбол, волейбол, баскетбол, городки, настольный теннис, бадминтон, водное поло и др.), занятия, требующие умеренной подвижности и сосредоточенности внимания (рисование, плетение корзин, изготовление моделей, рыбная ловля и т. п.).

В публикациях содержится рекомендация достигать в ходе психотерапевтических бесед переноса внимания человека с себя на других, поднимать мысли на надситуативный уровень, на проблемы коллектива, страны, будущего, показывать, что есть люди, пострадавшие больше, и его положение не самое худшее¹¹. За рубежом применяется и прием рассказа об ужасах, которые данному человеку не пришлось пережить.

В международной практике постэкстремальной работы и у нас выработано немало психотерапевтических методов снятия ПТСР. Это телесно-ориентированная терапия, поведенческая психотерапия, когнитивная психотерапия, интегративная трансперсональная терапия, нейролингвистическое программирование, психодинамическая терапия, гештальт-терапия, психоанализ, десенсибилизация и переработки движения глаз и др. Они достаточно сложны по технике исполнения и могут применяться только квалифицированными специалистами.

Популярна форма работы с особой методикой, называемой дебрифингом стресса критического инцидента, раз-

работанной американским психологом Дж. Митчелом в 1983 г. Дебрифинг проводится с группами людей, совместно испытывавших стрессовые или трагические события. Цель — минимизировать нежелательные психологические последствия и предупредить развитие синдрома посттравматических стрессовых расстройств. Суть его в обсуждении психотравмирующей ситуации с воспроизведением совместными усилиями психотравмирующих событий.

Травматогенный, но не осознаваемый человеком внутренний конфликт переживается им при этом вновь, однако, в ослабленной форме (спокойная обстановка, сдерживание эмоций), доступной для рационального анализа. В результате происходит психологическое переключение с неприятного, тревожащего опыта на личностно приемлемую его интерпретацию. Достигается это при проведении дебрифинга рассказом каждым его участником о том, что происходило с ним, что он видел, где находился и что делал в обсуждаемом критическом инциденте. Под руководством психолога участники приходят к согласию по поводу хронологии события, его обстоятельств, психических реакций, испытанных ими. Тем самым показывается (что подчеркивается проводящим дебрифинг) универсальный характер имевших место трудностей и переживаний, а не индивидуальная их исключительность как представляется каждому.

В постэкстремальный период имеет смысл применять и современные средства фармакологической защиты, хорошо зарекомендовавшие себя на практике в космонавтике, авиации, на подводном флоте и т. д.

¹¹ См.: Столяренко А.М. Экстремальная психопедагогика. С. 584.

ПРОБЛЕМА КОРРУПЦИИ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ФСИН РОССИИ (СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

О. Г. Ананьев

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы актуальности организации противодействия коррупции среди сотрудников УИС, ее причины, возможные проявления и меры, предлагаемые для профилактики данного негативного явления.

Ключевые слова: причины коррупции среди сотрудников УИС, вред, наносимый коррупцией, меры для создания условий для устранения причин коррупции.

The summary: this article addresses the relevance of the anti-corruption among prison staff, its causes, and possible manifestations of the measures proposed to prevent this negative phenomenon.

Key words: causes of corruption among prison staff, the harm caused by corruption, measures to create conditions and eliminate the causes of corruption.

Информация о фактах коррупции в УИС ФСИН России среди сотрудников, проходящих службу на различных должностях, равно как и в других структурах, цель деятельности которых имеет отношение к правоохранительной и правоисполнительной деятельности, а также инициативы Президента РФ Д.А. Медведева позволяют сделать краткий субъективный анализ этого явления с претензией на приобщение к совместному осмыслению происходящего всеми заинтересованными в этом силами. Возможно, предлагаемая попытка носит несколько конъюнктурный характер, однако одновременно

она не содержит существенных претензий на всемерную объективность. Вместе с тем представленный материал, который явился результатом обобщения имеющейся реальной информации, исходящей из действующих исправительных учреждений, территориальных органов, мнений практических работников УИС, представляет интерес и может привести не только к размышлениям, но возможно и к проведению определенных профилактических мероприятий, направленных для противодействия коррупции в таком важном секторе правоприменительной деятельности, где происходит исполнение уголовных наказаний за совершенные преступления.

Термин *коррупция* означает (лат. corruption) подкуп, продажность должностных лиц, политических деятелей [1].

Современное понимание коррупции — *преступление, заключающееся в прямом использовании должностным лицом прав, связанных с его должностью, в целях личного обогащения*. Коррупционные преступления совершаются в основном в государственных структурах и правоохранительных органах. Проявления коррупции в системе государственной службы, судебной системе, вооруженных силах — это темы для других исследований. Мы же рассмотрим особенности проявления коррупции в уголовно-исполнительной системе и ее причины.

Классификация причин коррупции в УИС:

1. Внешние (относящиеся к общим условиям социально-экономического обеспечения, исходящие от государства).

2. Внутрисистемные в УИС.

3. Относящиеся к персоналу УИС.

1. *Внешние причины коррупции* (относящиеся к общим условиям социально-экономического обеспечения, исходящие от государства):

- отказ государства от формирования и применения в обществе идеологии нравственного поведения как к лицам, проходящим социализацию, так и к находящимся во взрослом состоянии;

- создание в обществе жизнеобеспечивающих условий, при которых население делает выводы о том, что наилучшим образом организовать жизнедеятельность своей семьи, родственников и себя самого может лишь человек, находящийся у власти и имеющий возможность использовать свою должность для решения личных корыстных вопросов;

- низкий уровень организации социально-бытовых условий для населения в большинстве населенных пунктов России;

- безответственное поведение чиновников по отношению к основной части населения, находящейся по их вине на низком уровне организации жизнеобеспечения;

- формирование структур, представляющих власть, по принципу единоначалия, а отсюда вседозволенность для лиц, имеющих ее, в государственных структурах при одновременном отсутствии механизма противодействия-противовеса безнравственным и незаконным волеизъявлениям; такое противодействие могло бы исходить от любых общественных структур (например: демократиче-

ских советов учреждений, фирм, организаций, предприятий, профсоюзов и т. д.), способных на своих обсуждениях, а затем принимаемых решениях (возможно тайным голосованием) противостоять беззаконию, субъективизму, авторитаризму;

- практически фрагментарное решение вопроса о противодействии коррупции на национальном законодательном, исполнительно-распорядительном и судебном уровнях;

- формирование властных структур не по принципу «мобилизация лучших интеллектуальных сил и профессионалов», а по принципу обустройства на государственных высокооплачиваемые должности «своих» людей и протезированных на основе родственно-семейных связей, проплаченных и других лиц, не «запрограммированных» на развитие и совершенствование деятельности;

- создание в СМИ образцов продукции, по которым населению страны внушается только определенный вывод: об обязательном существовании в государстве бюрократии, коррупции и неэффективности других видов организации власти и ее проявлений;

- пропаганда в СМИ не трудового образа жизни, основанного только на удовлетворении потребностей, получении удовольствий и развлечениях, бизнесменов, чиновников, артистов и членов их семей;

- пропаганда в СМИ физического и психического насилия как нормы повседневного поведения, что влияет на формирование обыденного сознания, а в последующем и новых форм поведения части чиновников и населения;

- недостаточное обучение населения знаниям, навыкам, образцам, стан-

дартам, правилам и нормам нравственного и правомерного поведения;

- отсутствие в вузах для будущих управленцев цикла дисциплин по организационной культуре (хотя его наличие необходимо практически во всех вузах на протяжении всего периода обучения); дисциплина «Организационная культура» должна быть включена в стандарт подготовки руководителей всех уровней XXI века;

- отсутствие для основной части российских детей массовых социальных форм организации досуга, позволяющих формировать требуемый в будущем для государства культурный уровень, менталитет, правовой и нравственный стиль повседневного поведения населения;

- низкий культурный уровень оценки со стороны СМИ безответственного поведения чиновников и бизнесменов;

- низкий уровень пропаганды ведения здорового образа жизни в СМИ (в частности, физической культуры и здорового образа жизни);

- отсутствие возможности у граждан РФ обжаловать безнравственные и неправомерные решения властных структур, а также у значительной части населения — надежд на справедливое разбирательство по оспариваемым вопросам;

- недоверие части населения лицам, находящимся у власти, в связи с их коррупционным поведением;

- отсутствие в обществе пропаганды идей о том, что служение населению лицом, находящимся у власти, должно быть честью, привилегией, сопровождаться самопожертвованием и возможностью отдавать людям все то, что только возможно, используя властные полномочия;

- отсутствие механизмов контроля над лицами, пришедшими к власти, и отсутствие простых и надлежащим образом прописанных в законодательстве механизмов отзыва недостойных лиц именно населением. В национальном законодательстве отсутствуют действенные механизмы отзыва назначаемых и избираемых чиновников (депутатов законодательных собраний всех уровней) по инициативе избирателей. Вертикали власти, созданные путем фактического назначения чиновников без участия основной части населения в их избрании, и отсутствие механизма избрания лучших являются тормозом общественного развития. Налицо усечение норм конституционного права граждан об участии населения в управлении государством.

Необходимы законодательные ограничения, которые не позволяли бы выявленным чиновникам обогащаться за счет возможностей, появляющихся при вхождении во власть; устраивать на «хлебные» должности своих родственников; членам их семей пользоваться выделенным автотранспортом и ГСМ за счет государства или бюджета субъекта РФ; обзаводиться полезными связями для организации своей жизнедеятельности по принципу «Ты — Мне, Я — Тебе»; приобретать недвижимость; распоряжаться выделенными для государственных нужд продуктами, промышленными товарами, медикаментами; пользоваться услугами специалистов-профессионалов, работающих для решения поставленных государством задач в лично-семейных целях.

Каждый поступающий на государственную службу гражданин должен подписать Правила поведения и обяза-

тельства государственного служащего, умышленное нарушение которых повлечет за собой незамедлительное увольнение с этой службы либо отставку.

2. Внутрисистемные причины коррупции в УИС.

- отсутствие мониторинга деятельности руководителей УИС по оценкам сотрудников и осужденных, результаты которого следует представить для ознакомления данным чиновникам в целях их самосовершенствования, а при появлении тревожных информационных фактов — направить в аттестационно-этические комиссии вышестоящих структур для изучения, принятия соответствующих мер и вынесения определенных решений;

- отсутствие нормативного закрепления перечня вопросов, по которым руководители УИС могут давать соответствующие (устные или письменные) распоряжения руководителям и сотрудникам подчиненных подразделений;

- отсутствие определенного законодательством четкого перечня обязанностей, которые должны исполнять первые руководители учреждений, исполняющих наказания;

- существующая внутри УИС субкультура в среде сотрудников, нормы которой не позволяют вмешиваться, жаловаться, препятствовать, информировать соответствующие структуры о совершаемых актах коррупции;

- создание клановой системы взаимоотношений в среде сотрудников-руководителей УИС;

- организация службы в отдельных субъектах, органах и учреждениях УИС по принципу личной преданности не закону, а конкретному чиновнику-руководителю;

- организованная одним из руководителей УИС круговая порука в сложившемся социуме сотрудников, интересы которых объединены и направлены на реализацию лично-корыстных интересов;

- понуждение вышестоящими руководителями нижестоящих сотрудников к решению отдельных вопросов, позволяющих первым реализовывать свои корыстные намерения (то есть понуждение к совершению противоправных действий с обещанием предоставления выгод для вторых, обеспечения неприкосновенности в вопросах возможного привлечения к ответственности и реальное создание им более льготных условий прохождения службы в УИС по сравнению с другими сотрудниками);

- низкий уровень заработной платы сотрудников УИС в денежном выражении, который не позволяет достойно содержать семью (жену, чтобы не работала, и двоих детей обеспечивать невозможно);

- проблемы с организацией обеспечения жильем сотрудников УИС, инициатива в решении которой должна исходить от государства. Имеет место ненадлежащее функционирование системы предоставления ведомственного жилья, доступной ипотеки, которая позволила бы за 15-20 лет службы в УИС надежным способом приобретать или строить собственное жилье любому, нуждающемуся в этом сотруднику;

- существующие факты безнаказанности отдельных сотрудников, совершающих противоправные действия, в обмен на доносительство;

- получение отдельными руководителями УИС финансовых средств от преступных группировок за создание в ИУ

«льготных» условий отбывания наказания для некоторых осужденных;

- отсутствие нормативного закрепления управленческих функций, которые должны осуществлять руководители территориальных органов ФСИН России. Являясь в соответствии с ведомственными нормативными актами руководителями, находящимися на ранг выше, но без прописанных законами управленческих функций, они могут отдавать устные и письменные распоряжения, которые нижестоящие руководители ИУ, по сути, не имеют права не выполнять. Распоряжения, содержащие корыстный характер, не редкость в УИС;

- отсутствие эффективно функционирующей системы контроля вышестоящих структур за нижестоящими и конкретно за лицами, пребывающими во власти (реагирование на любые виды проявления коррупции со стороны любого чиновника, подвергание критике, указание недостатков, приостановление или отмена принимаемых решений, временное отстранение от исполнения обязанностей, постановка вопроса о снятии с должности, фиксирование совершения преступлений и информирование о них соответствующих правоохранительных структур);

- несовершенная система организации и проведения государственных закупок для нужд УИС, которая содержит возможности получения «откатов» за размещение заказов;

- наличие непрозрачных и бесконтрольных решений о движении товароматериальных ценностей, финансовых ресурсов, позволяющих создавать не объективно более лучшие условия функционирования одним учреждениям за счет других, отдельным сотрудникам за

счет других, и все это в конечном счете за получение материальной выгоды;

- наличие в УИС практики оказания материальной помощи тем структурам, руководители которых не предпринимают усилий для решения существующих проблем, так как они назначены на должность в счет оплаты за личную преданность, то есть имеет место «избранное» финансирование тех, кто «отбывает» должность в порядке поощрения.

3. Причины коррупции, относящиеся к персоналу УИС:

- наличие в военизированной системе УИС подчинения и выполнения нижестоящими сотрудниками не требований закона, а решений и распоряжений (часто устных) лиц, имеющих большие воинские (специальные) звания и должности;

- реализация стремления к получению власти над другими людьми, что позволяет приобретать различные привилегии, улучшить свое финансово-материальное положение, а также членов своей семьи, родственников;

- отсутствие надлежащего культурного уровня развития у части руководителей УИС, которое влечет за собой нанесение устных оскорблений, унижение человеческого достоинства, нецензурную брань в адрес подчиненных. При этом данные руководители чувствуют свою безнаказанность в силу своего служебного положения;

- дезадаптация части сотрудников УИС, утрата способности соблюдать общепринятые и специально требуемые в этой профессии нравственно-этические нормы;

- отсутствие в системе специальной подготовки личного состава темы, посвященной разъяснению сотрудни-

кам норм, указывающих на то, что они не должны исполнять безнравственные и криминальные распоряжения вышестоящих руководителей; в то же время нагнетаются страсти о последствиях невыполнения приказов вышестоящих начальников при прохождении службы в УИС, при этом абсолютно не говорится о том, каких именно приказов);

- наличие убежденности среди младшего, среднего и старшего начальствующего состава, что пребывание в кланово-коррупцированной структуре в УИС, позволяет вести себя противоправно, безнравственно и чувствовать себя безнаказанно;

- низкий уровень правовых знаний у сотрудников УИС;

- отсутствие психологического барьера у части сотрудников УИС в отношении запрета на вступление в связи с осужденными и рассмотрение этой формы дополнительного заработка в качестве приемлемой в связи с тем, что «государство недоплачивает»;

- предпочтение со стороны сотрудников УИС выполнять требования ведомственных нормативных актов, а не законодательных норм;

- реализация сотрудниками УИС, имеющими властные полномочия распоряжаться финансово-материальными ресурсами, своих корыстолюбивых намерений;

- акцентирование внимания в организации своей жизнедеятельности частью руководителей УИС на удовлетворении потребностей и получении удовольствий;

- отсутствие во всех органах и учреждениях УИС таких структур, как *профессионально-этические аттестационные комиссии*;

- отсутствие в УИС внутрисистемных условий обжалования неправомερных и безнравственных решений руководителей. Обеспечивать социальную правовую защиту сотрудников во внесудебном порядке можно посредством создания *Апелляционных дисциплинарных комиссий* на уровне территориального органа ФСИН России, положение о которых необходимо принять в установленном порядке;

- отсутствие возможности у сотрудников обеспечивать свою социальную правовую защиту. Необходимо создать *профессиональные союзы персонала УИС*, которые могли бы объединить общественные усилия сотрудников УИС по защите своих интересов (в том числе начальствующего состава);

- отсутствие в системе ФСИН России возможности получать на различных уровнях управления объективную информацию о деятельности сотрудника при помощи научно-исследовательских групп; предоставлять ему результаты исследования в цивилизованной форме; при необходимости коррекции его деятельности принимать решение о прохождении индивидуального обучения (переобучения), разрабатывать план профессионально-личностного развития и его реализовывать для устранения недостатков в организации служебной деятельности, работе с сотрудниками и контингентом;

- создание отдельными руководителями УИС в среде коллективов сотрудников традиций и придуманных правил, связанных с культивированием употребления спиртных напитков по самым надуманным поводам (вливание в коллектив, звания, отпуска, дни рождений, прощания с коллективом, отмечание награды

и премий и т. д.). Однако проведение мероприятий указанного характера должно быть другим по форме и преследовать цель приобщения личного состава к ведению безалкогольного образа жизни.

Направления деятельности УИС, в которых наиболее часто отмечаются проявления коррупции:

1. В управленческой деятельности с персоналом УИС или лицами, находящимися под стражей в качестве заключенных или осужденных.

2. В экономической деятельности на предприятиях (центрах трудовой адаптации, учебно-производственных мастерских) УИС, производящих различные виды товаров на договорной основе для внешних и внутренних нужд.

3. В деятельности, связанной с возможностями применения прогрессивной системы отбывания наказания к осужденным и предоставления им послаблений и льгот.

4. В деятельности, связанной с приобщением лиц, отбывающих уголовные наказания в специально созданных для этого учреждениях УИС, к правопослушности, исполнению ограничений и запретов.

5. В возможностях овладения, пользования и распоряжения финансово-материальными ресурсами УИС, доступными для руководителей и замещающих их сотрудников.

6. В использовании полномочий и/или создании условий (принятие решений) для незаконного (незаслуженного) получения материальных и моральных привилегий в процессе прохождения службы сотрудниками: званий, наград, премий, других преимуществ в УИС лично себе, членам своей семьи и родственникам.

Конкретные виды служебной деятельности в УИС, где чаще всего могут иметь место проявления коррупции (получение личной выгоды и материального вознаграждения):

1. Представление в суды материалов на условно-досрочное освобождение либо замену наказания более мягким с изъятиями из личного дела документов, свидетельствующих о допущенных осужденным в период отбывания наказания грубых, злостных или мелких нарушениях режимных требований, за вознаграждение.

2. Создание для «элитной» части осужденных в ИУ лучших коммунально-бытовых условий, чем у остальных, за вознаграждение.

3. Наличие договоренности с лидерами осужденных в ИУ о том, что сотрудники за вознаграждение не вмешиваются в некоторые их действия в обмен на подержание ими порядка в зоне.

4. Предоставление nepоложенных длительных и краткосрочных свиданий с лицами, в том числе женского пола, не являющимися близкими родственниками и не состоящими в родственно-семейных связях за соответствующее вознаграждение.

5. Предоставление возможности на постоянной основе пользоваться мобильной связью в период отбывания лишения свободы за систематическую плату.

6. Создание каналов поставки алкоголя, наркотиков и запрещенных предметов для части осужденных за вознаграждение.

7. Попустительство со стороны сотрудников УИС в отношении осужденных за вознаграждение в части предъявления законных требований о привлече-

нии их к обязательному труду и право- послушности.

8. Невовлечение сотрудниками УИС части осужденных за вознаграждение в систему воздействий, направленных на их исправление и ресоциализацию.

9. Проведение законным способом списаний товароматериальных ценностей и их присвоение сотрудниками УИС.

10. Премирование той части сотрудников, которые доказывают личную преданность либо являются родственниками первых руководителей.

11. Привлечение руководителями подчиненных сотрудников, а также осужденных для выполнения личных просьб, поручений, работ по строительству, ремонту и т. д., и решение их личных вопросов в ответ.

12. Привлечение осужденных к выполнению работ по производству неучтенной продукции либо изделий, выпуск которых в УИС запрещен, либо не прошел по учетной документации, последующая их реализация и получение за это материального вознаграждения.

13. Изготовление и вывоз за пределы охраняемого объекта промышленной продукции по фиктивным товаротранспортным накладным без надлежащей регистрации с последующим уничтожением всех поддельных документов, и использование этой продукции для приобретения личной выгоды.

14. Ликвидация за вознаграждение документов, составленных на осужденных, о совершении ими различных правонарушений в период отбывания наказания в виде лишения свободы.

15. Преследование с целью последующего увольнения профессионально компетентных сотрудников, способных

обнаруживать и уличать руководителя, ставящего перед собой преступные замыслы. Назначение на руководящие должности молодых, абсолютно некомпетентных сотрудников, на которых в последствии можно списать просчеты и преступления.

16. Получение сотрудниками УИС взяток в виде денежных средств за создание в ИУ обстановки, способствующей получению лидерами преступной среды незаслуженных послаблений и льгот (отдельных помещений для проживания с телевизором, видеотекой, холодильником, душевой кабиной и т. д.).

17. Оказание содействия сотруднику УИС со стороны спецконтингента в решении лично-семейных вопросов за оказание услуг лидерам осужденных.

18. Получение отдельными сотрудниками УИС в дар автомобилей иностранного производства (с залегендированным оформлением) за оказание услуг лидерам осужденных.

19. Создание условий сомнительным структурам для организации производственной деятельности в центре трудовой адаптации ИУ, что может оцениваться как позитивная деятельность части сотрудников УИС со всеми вытекающими последствиями, но часть из них могут систематически получать от таких партнеров отдельный «премиальный пакет», хотя при этом могут знать о невысоком финансовом результате как для осужденных, так и для УИС.

20. Получение сотрудниками УИС от осужденных за содействие в решении отдельных вопросов товароматериальных ценностей в виде: телевизоров, холодильников, DVD-плееров, средств связи, стерео систем, дорогой сантехники, мебели, стройматериалов и т. д.

21. Создание в системе исполнения наказаний без лишения свободы клановой группировки сотрудников, злоупотребляющей возможностями неправомерного использования и присваивающей себе государственные средства путем оформления через бухгалтерию фиктивных платежных документов.

22. Создание посредством связей осужденных родственникам сотрудников УИС различного рода благоприятных условий для организации или развития их бизнеса, ведущегося помимо служебной деятельности.

23. Улучшение жилищных условий сотруднику-руководителю либо его родственнику за счет ресурсов осужденных.

24. Строительство для сотрудника и его семьи в качестве вознаграждения за выполненные для осужденных услуги отдельного дома со всеми хозяйственными постройками.

25. Получение сотрудниками-руководителями и членами их семьи драгоценностей за счет средств «общака», который среди других целей направлен именно на подкуп должностных лиц УИС.

26. Обеспечение отдельными сотрудниками УИС за получаемое вознаграждение лидеров осужденных информацией личного и служебного характера о сотрудниках, препятствующих деятельности их группировок.

27. «Третирование» за полученное вознаграждение отдельными руководителями УИС добросовестного и честного сотрудника в угоду требованиям лидеров осужденных с целью «ударить ему по нервам» либо принудить к увольнению.

28. Преследование за вознаграждение членов семьи честного сотрудника

или организация подобной деятельности лицами, преданными руководителю, организовавшему это деяние.

29. Получение оплаченных туристических путевок за границу коррумпированному сотруднику и членам его семьи за выполненную услугу для лидеров осужденных.

30. Получение валюты за создание постоянного канала передачи «грева» в ИУ от преступных группировок, находящихся «на воле» для тех, кто «терпит от ментов».

31. Принуждение вышестоящими руководителями нижестоящих к совершению хищений и передаче им товароматериальных ценностей за обещанное продвижение по службе, выплату премиальных вознаграждений, оформление незаслуженных наград и присвоение внеочередных званий.

32. Выдача премий части сотрудникам УИС в несколько большем объеме, чем всем, и проведение сборов части этих средств (в объеме разницы) для передачи лично одному из руководителей УИС, инициировавшему премирование.

33. Навешивание ярлыков, измышление и распространение клеветнической информации о сотрудниках, надлежащим образом владеющих профессией и ответственно исполняющих служебные обязанности.

34. Систематический сбор средств с личного состава в день получения заработной платы по различным надуманным причинам по поручению руководителей УИС, учреждений и их служб.

35. Инициативный сбор средств для поздравления с днем рождения только руководителей УИС, но не всего служащего персонала в порядке очередности.

36. Инициирование награждения государственными наградами сотрудников, строящих свои отношения с руководителями УИС только в соответствии с принципом личной преданности, а также за переданное денежное вознаграждение инициатору. Проведение вручения подобных наград в условиях конфиденциальной обстановки без огласки всему личному составу.

37. Создание одним из родственников руководителя УИС (или надежного знакомого) хозяйственной структуры, через которую проходят поступающие финансовые ресурсы и обналичиваются получаемые денежные средства. Обеспечение неприкосновенности сотруднику УИС, который отвечает за выполнение данной задачи.

Вред от коррупции в УИС:

- девальвируется система исполнения наказаний;
- население ставит под сомнение эффективность деятельности УИС, возможности ее позитивного воздействия на лиц, отбывающих уголовные наказания по приговорам судов;
- страдает имидж сотрудников УИС;
- утрачиваются государственные материально-финансовые ресурсы, находящиеся в распоряжении УИС;
- компрометируются органы государственной власти в лице УИС;
- происходит дифференциация кадрового состава УИС: лучшие интеллектуальные силы покидают систему, худшие, не способные генерировать новые идеи и эффективно работать над совершенствованием деятельности УИС, остаются;
- суживаются возможности УИС в установлении новых хозяйственных пер-

спективных экономических отношений;

- укореняется вера осужденных и сотрудников в необходимость существования коррупции и криминальной субкультуры;
- оказывается негативное влияние на развитие креативности в среде сотрудников УИС;
- дискредитируется в среде сотрудников идея возможности продвижения по службе за достижения в служебной деятельности и культивируется идея оказания личных услуг руководителям, от которых зависят возможные продвижения, вознаграждения и т. д.;
- утрачивается вера сотрудников УИС в действенность норм профессионально-служебной этики и т. п.

Меры по созданию условий и устранению причин, способствующих образованию и проявлению коррупции в УИС ФСИН России.

- Перевести всех руководителей УИС и учреждений в разряд государственных гражданских служащих, установить соответствующие должностные оклады, но при этом:

- а) провозгласить законом независимость руководителя ИУ в РФ и четко определить случаи, при наступлении которых возможны отставка либо отстранение от должности;

- б) установить четкие способы контроля за деятельностью руководителей ИУ и подчинение их только закону, а не письменным распоряжениям и устным указаниям вышестоящих структур;

- в) ввести систему гласного конкурсного комиссионного отбора для назначения на руководящие должности (на должности первых лиц) в исправительные учреждения и территориальные

органы УИС с обязательной сдачей соответствующих тестов и проведением обязательного комиссионного собеседования; субъекты РФ должны иметь возможность выставлять свои кандидатуры.

- Рассмотреть возможность, если не выборов руководителей, то их назначения на определенный срок в результате проводимого гласного конкурсного, комиссионного отбора, то есть обеспечить сменяемость, не позволяющую уклониться от злоупотреблениям и формированию «команд» по принципу личной преданности лидеру, круговой поруки, закрытости и реализации корыстных намерений с использованием возможностей государственного учреждения.

- Принять специальный закон России, ограничивающий пребывание чиновника любого уровня на государственной должности в УИС, а также ввести периодическую сдачу экзаменов, подтверждающих профессиональную пригодность, и периодическое проведение исследований деятельности руководителя, осуществляемых специальными исследовательскими группами, которые будут изучать мнения и осужденных, и сотрудников. Плохие результаты не следует ставить в вину проверяемому руководителю, они должны послужить стимулом к повышению эффективности его деятельности.

- Необходимо осуществить частичное сокращение управленческого аппарата территориальных органов и довести численность управленческого состава сотрудников в территориальных органах УИС. Высвободившиеся ресурсы направить на улучшение материального обеспечения оставшейся части сотрудников всей УИС.

- Принять решение на уровне Правительства РФ, чтобы все должности первых руководителей территориальных органов УИС, исправительных учреждений, следственных изоляторов, тюрем, воспитательных центров и лечебных учреждений были укомплектованы лицами из числа гражданского персонала, которые могли бы быть приняты на указанные должности по проводимому гласному открытому конкурсу (отражался в СМИ). Порядок проведения конкурса должен быть определен совместным решением государственно-общественных формирований, но предварительно кандидаты должны сдать комплексный экзамен по профессиональной пригодности (тестовый вариант решения определенного количества вопросов правового, управленческого, педагогического, психологического и социального характера и пройти комиссионное собеседование).

- Ввести законодательным образом в Положение о прохождении службы в УИС специальную норму, запрещающую лицам, находящимся в родственных связях, служить в одной и той же структуре, учреждении, где служба связана с непосредственным и прямым подчинением.

- Принять во ФСИН России специальный порядок разбирательства дел сотрудников по инкриминируемым им деяниям (Положение о деятельности апелляционных дисциплинарных комиссий), когда возможности их рассмотрения на служебном уровне в большей мере исключают судебные разбирательства и применение соответствующих санкций (принуждений) особенно материального характера.

- Организовать на постоянной основе проведение в каждом учреждении, где осуществляется заключение людей под

стражу, ежегодных слушаний по проблемам совершенствования их деятельности, на которые приглашать руководителей органов власти, законодательных структур, органов местного самоуправления, судов, прокуратуры, милиции, родителей лиц, находящихся в местах лишения свободы, а также представителей общественных и религиозных организаций (возможно и самих осужденных).

- Ввести правило, при котором сотрудника, увольняемого из органов УИС в званиях от майора до полковника, вызывать на Главную аттестационную комиссию во ФСИН (УФСИН) России, где проводить реальное разбирательство вопроса причин увольнения со службы. А то получается, что опытный сотрудник, профессионал уходит по вине руководителя, а набор и обучение нового сотрудника осуществляется за счет средств налогоплательщиков. Этот вопрос Минюстом России абсолютно не изучен. Многие сотрудники (настоящие профессионалы) вынуждены увольняться ввиду создаваемых отдельными вышестоящими руководителями невыносимых условий прохождения службы: бесчеловечное отношение, полное игнорирование требований Трудового кодекса РФ о продолжительности рабочего времени, унижение человеческого достоинства, навешивание ярлыков, злоупотребление служебным положением, использование своих личных вопросов на виду у всех сотрудников, нерешение для сотрудников вопросов социального характера, подбор своего окружения по принципу личной преданности и вовсе не направленного на улучшение решения служебных и иных задач. *На местах могут с легкостью увольнять сотрудников-офицеров*

на подготовку которых потрачены огромные государственные ресурсы, а ответственности за это никто не несет.

- Упразднить практику прихода на службу на руководящие должности в УИС лиц со своими непрофессиональными «командами» (так как это не политическая структура) и беспричинного увольнения тех сотрудников, которые прежде служили на этих должностях, не имея нареканий.

Вместо этого необходимо разработать четкий механизм прохождения службы, ротаций, перемещений по горизонтали и вертикали, основываясь на критериях необходимости подготовки кадров, способных и знающих основные направления деятельности. При этом надо создавать условия для повышения эффективности работы УИС, разработав ее новые показатели.

- Проработать мероприятия по созданию замкнутого цикла «наказание и исправление-ресоциализация осужденных», обеспечив позитивное воздействие на них в местах лишения свободы и постпенитенциарное сопровождение (помощь в ТБУ на свободе) в целях социальной адаптации в течение одного года после отбытия наказания, возложив эту обязанность на специально создаваемые гражданские структуры.

Разрабатывать и реализовывать систематически в каждом ИУ постоянную действующую программу обучения, направленную на противодействие тюремной субкультуре, имеющейся как в среде осужденных, так и в среде персонала.

Обучение персонала в практических подразделениях должно производиться в коллективных и индивидуальных формах, что также будет достаточно просто проверить.

- Выйти с ходатайством перед Правительством РФ о создании специальной программы для УИС и ее принятии «Жилье для сотрудников УИС ФСИН России».

- Предусмотреть приказом ФСИН России привлечение для работы в межрегиональных и региональных учебных центрах на преподавательской работе сотрудников, находящихся в социальном статусе «имеющий опыт работы в ИУ», а также ветеранов уголовно-исполнительной системы, обладающих опытом непосредственной работы с осужденными, а не молодых сотрудников, которые служат там по протекции и практики работы с осужденными в ИУ не имеют.

- Предусмотреть в системе повышения квалификации сотрудников УИС возможность представления каждым сотрудником отчетов об итогах персональной профессиональной деятельности (достижения, недостатки, предлагаемые пути решения проблем), а затем подготовку и реализацию в период повышения квалификации планов личностно-профессионального развития и совершенствования служебной деятельности).

- Предложить внести изменения в нормативно-правовые документы, определяющие, что в учебные заведения УИС могут поступать лица, достигшие 20-летнего возраста, а приниматься на службу в учреждения УИС — лица, достигшие 22-летнего возраста, так как не сформированная внутренняя мотивация для службы в УИС, отсутствие какого-либо жизненного опыта, приход на обучение в образовательные учреждения ФСИН России в УИС сразу после школы не способствуют надлежащей органи-

зации служебной деятельности этими лицами, а также негативно сказываются на результатах деятельности этих учреждений. Кроме того, подобные сотрудники являются «мягким материалом» для обработки опытными преступниками, не могут обеспечить достойный уровень требовательности к осужденным в вопросах соблюдения установленного в местах лишения свободы порядка, а также, как правило, очень быстро подвергаются профессиональной деформации.

- Ввести в УИС на вольнонаемные должности: институт помощников начальника отряда, психолога, мастера, специалиста по социальной работе, инспектора отдела службы. Это необходимо для создания последовательно подготавливаемых кадров для работы в УИС, чтобы молодые сотрудники начали свою деятельность именно с таких должностей, со стажерских обязанностей, формируя свою профессиональную подготовку.

- Принять приказом на уровне Минюста России (ФСИН России) порядок, при котором все лица, вновь назначаемые на должности руководителей территориальных управлений ФСИН России и их заместителей, а также начальников ИУ и их заместителей, будут обязаны проходить компьютерное тестирование на знание правовых, профессиональных, социальных, воспитательных, психологических и нравственных вопросов, связанных с предстоящей служебной деятельностью. Компьютерная программа должна сама содержать резолюции, по которым определяется уровень пригодности кандидата. Исключить возможность предварительной подготовки к ответам либо получения помо-

щи в процессе тестирования. Комиссия, присутствующая на тестировании, должна констатировать факт и подписать соответствующий протокол, имеющий правообразующие последствия.

- Принять за правило, что кандидаты на руководящую должность в территориальный УФСИН (начальник, заместители) не могут быть назначены на эти должности, если не прослужили в практических подразделениях (ИУ) менее 5 лет. В настоящее время в территориальных управлениях на руководящих должностях и в высоких званиях служат очень много сотрудников, назначенных по принципу личной преданности, просьбам «сверху», сватовства, кумовства, близких и дальних родственных связей, сбежавшие из Вооруженных Сил РФ из-за войны в Чечне, имеющих низкую профессиональную компетентность, ни одного дня не проработавших в практических подразделениях УИС и не владеющих спецификой работы с осужденными в местах лишения свободы!

- Предусмотреть Положением о прохождении службы в УИС возможность предоставления в исключительном порядке частично оплачиваемого отпуска сотруднику продолжительностью до 6 месяцев без снятия с должности для решения лично-семейных вопросов, связанных с необходимостью получения лично и членам семьи медицинской и психологической помощи после полученных ранений, заболеваний либо тяжелых стрессов, случающихся в процессе служебной деятельности. Можно предложить, чтобы в период этого отпуска сотруднику выплачивалось жалование в полном объеме и не прерывался стаж службы. Решение о предоставлении такого отпуска принимать

только коллегиально после подачи соответствующих документов и обсуждения на Большом служебном совете в территориальном органе с участием коллег по службе (общественных структур), то есть сотрудников, проходящих службу совместно на равных должностях. Положение о Большом служебном совете также необходимо разработать.

- Провести анализ состояния кадров ФСИН России в масштабе страны, который должен дать ответы на следующие вопросы:

- какое количество сотрудников ФСИН России различных должностных категорий по годам до 2020 года должны уйти на пенсию?

- могут ли учебные заведения ФСИН России, обучая определенное количество лиц по различным направлениям, обеспечить подготовку кадров для своевременного замещения высвобождаемых кадров?

- какое количество кадров необходимо принять на службу из числа граждан, получивших высшее образование в гражданских вузах страны? И какое количество из их числа необходимо отправить на переобучение с целью обеспечения исполнения ими служебных обязанностей на должном уровне.

- Ввести в практику правило, чтобы комплектованием кадров и направлением на обучение в учебные заведения ФСИН России отвечало конкретное практическое подразделение с учетом потребности ротации (увольнение по выслуге лет) на перспективу (на 8 лет) при согласовании этого вопроса с территориальным УФСИН.

- Учесть, чтобы контракты с лицами, которые будут обучаться, были подписаны до направления на учебу. В них

должны быть оговорены суммы средств, подлежащих выплате обучившимся лицом, если после окончания учебного заведения, он не прибудет к месту службы (то есть в учреждение, где был подписан контракт) и не отработает средства, затраченные на обучение в течение 5 лет.

- С учетом старения населения страны и ухудшающейся ситуацией с привлечением кадров для службы в уголовно-исполнительной системе (особенно по отдельным регионам) надо провести анализ и подготовить по каждому территориальному управлению ФСИН России следующие сведения: какое количество и каких именно должностей могли бы замещать во всех его структурах и практических подразделениях бывшие сотрудники, ушедшие на пенсию, но еще имеющие желание и возможность работать на менее ответственных должностях? Их обучать, по сути, не надо, а на отдельных направлениях они могли бы вполне успешно работать. При дефиците кадров это было бы частичное решение кадрового вопроса, если это необходимо.

- При этом учесть, что состояние здоровья позволяет им выполнять обязанности по должностям, где не требуется огромной ответственности, физической подготовки и проявления большого напряжения сил, необходимого для оказания противодействия противоправным действиям преступников, находящихся в местах лишения свободы. Можно подготовить и объявить Перечень должностей по ФСИН России, на которые разрешено принимать сотрудников, уже имеющих и получающих пенсионное обеспечение, а также других лиц пенсионного возраста в связи с дефицитом кадров в УИС.

- Пересмотреть существующую систему рейтинговой оценки деятельности руководителей территориальных управлений ФСИН России. Ввести показатели результатов выполнения задач ИУ в соответствии с УИК РФ в отношении осужденных лиц и улучшения решения вопросов социальной сферы для персонала УИС, чтобы они были объективными, не зависели от лукавности руководителей, подписывающих отчеты, и могли быть оперативно проверены по критерию достоверности.

- Ввести в практику ежегодные личные отчеты руководителей перед коллективами сотрудников и их общественными формированиями (соответственно территориальных управлений и подразделений) о проделанной работе по двум названным направлениям, указанным в предыдущем пункте. Для этих собраний ввести порядок, при котором подчиненные дают оценку своему руководителю тайным голосованием. При признании работы неудовлетворительной (вариантов оценки может быть только два) вышестоящий орган может рассмотреть решение организационного вопроса.

- Обязать законом (ФЗ), внося изменения в Положение о прокуратуре РФ, местные прокуратуры не только контролировать, но и содействовать УИИ в деятельности по реинтеграции в общество лиц, освободившихся от отбывания уголовных наказаний без лишения свободы, требуя от местных властных структур и предприятий различных форм собственности решения вопросов трудовой занятости и других (социального характера) в отношении этой категории граждан.

- Ввести за счет имеющихся штатов в прокуратурах субъектов РФ должность:

помощник прокурора по содействию в социальной адаптации лиц, освободившихся от отбывания наказаний. Вменить в обязанность данному прокурору контроль над этим видом деятельности, осуществляемой всеми субъектами, обязанными проводить по закону такую работу.

- Внести изменения в Федеральный закон «О местном самоуправлении» в котором, предусмотреть Регламентом деятельности глав администрации субъектов РФ и местного самоуправления не менее одного раза в год лично посещать каждое исправительное учреждение, находящееся на данной территории, обсуждать вопрос о результатах его деятельности и необходимости оказания ему практической помощи, внести предложения по кадровому составу руководителей ИУ в случае несоответствия увиденного требованию: «организация деятельности персонала ИУ отвечает нормам законодательства РФ по исправлению осужденных».

- Практически прекратилась или не имеет той силы, что прежде, в системе ФСИН России деятельность общественных формирований сотрудников, что сразу же повлияло на упразднение критики руководителей управлений и практических подразделений порой за их аморальные и даже неправомерные действия, а также повлекло ликвидацию общественного контроля со стороны таких структур за их деятельностью. Руководители в свою очередь полностью перестали считаться с деятельностью общественных формирований и их решениями, используя только силу своей власти — авторитарного руководства, и все коллективные общественные мероприятия стали заменять оперативными

совещаниями. Обязать нормативным документом ФСИН России первых руководителей ИУ систематически (не реже одного раза в квартал или полугодие) проводить общие собрания сотрудников (обязательно с отчетом) с оформлением соответствующих протоколов и принятием решений, выполнение которых брать на контроль вышестоящим структурам и органам аналитическим службам УИС всех уровней.

- Ввести в правовое русло деятельность сотрудников, проходящих службу в управлениях собственной безопасности территориальных управлений ФСИН России, обязав их законом получать согласие на проведение негласных мероприятий (прослушивание телефонных переговоров, проведение аудиозаписи, видеозаписи сотрудников) только с разрешения суда. Подчинить их деятельность закону, предотвратив использование их возможностей для сведения счетов руководящим составом территориального органа с инакомыслящими сотрудниками. Однако лучшим вариантом такой деятельности было бы их выведение из подчинения руководителей УИС. В УИС есть уже оперативные аппараты (оперотделы), которые решают такие же задачи, дублируя друг друга с УСБ.

- Провести унификацию всех имеющихся во ФСИН России нормативно-правовых актов по направлениям деятельности, особенно таких, которые неким образом способствуют проявлению коррупции.

- Упорядочить осуществление контрольных функций и проведение различных проверок деятельности ИУ. Огромное количество организаций, контролирующих ИУ, которые осуществляют

контрольную деятельность каждая по своему графику, и администрация вынуждены большую часть рабочего времени в году тратить на обслуживание проверяющих. Кроме пяти зафиксированных видов контроля за УИС по УИК РФ существует еще более десяти зафиксированных в других законах РФ, а также в деятельности отдельных ведомств, организаций. Необходимо этот вопрос упорядочить, определив период контроля (например, только три месяца в году — январь, февраль, март) и проводить их совместно с представителями территориальных органов УИС. Проверки настолько частые и затяжные, что заниматься вопросами исполнения законодательства об исполнении наказаний и совершенствования служебной деятельности — некогда! Особенно актуально, что в период проверок отвлекаются от исполнения прямых служебных обязанностей руководители и документы первичного учета, а также затрачиваются финансово-материальные ресурсы на обслуживание лиц, проверяющих деятельность.

- Деятельность помощника начальника УФСИН по правам человека — носит карманный характер, многие должностные лица этой категории не знают, чем надо заниматься, и часто выполняют функцию недопущения поступления нежелательной информации от осужденных или сотрудников в СМИ. В то же время имеется необходимость проверки большого количества подготовленной служебной документации на коррупционность и т. д. Необходимо переименовать должность на: помощник начальника УФСИН по обеспечению правового положения лиц, отбывающих наказания, а также сотрудников УИС, так как защи-

та прав человека — это чрезмерно широкое понятие.

- В каждом регионе (области) следует решить вопрос об организации отдыха сотрудников в период отпусков, ибо отдыхают в санаториях в теплый период только крупные руководители, многим сотрудникам путевки не достаются.

- Необходимо иметь круглогодично оплачиваемые места в местных санаториях, если нет своих санаториев.

- В каждом подразделении ФСИН России создать ремонтную службу ПК, если это невозможно, то регулярно выделять ресурсы на проведение соответствующего ремонта, установку антивирусных защит и защиты от несанкционированной передачи информации служебного характера.

- Запретить применять к сотрудникам меру взыскания материального характера либо лишение премий (непримирение) без письменных материалов проверки о нарушении и письменного приказа.

- Сократить в УИС отчетность, которая приобрела угрожающие масштабы. Бумаготворчество и запросы вышестоящих организаций носят просто чудовищный характер!

- Разработать во ФСИН России компьютерную программу рейтинговой оценки деятельности исправительных учреждений и территориальных органов УИС, позволяющую объективно, без субъективизма тех или иных руководителей ФСИН России по итогам деятельности не чаще, чем за полугодие, определять лучшие подразделения и руководителей, претендующих на получение соответствующего материального вознаграждения (выплат из фонда стимулирования для дальнейшего разви-

тия) за достижение лучших показателей в службе.

- Дать право руководителям ИУ временно отклонять проведение проверок деятельности отдельными структурами за исключением судов, прокуратуры, территориального органа, если оперативная обстановка в данный период не позволяет отвлекать личный состав от решения вопросов, связанных с необходимостью незамедлительного принятия мер по улучшению оперативной обстановки, предотвращению возможного совершения преступлений.

- Предоставить законодательно единоличное право только руководителям ИУ разрешать и отклонять временно прошения о посещении ИУ представителям СМИ, общественным, правозащитным и религиозным организациям в связи с обстановкой в ИУ, имеющей тенденции к осложнению. За достовер-

ность мотивирования отказа по закону ответственность должен нести лично начальник ИУ, принявший решение об отклонении прошения о посещении.

- Ввести в Программу и практику постоянного ежегодного обучения сотрудников УИС в рамках служебной подготовки специальный раздел — «Борьба с коррупцией в УИС», который реализовывать в виде кратковременного курса в каждом ИУ.

Предлагаемые варианты решения проблем УИС, связанных с коррупцией, — это одна их субъективных позиций. Обсуждение таких вопросов в настоящее время представляется актуальной задачей.

Литература

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка. — М.: ОНИКС; Мир и Образование, 2007.

НОВЫЕ КНИГИ ПО ПСИХОЛОГИИ

А. И. Фролов

Коченов М.М. Судебно-психологическая экспертиза: теория и практика. Избранные труды. Издательство: Генезис 2010. 352 с.

В книге рассматриваются проблемы теории и практики судебно-психологической экспертизы в уголовном процессе: предмет, задачи и компетенция судебно-психологической экспертизы, возможности ее проведения по уголовным делам различных категорий, организационно-правовые аспекты производства таких экспертиз. В книгу включены классические работы М.М. Коченова, опубликованные впервые в 1970-1980-х годах и не переиздававшиеся до настоящего времени, а также ряд работ, написанных им в соавторстве с учениками и коллегами и выполнявшихся под его руководством. Работа «Опыт участия специалиста-психолога в расследовании уголовного дела» публикуется впервые. Издание адресовано судебным экспертам-психологам, работникам правоохранительных органов, а также студентам, аспирантам и преподавателям психологических и юридических факультетов.

Семенович А.В. Эти невероятные левши: Практическое пособие для психологов и родителей. Издательство: Генезис 2009. 256 с.

Автор — известный нейропсихолог, профессор МГППУ — описывает нейропсихологические закономерности феномена левшества, основные особенности развития «детей-левшат», приводит конкретные рекомендации и комплексы

упражнений для занятий с ними. Книга «Эти невероятные левши» адресована психологам, педагогам, родителям, и всем, кого волнуют проблемы детей-левшей. Книга выдержала 4 издания. В 2010 году издана в Хорватии.

Гордеева Т.О., Осин Е.Н., Шевяхова В.Ю. Издательство: Смысл 2009. 152 с. Диагностика оптимизма как стиля объяснения успехов и неудач: опросник СТОУН

Очередная брошюра из серии «Психодиагностические монографии» «Диагностика оптимизма как стиля объяснения успехов и неудач. Опросник СТОУН».

Нейропсихологическая диагностика. Классические стимульные материалы. Автор: Авт.-сост. Балашова Е.Ю., Ковязина М.С. Издательство: Генезис 2010. (Формат А4 70 листов.)

Вашему вниманию предлагается комплект стимульных материалов для нейропсихологической диагностики зрительного восприятия, памяти, внимания, мышления, речевых функций. Впервые со времен А.Р. Лурии осуществлено издание материалов высокого полиграфического качества, включающее 18 листов с цветными и 52 листа с черно-белыми изображениями. Стимульные материалы могут применяться для нейропсихологической диагностики здоровых лиц разного возраста (в том числе детей), а также больных с различными мозговыми дисфункциями. Издание адресовано клиническим психологам, имеющим представление о принципах

и процедуре проведения нейропсихологического обследования, а также об интерпретации данных.

Беллак Л., Эбт Л. и др. Проективная психология. Издательство Психотерапия 2010. 416 с.

Это уникальное пособие, в котором сделана попытка объединения наиболее интересной информации по проективным психологическим методикам (тест Роршаха, ТАТ, рисунок человека, ДДЧ и др.). В нем дается не только изложение известных и малоизвестных у нас проективных тестов, но и основы теории проективной психологии. Тем самым читателю предлагается осмысленный подход к применению подобных техник на практике. Статьи, посвященные непосредственному описанию конкретных тестов, написаны известными зарубежными мастерами в этой области. Читатель может познакомиться наряду с традиционными и с оригинальными подходами к применению тестов и интерпретации полученных данных. Книга рекомендуется специалистам и студентам в области психологии и смежных дисциплин.

Белопольская Н.Л. Психологическая диагностика личности детей с ЗПР. Издательство: Когито-Центр 2009. 192 с.

В книге «Психологическая диагностика личности детей с ЗПР» одного из ведущих отечественных специалистов по психодиагностике детей с отклонениями в развитии изложен новый подход к интерпретации тестовых показателей интеллектуального развития. На основании теоретического анализа и серии оригинальных экспериментальных

исследований предложена двухмерная модель интеллекта, включающая когнитивные и эмоционально-мотивационные компоненты. Выделены основные диагностические единицы самосознания детей. Высказана гипотеза о существовании зоны ближайшего эмоционального развития, оценка которой позволяет дать более адекватный прогноз развития детей с интеллектуальной недостаточностью. Выводы автора подкрепляет многолетнее лонгитюдное исследование детей, прошедших подобную диагностику.

Торохтий В.С., Прохорова О.Г. Психологическое здоровье семьи. Издательство Каро 2009. 160 с.

В пособии «Психологическое здоровье семьи» представлено описание сущности психологического здоровья семьи, его основные показатели и важнейшие закономерности развития. На основе психологического анализа условий жизни, уровня благополучия в основных функциях жизнедеятельности раскрываются свойства и уровни психологического здоровья семьи. В приведенной методике диагностики психологического здоровья семьи рассматриваются проблемы получения психологической информации о семье, практическое применение методики диагностики психологического здоровья семьи, а также интерпретация данных и формирование диагноза и рекомендаций. Пособие будет полезно при изучении психологического здоровья семьи для специалистов-практиков социальных служб семьи различного профиля, а также для преподавателей, аспирантов, студентов, слушателей курсов повышения квалификации.

Васина Е.Н., Барыбина А.В. «Я и Ты», «Ты и Я» — арт-альбомы для семейного консультирования. Комплект (2 арт-альбома + методическое пособие). Издательство Генезис 2010. 32 с.

Комплект материалов (два арт-альбома и методическое пособие) предназначен для консультирования младших подростков и их родителей. Он может стать незаменимым помощником в работе практического психолога. Использование арт-терапевтических техник и развивающих упражнений сделает процесс консультирования более эффективным и интересным. Авторы предлагают решать актуальные проблемы взаимоотношений детей и родителей в первую очередь через развитие навыков конструктивного общения средствами арт-терапии. Основная тема арт-альбомов — «Знаки внимания в межличностном общении (комплимент, похвала и поддержка)». В процессе консультирования один из родителей и подросток одновременно заполняют каждый свой арт-альбом — «Я и Ты» (детский), «Ты и Я» (взрослый), — работая иногда индивидуально, иногда совместно и обсуждая творческие работы. Совместная деятельность, обсуждение результатов

творчества способствуют углублению взаимопонимания между подростками и родителями, позволяют им лучше узнать друг друга, почувствовать себя партнерами.

Арт-терапия женских проблем под редакцией Копытина А.И. Издательство: Когито-центр 2010. 270 с.

Книга «Арт-терапия женских проблем» включает работы отечественных и зарубежных специалистов в области арт-терапии. Она охватывает широкий спектр психологических проблем, с которыми чаще всего сталкиваются женщины разного возраста и социального положения, и ряд форм арт-терапевтической работы. Приведенные в книге материалы показывают, что в настоящее время у женщин есть возможность получить такие консультативные и психотерапевтические услуги, которые учитывают гендерные различия и свободны от редуктивных, догматических трактовок их опыта и поведения. Они также подтверждают, что арт-терапия обладает значительным потенциалом для работы с различными проблемами женщин, нередко выступая в качестве инструмента «социальной терапии».

РЕФОРМИРОВАНИЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ. ПРОБЛЕМЫ МЕДИКО-СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЦ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЯ И ОСВОБОЖДАЮЩИХСЯ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Р. Ш. Юсуфов, Д. Е. Дикопольцев

22 апреля 2010 г. в г. Москве НИИ ФСИН России и Представительством Управления ООН по наркотикам и преступности в Российской Федерации проведена Международная научно-практическая конференция, где были рассмотрены вопросы медико-социальной адаптации лиц, отбывающих наказания и освобождающихся из мест лишения свободы.

Противодействие распространению ВИЧ-инфекции и других социально значимых заболеваний — одно из приоритетных направлений деятельности российского здравоохранения. Инфекционный и социальный характер этих заболеваний требует особых организационных подходов. Наиболее интенсивно в последние годы ВИЧ-инфекция распространялась в России среди потребителей инъекционных наркотиков. Эта лица чаще, чем население в целом, совершают преступления и попадают в места лишения свободы.

Эпидемия ВИЧ-инфекции в исправительных учреждениях проявляется острее и носит более интенсивный характер, чем в гражданском обществе, поэтому требует решительного вмешательства. В местах заключения находятся около 11% всех учетных в стране ВИЧ-инфицированных. Согласно официальным данным ФСИН России в апреле 2010 г. в исправительных учреждениях содержалось более 56 тыс. ВИЧ-

инфицированных, что составляет 6% от общего числа лиц, отбывающих наказания в местах лишения свободы.

На сегодняшний день особенно важно обратить внимание на отдельную группу осужденных — ВИЧ-инфицированных и страдающих зависимостью к наркотикам (в 90% данная патология сочетается). Во-первых, эта группа составляет немалую долю от всех лиц, отбывающих срок и освобождающихся. Во-вторых, ВИЧ-инфицированные и больные наркоманией имеют высокий риск усугубления симптомов заболевания и требуют постоянного медицинского мониторинга как при любом хроническом заболевании. В-третьих, социальная значимость обоих заболеваний и высокие экономические затраты на их лечение обуславливают актуальность работы по поддержанию приверженности к медицинским и социальным программам, обеспечивающим стойкую ремиссию при данных видах патологии.

В ИК общего режима было назначено отбывание наказания 56,8% ВИЧ-инфицированных осужденных, в ИК строгого режима — 32,6, в колониях-поселениях — 6,0%. На обычных условиях содержится 80,4% осужденных, а на облегченных условиях — 15,3%.

Место отбывания наказания в том же субъекте РФ, где имел постоянное место жительства, — 53,7%, в том районе (городе), где жил до осуждения, —

23,4 %, в другом субъекте РФ не по месту жительства и не по месту осуждения — 19,9% ВИЧ-инфицированных осужденных.

41,8% ВИЧ-инфицированных осужденных в возрасте от 30 до 39 лет, 37,3 — от 25 до 29 лет, 10,8% — от 20 до 24 лет, доля остальных возрастных групп ВИЧ-инфицированных незначительна.

Одна судимость у 41,6% осужденных, две у 31,8, три у 15,2% осужденных.

41,7% ВИЧ-инфицированных осужденных отбывают наказание за тяжкое преступление, 34,8 — за особо тяжкое, 20,1 % — за преступления средней тяжести.

Окончательное наказание, назначенное судом ВИЧ-инфицированным осужденным: до 1 года вкл. — 2,0%, от 1 до 2 лет вкл. — 9,6, от 2 до 3 лет вкл. — 16,3, от 3 до 5 лет вкл. — 30,6, от 5 до 8 лет вкл. — 25,8, от 8 до 10 лет вкл. — 8,5, от 10 до 15 лет вкл. — 4,9, от 15 до 20 лет — 1,5%. Доля остальных лиц незначительна.

Характеризуется положительно 38,7% осужденных, нейтрально — 40,8, отрицательно — 18,0, злостных нарушителей — 2,5% осужденных.

Большинство осужденных находятся в исправительных учреждениях не долгое время, после чего возвращаются к месту своего жительства. Ежегодно из мест лишения свободы освобождается около 300 тыс. осужденных (например, в 2009 г. освободилось 273708 человек),

при этом более 30% из них совершают повторные преступления. Существует прямая взаимосвязь между рецидивной преступностью и мерами социальной реабилитации.

В Российской Федерации вопросы оказания социальной помощи правонарушителям, решаемые службами probation, относятся к компетенции различных органов исполнительной власти, в том числе Минюста России, органов местного самоуправления, учреждений здравоохранения, органов занятости и общественных организаций. Реализация медицинской составляющей комплексной реабилитации осужденных представляется важным элементом работы с рассматриваемой категорией граждан. Это связано с тем что значительное число лиц, освобожденных из исправительных учреждений, страдают социально значимыми заболеваниями. Как показали исследования, такие лица наиболее уязвимы в социальном плане, в ряде случаев они избирают способы адаптации, связанные с противоправным поведением.

Таким образом, деятельность, направленную на укрепление здоровья, в сочетании с мероприятиями по социальной и психологической реабилитации, проводимые в комплексе, следует рассматривать как эффективное средство формирования социально здоровой личности и профилактики совершения новых преступлений.

«НАХОДИТЬ СЛОВА ДИАЛОГА...»

В. М. Галактионов

21-22 октября на базе Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (г. Самара) при поддержке и участии Российской Академии Образования, Академии педагогических и социальных наук, Московского психолого-социального института прошла IV Всероссийская научно-практическая конференция «Молодёжная субкультура (актуальные проблемы)».

Более 250 участников конференции заслушали 17 докладов и выступлений, приняли участие в работе круглого стола «Реализация организационного и идеологического потенциалов различных молодёжных субкультур в политической жизни Российской Федерации», в игре «Интуиция».

В конференции приняли участие ученые Москвы, Рязани, Самары, Ульяновска, Оренбурга, Твери, руководители детских подростковых клубов, преподаватели и студенты Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (ПГСГА), Самарского государственного университета, Самарского государственного архитектурно-строительного университета, Самарского юридического института ФСИН России, Самарского социально-педагогического колледжа, Самарского государственного профессионально-педагогического колледжа.

География заочных участников конференции традиционно широка. В адрес конференции были присланы статьи из Ангарска, Владимира, пос. Залари Иркутской области, Иркутска, Екатеринбу-

рга, Кемерово, Краснодара, Кумертау, Орла, Энгельса, Якутска.

Открывая конференцию, ректор ПГСГА профессор И.В. Вершинин отметил: «Я рад, что именно наш вуз выбран площадкой для реализации этого проекта, и сегодня мы открываем уже четвёртую конференцию, посвящённую проблемам молодёжной субкультуры. Проблемы культуры сейчас всё чаще входят в сферу интересов социологов, культурологов, политиков. Отмахиваться от каких-либо явлений, делать вид, что они не существуют и действовать запретительными методами сегодня — это не эффективно. Сегодня надо понимать, что происходит, находить слова диалога, слова, которые понятны представителям различных социальных групп».

Большое впечатление на участников конференции произвело выступление академика РАО Б.М. Бим-Бада (г. Москва). Говоря о проблемах современной молодёжной субкультуры, он вплел их в историческую канву, органично включив в своё сообщение фрагменты из Книг Ветхого и Нового Завета.

Из выступления доктора педагогических наук, профессора, академика РАО Б.М. Бим-Бада: «Устройство мира таково, что у думающей молодёжи, приученной испытывать отвращение ко лжи, возникает совершенно естественное отторжение этого мира зла, конкуренции, обмана, жестокости. Перед молодёжью стоит дилемма: восстать против этого мира или убежать от него. Хиппи и представители значительной части других молодёжных субкультур предпочитают

убежать, отойти от зла и сотворить пассивное благо. Может быть это лучше, чем революционный бунт, который за всю историю человечества никому и никогда не принёс мир и благо? Что же делать, чтобы помочь молодым людям одолеть мучащие их сомнения? Надо с самого юного возраста обсуждать с молодёжью самые сложные проблемы бытия, а иногда нужно просто помолчать, посочувствовать страданиям молодого человека».

В своем выступлении Б.М. Бим-Бад затронул и проблему выбора между добром и злом, которая относительно молодежной субкультуры становится выбором между конструктивными и деструктивными молодежными субкультурами. И если участники прошлых конференций пытались понять, что же привлекает молодых людей в ряды готов, панков, скинхедов и других далеко не позитивных субкультур, то на этой конференции акцент был сделан на конструктивных субкультурах. Практики, работающие с детьми, подростками, юношами показали на конкретных примерах, как увлечь молодых людей нравственно-ориентированными идеями, как помочь им сделать выбор в пользу добра.

В конференции приняли участие представители детских подростковых клубов (М.А. Акользин, руководитель детского туристического клуба «Эдельвейс»; С.Н. Бобровская, руководитель гражданско-патриотического клуба «Память»; С.А. Лобачёва, руководитель волонтерского отряда «Оптимисты»; М.В. Борисов, руководитель творческого объединения «Мир мастеров»; М.В. Иванчикова, участник клуба исторической реконструкции «Мьелльнир»; А.М. Ларин, руководитель военно-патриотического

клуба «Русь»; О.П. Панышина, руководитель клуба авторской песни «Союз друзей»; И.Н. Высоцкая, руководитель клуба авторской песни «Жигули»), которые в своих выступлениях показали, что и средствами дополнительного образования можно и нужно формировать некую общность молодых людей, помогая им сделать нравственный выбор в пользу конструктивных субкультур.

Конференция была продолжена в формате «круглого стола», в котором приняли участие: А.А. Фролова, руководитель Рождественского отделения Волжского района Самарской области Всероссийской общественной организации «Молодая гвардия»; М.Н. Кануев, депутат собрания представителей муниципального района Волжский Самарской области; С.А. Бурцев, зам. председателя молодежного правительства Самарской области; Т.В. Шестопалова, начальник Управления по воспитательной и социальной работе ПГСГА, зам. секретаря регионального отделения партии «Единая Россия»; М.В. Дегтярёв, депутат Самарской Губернской думы, фракция ЛДПР; Д.А. Сташенков, к.ист.н., учёный секретарь Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина, руководитель некоммерческой общественной организации «Региональный общественный фонд «Общественный информационный центр»; А.А. Хоровинников, к.филос.н., доцент кафедры философии ПГСГА; М.П. Матыгин, региональный координатор проекта «Кадровый резерв—профессиональная команда страны» по Самарской области; В.В. Юдин, ведущий специалист по работе с молодежными организациями (г. Оренбург, ОГУ), студенты и преподаватели самарских вузов. Участники «кру-

глобо стола» выразили общее мнение о необходимости объединения усилий политических движений и партий, общественных организаций, органов образования в аспекте ориентации молодёжи на позитивный путь самореализации. «Круглый стол» показал большой интерес к данной проблеме и наметил конкретные пути ее решения.

На второй день работа конференции продолжилась на базе Самарского социально-педагогического колледжа. Кульминацией этого дня стала игра «Интуиция», организованная кандидатом педагогических наук, В.М. Савченко (Московский военный институт). По идее автора участникам игры предлагалось правильно угадать представителей различных молодёжных субкультур. Студенты курсов факультета иностранных языков ПГСГА взяли на себя роль представителей молодёжных субкультур: готтов, панков, эмо, лоли, фруктов, хиппи и др. Профессорско-преподавательская часть конференции также была «втянута» в эту игру, и с помощью молодёжной аудитории все представители молодёжных течений, в конце концов, были определены правильно.

Подводя итоги конференции, академик РАО Б.М. Бим-Бад отметил: «Данная конференция отличается от предыдущих более практическим характером. Здесь мы услышали мало академических ре-

чей, теорий, но зато увидели много живой практики с участием молодых людей. И мне кажется, что это плюс. Хотя некоторым моим коллегам показалось, что науки было маловато, мы считаем, что в рамках данной конференции наука не самоцель. Заинтересованные лица, горящие глаза молодых людей — вот, что главное на этой конференции. У меня сегодня гораздо больше удовлетворения, чем от чисто научных конференций».

Закончилась четвертая Всероссийская научно-практическая конференция «Молодежная субкультура (актуальные проблемы)», но продолжают научные изыскания в данном направлении. Подготовка к пятой конференции уже началась. В наших планах проведение телемоста Москва — Самара — Рязань, в котором примут участие ведущие специалисты в области молодёжной субкультуры. Также организаторы конференции хотели бы проанонсировать игру «Что? Где? Когда?», которая пройдет в рамках пятой конференции и будет посвящена молодёжным субкультурам. Все желающие могут принять участие в игре, прислав вопрос по данной тематике на электронный адрес конференции: msubcultura@mail.ru. Также на этот электронный адрес Оргкомитет ждет предложений и пожеланий от всех, кто интересуется проблемой молодёжной субкультуры.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ТРЕТЬЯКОВА АРТЁМА НИКОЛАЕВИЧА

В ночь с 25 на 26 сентября 2010 г. скоропостижно скончался старший преподаватель кафедры юридической психологии и педагогики кандидат юридических наук, майор внутренней службы Артём Николаевич Третьяков.

Он родился 5 апреля 1979 г. в Дягилевском военном городке г. Рязани в семье военнослужащего (отца) и преподавателя (матери). Дошкольное образование получил в детском саду № 31, где за проявленные сообразительность и любознательность был прозван «профессором». До 9-го класса учился в средней школе № 21 (пос. Дягилево). Для поступления в Рязанский институт права и экономики МВД РФ 10-11 классы заканчивал в средней школе № 56 (с юридическим уклоном), где неоднократно участвовал в различных олимпиадах, и по результатам одной из них

был награжден поездкой в Канаду, куда летал вместе с путешественником, Героем России Михаилом Малаховым.

В 2000 г. Артём Николаевич с отличием закончил юридический факультет Рязанского института права и экономики Министерства юстиции Российской Федерации. Ученым советом РИПЭ Минюста России был рекомендован для поступления в очную адъюнктуру по специальности 12.00.08—уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право. По окончании адъюнктуры был назначен на должность преподавателя-методиста кафедры криминологии и профилактики преступлений. В 2004 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию по специальности 12.00.08 на тему: «Криминологическая характеристика и предупреждение преступности в информационной сфере уголовно-исполнительной системы».

С сентября 2005 г. Артём Николаевич состоял в должности преподавателя кафедры юридической психологии и педагогики юридического факультета Академии ФСИН России. За период работы на кафедре зарекомендовал себя как высококвалифицированный специалист. Грамотный педагог. Способный организатор. После назначения в мае 2010 г. на должность старшего преподавателя кафедры юридической психологии и педагогики, Артём Николаевич стал победителем конкурса профессионального мастерства среди профессорско-преподавательского состава Академии ФСИН России в номинации «Старший преподаватель, преподаватель».

Артём Николаевич был женат, вос-

питывал сына, к которому относился с большой любовью и нежностью.

Он активно занимался научно-исследовательской работой. Им написано более 30 научных работ. Его научные статьи опубликованы в сборниках материалов психологической школы, сборниках научных трудов по материалам межрегиональных научно-практических конференций «Деевские чтения», ежегодно проводимых на кафедре юридической психологии и педагогики, в журнале «Прикладная юридическая психология» и других периодических изданиях. Его научные идеи отличались смелостью и радикальностью. В сферу научных интересов Артёма Николаевича в последние годы жизни входили проблемы мифологического типа (уровня) мышления, организационной мифологии и системных отношений в организациях. Его положения об организационных мифах как способах отображения и регулирования организационных реалий, о взаимодействии декларируемых и реальных целей организации, а также сочетании целей организации и сотрудников представля-

ют научный и практический интерес, выступают перспективным направлением научных исследований. Идея недостижения целей в связи с расхождением декларируемых и реальных целей организации, а также расхождением целей организации и сотрудников представляет собой мощную психологическую основу для разработки целого ряда направлений оптимизации деятельности организаций. В планы Артёма Николаевича входило написание и защита докторской диссертации по специальности «Юридическая психология».

В среде коллег Артём Николаевич имел репутацию доброго, отзывчивого, честного, любознательного, творческого, глубоко мыслящего, всесторонне развитого человека.

Руководство и профессорско-преподавательский состав Академии ФСИН России глубоко скорбят и выражают искренние соболезнования родным и близким покойного в связи с постигшей их тяжелой утратой — безвременной кончиной Артёма Николаевича Третьякова.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПСИХОЛОГО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

И. А. Кибак

Аннотация: в статье на основе проведенного исследования и практического опыта в сфере психологии законодательства, рассматриваются перспективы психолого-правового регулирования законодательной деятельности. Указывается, что урегулирование общественных отношений в области психологической деятельности должен обеспечить проект закона «О психологической деятельности в Республике Беларусь». Предлагается единая система подготовки законопроектов, функционирующая в рамках законодательного процесса. Отмечается, что подготовка законопроектов и законодательных актов должна основываться на одних и тех же нормативных и психологических принципах и осуществляться по единым правилам нормотворческой техники. Раскрываются единые правила проведения юридической и психологической экспертизы законопроектов, а также главные причины, препятствующие дальнейшему расширению и практическому использованию психологической экспертизы. Предлагается создание многоуровневой системы учета и организации оценки выдвинутых идей законопроектов.

Ключевые слова: психология законодательства, психолого-правовое регулирование, психологическая деятельность, законодательная деятельность, законопроект, депутат.

Annotation: in this article the outlook for psychological and legal regulation of a lawmaking process is covered. It is based

on the carried out research and practice in the sphere of lawmaking psychology. It is pointed out that the draft "About psychology work in the Republic of Belarus" should help to settle social relations in the sphere of psychology work. There is a suggestion of common drafting system that functions within the lawmaking process. It is mentioned that working out of bills and legislative acts should be based on the common rulemaking and psychological principles and realized according to common rules of lawmaking techniques. Common rules of carrying out of legal and psychological examination are revealed. There is also a disclosing of main reasons that hurdle the development and practical usage of psychological examination. There is a suggestion of creation of multilevel account and appraisal draft system.

Key words: lawmaking psychology, psychological and legal regulation, psychology work, lawmaking process, bill/draft, deputy.

Проблемы психологического обеспечения законодательной деятельности, отвечающие требованиям современности, могут и должны быть решены путем всемерного развития психолого-юридической науки, совершенствования законодательной практики, интенсивной подготовки кадров высшей квалификации в области право- и законодательства. Вопрос о психолого-правовом регулировании законодательного процесса не теряет своей актуальности мно-

го лет. Подготовлено несколько законопроектных актов, направленных на закрепление процедурных правил право- и законотворческой деятельности — «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», «О порядке реализации права законодательной инициативы» и др. Таким образом, очевидно желание законодателя закрепить различные стадии законотворчества в самостоятельных законах, и подобная модель комплексного регулирования законотворчества различными актами существует у некоторых зарубежных государств [1, С. 77]. Очевидно, что без надлежащего научного и психологического обеспечения законотворческого процесса невозможно достичь высокого уровня в этой сфере.

Результаты проведенного исследования, основанные на анализе национального и зарубежного законодательства, практического опыта в сфере психологии законотворчества, изучения научной литературы по теме, позволяющие сформулировать следующие выводы:

1. Действующие законодательные акты регламентируют лишь отдельные аспекты психологической деятельности, но зачастую они несогласованы между собой, несовершенны механизмы их реализации. В частности, психологи уже убедительно доказали, что ни один закон не будет работать, если он противоречит природе человека [2, С. 184]. К сожалению, многие установленные законодательные положения противоречат природе и психологии личности, а отсутствие законодательной базы, регулирующей создание и применение психотехнологий законотворчества, а также специального воздействия на психику и поведение человека, механизмов защиты от них, создает реальную угрозу

безопасности психологической сферы личности.

Регулирование общественных отношений в области психологической деятельности должен обеспечить проект закона «О психологической деятельности в Республике Беларусь». Его цель — определить приоритетные направления психологической деятельности (психологической безопасности, право- и законотворческой деятельности, психологической помощи, психологической экспертизы, психологической науки, психологического образования, психологической культуры, контроль психологической деятельности) и основные принципы государственной политики в психологической сфере, принципы международного сотрудничества и обмена опытом с психологическими сообществами, установить основные цели и задачи по обеспечению психологической деятельности, закрепить ее организационные основы и функции, установить правовые основы обеспечения психологической деятельности личности, общества и государства.

Принятие проекта закона «О психологической деятельности в Республике Беларусь» [3, С. 130-133] позволит определить основные приоритеты в разработке законодательных актов, избежать их дублирования и устранить противоречия в них. Это даст также возможность разработать законопроекты с учетом прогнозов развития психологического обеспечения профессиональной деятельности в Республике Беларусь, усовершенствовать систему прав физических и юридических лиц в психологической сфере, унифицировать психологическое законодательство нашей страны с законодательством Рос-

сийской Федерации и ликвидировать отставание в этом направлении, а также учесть законодательный опыт зарубежных стран в гуманитарной сфере. Решение данной проблемы требует объединения усилий по формированию и созданию единой национальной системы обеспечения профессиональной психологической деятельности.

2. Существующие на практике различия и несогласованность подготовки законопроектов различных уровней и неучтенность психологизации подтверждают важность и значимость выработки научно обоснованного подхода к созданию единой системы подготовки законопроектов, что позволит упорядочить деятельность в данной сфере, повысить психолого-юридическую культуру законодательства, обеспечить высокое качество принимаемых законопроектов. Повышение интенсивности и расширение объема законодательской деятельности порождает необходимость разработки на основе изучения теоретических работ и законодательской практики, научно-обоснованных рекомендаций по совершенствованию механизма подготовки законопроекта и психотехнологии законодательства. Единая система подготовки законопроектов, функционирующая в рамках законодательского процесса, позволит значительно повысить качественный уровень законодательства.

3. Подготовка законопроектов и законодательных актов должна основываться на одних и тех же нормотворческих и психологических принципах и осуществляться по единым правилам нормотворческой техники. Принцип научной обоснованности правового законодательства и его применения предпо-

лагает необходимость использования в этой сфере данных психологической науки. Это вытекает из самого характера правовых отношений, как связанных с различными видами человеческого поведения. Вместе с тем типичной является невостребованность психологических знаний при конструировании институтов и норм законодательного права, а равно при формировании экспертной практики. Такое положение, на наш взгляд, вызвано рядом причин, к числу которых относятся: иллюзия разработчиков законодательства и правоприменителей того, что они в состоянии самостоятельно выделять и решать проблемы, фактически требующие использования психологических знаний на профессиональном уровне; отсутствие в правовой психологии целостной концепции использования ее знаний в разработке законодательства и формирования практики его применения. Обязательное применение теоретически обоснованных, практически апробированных и законодательно закреплённых унифицированных правил нормотворческой техники должно стать необходимым условием подготовки совершенных законопроектов.

Кроме того, важное значение при подготовке законопроектов приобретает использование унифицированных психолого-юридических конструкций, способствующих лаконичности изложения мысли разработчика [законодателя] и являющихся показателем совершенства современной научной психолого-юридической мысли. Психолого-юридические конструкции способствуют формализации текста законопроекта, что, в свою очередь, также значительно влияет на эффективность использования компьютерных технологий. Очевид-

но, уже в ближайшие годы необходимым условием применения прогрессивных компьютерных технологий в законотворческом процессе будет осуществление логической формализации, прежде всего, юридических понятий, терминов и их определений. Неточная, многозначная терминология для выполнения этого условия явно не подходит. Поэтому уже сейчас при подготовке законопроектов необходимо решать задачу унификации понятийно-терминологического аппарата, его семантическую корректность. Существующая практика разработки определений терминов и понятий для их применения непосредственно только в данном нормативно правовом акте (далее — НПА) не соответствует требованиям времени. Без выработки унифицированных юридических понятий, терминов и их определений не представляется возможным эффективное использование компьютерных программ [4, С. 91-93].

4. Подготовка законопроекта не может быть обособленным процессом, не связанным системно с остальными этапами законотворческого процесса. Их последовательность, взаимосвязь и взаимозависимость являются слагаемыми высокой эффективности подготовки законопроектов. Наряду с внешней системностью, существенную роль играет внутренняя системная последовательность этапов подготовки законопроекта. Стройная, научно обоснованная психологическая система подготовки проекта, включающая взаимосвязанные, последовательно осуществляемые этапы, является основой качественной и своевременной подготовки законопроектов.

5. Психология законотворчества должна идти в теоретико-прикладном

направлении правовой психологии, которое обслуживает законодателя, а следовательно, решать исследовательские задачи в рамках его потребностей, выражаемых, в частности, в правовых дефинициях и их законопроектах. Психология законотворчества предполагает оптимальные с ее точки зрения решения; законодатель же дает им окончательную оценку с учетом и других аспектов проблемы. Потребности законодателя и требования правовой теории к законотворчеству определяют «заказ» психологии законотворчества, как раздела психолого-юридической науки, но не задают и не могут задавать predetermined решений. Этот же подход распространяется на психологическую интерпретацию положений закона в процессе формирования практики его применения. При этом в психологии законотворчества видятся несколько взаимосвязанных направлений, предметом которых являются психологические закономерности, характеризующие: правосознание и общественное мнение; экспертную и консультативную деятельность психологов в законотворчестве; формирование правового сознания различных социальных слоев и групп населения, общественно полезных социальных установок, мотивов, лежащих в основе законопослушного поведения граждан, экспертная оценка которых имеет значение для установления объективной истины; формирование вербальных обоснований и их оценку о соответствующих или противоречащих психологии личности нормам и др. Все это и должно явиться предметом исследования, результат которого обосновывает комплекс положений, характеризующих механизм включения психологических

знаний в процесс законотворчества и правоприменения во всех сферах деятельности.

6. Анализ актов законодательства и практики подготовки законопроектов выявил неполноту психолого-правового регулирования отношений, связанных с проведением психологической экспертизы [далее — ПЭ]. Законодательно не установлен единый порядок проведения как юридической, так психологической экспертизы для проектов всех видов НПА, не определена юридическая сила заключения, подготовленного по результатам юридической и ПЭ, отсутствует механизм его реализации. В этой связи требуется установление единых правил проведения юридической и психологической экспертизы законопроектов [далее — ПЭЗ], в которых определяются единые принципы, требования, правовой статус экспертов, персональная ответственность экспертов, права и обязанности субъектов, юридическая сила экспертного заключения и др. Наряду с проведением ПЭ каждый законопроект должен быть подвергнут лингвистической экспертизе, поскольку недопустимо, чтобы правовые нормы противоречили законодательству, были изложены сложным и малоупотребительным языком с использованием сложных синтаксических построений, имели грамматические ошибки и т. д.

ПЭЗ, проведенная на высоком профессиональном уровне [научными сотрудниками факультетов [институтов] психологии, преподавателями психологии высших учебных заведений, медицинскими психологами, реже — психиатрами], позволит значительно улучшить качество законопроекта, предотвратить коллизии и дублирование правовых

норм в законодательстве, исключить возможность негативных социально-психологических последствий при будущей реализации правовых норм [5, С. 4-6]. Главными причинами, препятствующими дальнейшему расширению и практическому использованию ПЭ, являются: отсутствие закона «О психологической деятельности»; отсутствие методических рекомендаций; отсутствие унифицированных и испытанных методик проведения экспертизы, обеспечивающих объективность и возможность проверки заключений эксперта-психолога; организационная неразработанность и отсутствие единой системы психологической службы законотворчества; отсутствие психологических исследований в области законотворчества; отсутствие надлежащих познаний у депутатов, участников законотворческого процесса, необходимых для назначения, составления вопросов и оценки результатов этого вида экспертизы; отсутствие квалифицированных специалистов для проведения таких экспертиз; отсутствие острой необходимости в рассмотрении данного вида экспертизы, как считают депутаты и правоприменители.

Представляется целесообразным принятие Закона «О психологической экспертизе правовых законов» либо закрепление непосредственно в Законе «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» нормы о том, что орган, назначающий ПЭЗ, в постановлении указывает перечень материалов, предоставляемых эксперту, и содержащиеся в них исходные данные, или принять проект Закона «Об основах экспертной деятельности в Республике Беларусь» [6, С. 70-72], который определит область применения экспертизы, объек-

ты экспертизы, права, обязанности и ответственность субъектов экспертной деятельности, допуск организаций к экспертной деятельности, международное сотрудничество, механизмы и принципы ПЭЗ и другие вопросы, обеспечит регламентацию этого вида деятельности и явится основой для дальнейшего совершенствования и развития нормативно-правовой базы в этой сфере.

Для необходимого повышения качества нашего законодательства наряду с устранением причин, вызывающих нарушение его гибкости и стабильности, следовало бы установить и надлежащую юридическую ответственность за брак в право- и законотворчестве. Законодательно установить ответственность разработчиков законопроектов, в частности за нарушение в них Конституции и других законов [7, С. 27].

7. Необходимость совершенствования законотворчества требует планирования, психолого-правового прогнозирования и осуществления не только законотворческих задач, но и других, связанных с ними мероприятий. Несмотря на принимаемые в этом направлении меры, проблема научного обеспечения законотворчества еще не решена. Одним из способов решения обозначенной проблемы может стать отражение в новой государственной программе тем научных исследований, непосредственно связанных с наиболее сложными и значимыми законопроектами, подготовка которых будет предусмотрена этой программой. Закрепление конкретных тем и научных учреждений, ответственных за их изучение, и сроков предоставления результатов исследований субъектам права явится организационно-правовым механизмом взаимодействия

психолого-юридической науки и законотворчества на перспективу.

8. Требуется создание многоуровневой системы учета и организации оценки выдвинутых идей законопроектов. Постепенно сформируется банк идей законопроектов. Для выполнения этой масштабной работы необходим независимый психолого-правовой общественный центр, который сам не должен оценивать суть идей законопроектов. Он должен взять на себя не только сугубо технические функции — регистрацию и организацию общественной экспертизы качества и перспективности идей законопроектов, но и проведение ПЭЗ. И здесь неоценимую помощь может оказать Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, где должна вестись картотека законодательных предложений. С началом перестройки эта уникальная и очень нужная работа прекратилась, но методология, методика и техника систематизации законодательных идей не пропали и, по всей видимости, многое из наработанного в этой области вполне можно использовать.

Таким образом, подготовка законопроектов — процесс творческий и поэтому требует всестороннего научно обоснованного и практического подхода. Что касается специалистов, то они, кроме высокой общетеоретической подготовки, должны обладать опытом, навыками создания весьма специфических юридических текстов. Для специализированной подготовки целесообразно их введение в учебный процесс в высших учебных заведениях психолого-юридического профиля при преподавании психолого-юридических дисциплин «Юридическая психология», «Теория го-

сударства и права», а также при разработке спецкурсов «Психология право- и законотворчество», «Основы законодательной техники». Такое обучение позволило бы студентам выпускных курсов освоить психологические основы законотворчества, приобрести навыки составления юридических текстов, разработки концепций, психотехнологий, обоснований, проведения психологических и других экспертиз законопроектов и др. Все это окажет психологическое воздействие не только на качественный уровень практики подготовки законопроектов, но и на законодательное регулирование в целом.

Литература

1. *Бошно С. В.* Правотворчество: путь от источника к форме права: лекции // Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. — М., 2002.
2. *Литвак М. Е.* Профессия — психолог. — Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1999.
3. *Кибак И. А.* О необходимости принятия Закона Республики Беларусь «О психологической деятельности» // сб. ст. респ. науч. конф. «Развитие психологии в Беларуси: история и современность» / редкол.: Л. А. Кандыбович [отв. ред.] [и др.]: в 2 ч. — Минск: БГПУ им. М. Танка, 2001. — Ч. 2.
4. *Алиев Н. Г.* Правовая информация и законотворчество // Вестн. Межпарламентской Ассамблеи. — 1995. — № 4 [11].
5. *Дмитрук В. Н.* Юридическая экспертиза проекта закона // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. — 2002. — № 1 [3].
6. *Кибак И. А.* О необходимости подготовки Закона Республики Беларусь «Об основах экспертной деятельности в Республике Беларусь» // Правовые акты: социальная обусловленность, качество, применение и совершенствование: материалы межвузов. науч.-практ. конф., Минск, 28 марта 2002 г. — Минск: НО ООО «БІП-С», 2002.
7. Концепция стабильности закона / редкол.: В. П. Казимирчук [отв. ред.] [и др.]. — М., 2000.